

The Founder: *International Turkic Academy (TWESCO)*

Editor-in-Chief: *Darkhan Kydyrali*

Managing Editor: *Timur Kozyrev*

Editorial Council:

<i>Adil Akhmetov</i>	Member of the High School Scientific Academies, Russian Federation and the Republic of Kazakhstan
<i>Bakhtiyar Babadjanov</i>	Main Researcher of the Oriental Institute, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
<i>Dmitriy Vasilyev</i>	Head of the Oriental History Department, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
<i>Dusen Kaseinov</i>	TURKSOY Secretary General
<i>Farhad Mamedov</i>	Director of the Center for Strategic Studies under the President of Azerbaijan
<i>Ramil Hasanov</i>	Turkic Council Secretary General
<i>Halil Akıncı</i>	Turkic Council Founding Secretary General
<i>Jamshit Ismatullayev</i>	Acting Director of the Institute for Strategic and Interregional studies under the President of the Republic of Uzbekistan
<i>Kadyraly Konkobayev</i>	Main Researcher of the Turkology Department, Kyrgyz-Turkish “Manas” University
<i>Laszlo Maracz</i>	Assistant Professor of European Studies, University of Amsterdam
<i>Maulen Ashimbayev</i>	Head of the Committee of International Affairs, Defence and Security of the Majilis Parliament, Republic of Kazakhstan
<i>Nizami Caferov</i>	Head of the “Ataturk” Center, Azerbaijan
<i>Ramil Hajrutdinov</i>	Director of the Institute for International Relations, History and Orientalistics of the Kazan (Volga) Federal University; Head of the Heraldic Council under the President of the Republic of Tatarstan
<i>Timur Kocaoğlu</i>	Associate Director of the Center for European and Russian, and Eurasian Studies, Michigan University
<i>Tomohiko Uyama</i>	Professor of Central Asian Studies, Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University
<i>Zhandos Asanov</i>	TURKPA Secretary General

Editorial Board:

<i>Kaiyrbek Arystanbekov</i>	Doctor of Economical Sciences
<i>Askhat Kessikbayev</i>	PhD in International Relations

Executive editor: *Zhandos Badeluly*

Designer: *Gaukhar Trusbayeva*

CONTENTS

PREFACE			4-5
----------------	--	--	-----

Humanities

1	Javdet Suleymanov, Ayrat Gatiatullin, Akmaral Almenova, Artur Bashirov (<i>Tatarstan, RF</i>)	Multifunctional Model of Turkic Morpheme	8-21
2	Saodat Davlatova (<i>Uzbekistan</i>)	Risalah as a Collection of Charters and Rules of the Handicraft Business	22-32
3	Anar Qurmanjan (<i>China</i>)	The Function of Formulae in the “Kitab-i Dede Qorqud”	33-38
4	Arifjan Salimov (<i>Uzbekistan</i>)	The History of the Appearance of Caravan-Sarays on the Great Silk Road	39-44
5	Elçin İbrahimov (<i>Azərbaycan</i>)	Turks in the History of the World Culture	45-50
6	Adhamjon Ashirov (<i>Uzbekistan</i>)	Popular Beliefs of the Ferghana Valley Related to Water	51-59

International Cooperation & Socio-Economic Processes

7	Arastu Hebibbeyli (<i>Azerbaijan</i>)	Azerbaijan’s Foreign Policy – Celebrating 25th Anniversary	60-73
8	Vadim Khomenko, Marat Gibadullin, Aygul Nuriyeva (<i>Tatarstan, RF</i>)	Economic Relations of the Republic of Tatarstan with the CIS-states: the Perspectives of Cooperation	74-83
9	Askhat Kessikbayev (<i>Kazakhstan</i>)	Is the “TANAP” Project a Rival to the “Turkish Stream”?	84-88

10	Rabiyyat Aslanova (<i>Azerbaijan</i>)	Actual Problems of Cultural Integration of Turkic World in XXI Century in the 25th Year of Their Independence	89-105
11	Irina Nevskaya (<i>Germany</i>), Saule Tazhibaeva (<i>Kazakhstan</i>), Timur Kozyrev (<i>Kazakhstan</i>)	Turkic Ethnic Groups in Kazakhstan: Current Situation and Dynamics of Development	107-125
12	Abbas Hacıyev (<i>Azerbaijan</i>)	Cavad Cavadlı-90: Kazakhstan Became Second Homeland for Him	114-115

History Issues

13	Mikhail Nesin (<i>Russia</i>)	Makhmoud, the Khan of Kazan, and Vasily II	116-135
14	Feruza Cumaniyazova (<i>Uzbekistan</i>)	Turkic Presence in North India in the Pre-Islamic Period: the Tegin-Shahs of Kabul and the Rutbils of Zabulistan	136-146
15	Yaroslav Pylypchuk (<i>Ukraine</i>)	Christian Warriors of the Crimean Khanate	147-159
16	Bulat Khamidullin (<i>Tatarstan, RF</i>)	Kazan Khanate as a Unified Ethno-Political Community (with the Example of Udmurts in the Tatar State)	160-177
17	Gaybullah Babayarov, Andrey Kubatin (<i>Uzbekistan</i>)	Over the Rhomb-Like Tamga on the West-Turkic Qaghanate's Coins	178-189
18	Nail Sadriyev (<i>Tatarstan, RF</i>)	Main Types of Dwelling Buildings in the Period of Kazak Khanate (Supported the Materials of Archaeologic Studies on the Territory of the Kazan Kremlin)	190-199

МАЗМУНЫ

АЛҒЫСӨЗ 4-5

Гуманитарлық ғылымдар

1	Сулейманов
Джавдет Шевкетович,
Гагиатуллин
Айрат Рафизович, Альменова
Акмарал Байжановна, Баширов
Артур Маратович (<i>Татарстан,
РФ</i>)	Многофункциональная
тюркской морфемы	модель	8-21
2	Давлатова
Саодат Тиловбердиевна (<i>Узбеки-
стан</i>)	Рисаля как сборник уставов и правил
по ремесленному делу		22-32
3	Анар Құрманжанқызы (Қытай)	«Қорқыт ата кітабындағы»
формулалықтың
атқаратын қызметі		33-38
4	Салимов
Арифджан Муслимович
(<i>Узбекистан</i>)	История возникновения караван-са-
раев
на Великом Шелковом пути		39-44
5	Elçin İbrahimov
(<i>Azərbaycan</i>)	Dünya mədəniyyəti tarixində türklər		45-50
6	Аширов
Адхамжон Азимбаевич (<i>Узбеки-
стан</i>)	Поверья населения Ферганской
долины,
связанные с водой		51-59

Халықаралық қатынастар және әлеуметтік-экономикалық үдерістер

7	Arastu Hebibbeyli
(<i>Azerbaijan</i>) | Azerbaijan's Foreign Policy – Celebrat-
ing 25th Anniversary | | 60-73 |
|---|--|---|--|-------|

8	Хоменко Вадим Васильевич, Гибадуллин Марат Зуфарович, Нуриева Айгуль Рустамовна (<i>Татарстан, РФ</i>)	Внешнеэкономические связи Республики Татарстан с государствами СНГ: перспективы двухсторонних отношений	74-83
9	Askhat Kessikbayev (<i>Kazakistan</i>)	“TANAP” projesi “Türk Akımı”nın ra- kibi mi?	84-88
10	Rabiyat Aslanova (<i>Azerbaijan</i>)	Actual Problems of Cultural Integration of Turkic World in XXI Century in the 25th Year of Their Independence	89-105
11	Невская Ирина Анатольевна (<i>Германия</i>), Тажибаева Сауле Жаксылыкбаевна (<i>Казахстан</i>), Козырев Тимур Анатольевич (<i>Казахстан</i>)	Тюркские этносы Казахстана: теку- щее состояние и динамика развития	107-125
12	Abbas Naciyeu (<i>Azərbaycan</i>)	Cavad Cavadli-90: Qazaxıstan onun ikinci vətəni olmuşdür	114-115

Тарих мәселелери

13	Несин Михаил Александрович (<i>Россия</i>)	Казанский хан Махмуд и Василий II	116-135
14	Feruzat Cumaniyazova (<i>Uzbekistan</i>)	İslamiyet'ten önce Kuzey Hindistan'da eski Türk varlığı: Kabil tegin-şahları ve Zabulistan rütbilleri	136-146
15	Пилипчук Ярослав Валентинович (<i>Украина</i>)	Христианское воинство Крымского ханства	147-159
16	Хамидуллин Булат Лиронович (<i>Татарстан, РФ</i>)	Казанское ханство как цельная этнополитическая общность (на примере нахождения удмуртов в составе татарского государства)	160-177
17	Бабаяров Гайбулла Баллыевич, Кубатин Андрей Викторович (<i>Uzbekistan</i>)	К вопросу о ромбовидной тамге на монетах Западно-Тюркского каганата	178-189
18	Садриев Наиль Равилевич (<i>Татарстан, РФ</i>)	Основные типы жилых построек периода Казанского ханства (по материалам археологических исследований на территории Казанского кремля)	190-199

FOREWORD BY THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear readers!

The “GLOBAL-Turk” journal is finishing its third year. We offer our readers last volumes of the journal published in 2016.

This year the Turkic Academy, as an international organization whose goal is the unity of the scientific communities of the Turkic World and Eurasia, achieved a number of valuable successes.

In January we held the conference with the participation of the Prime-Minister of Turkey, as well as the most prominent and well-known scientists, state and public figures, intellectuals of Kazakhstan.

In March we organized the international symposium over the synergetic processes on the Great Silk Road in the UN head-quarter located in New York, in which the diplomats and prominent scientists of 20 countries took part. This was helpful to attract the attention of the world’s intellectual community to the issues of Turkic World and the integration of the “Greater Eurasia”.

In May we held the I “Great Steppe” Humanities Forum joining together the well-known scientists of 15 countries in Kazakhstan’s capital Astana, with the participation of the Secretary of State of the Republic of Kazakhstan.

In August we initiated the organization of the high scale archaeology expedition to the Shiveet Ulaan ritual complex of the ancient Turks in Mongolia, which provided the world’s scientific community with useful data over the spiritual culture of the ancient Turks. Besides, within the framework of the expedition we organized the II Field Seminar of the Turkic and Mongolian Archaeologists.

The articles which entered into this joint #3-4 volume deal with important issues like the development of humanities in the Turkic countries and regions, as well as cooperation in this field, the rich cultural heritage of the brotherly nations, broadening and strengthening of the economic relations in the Turkic world, the most interesting issues of our history.

We are looking forward for your scientific articles, opinions and proposals related to the pressing issues of our work.

I wish you all the best!

Darkhan Kydyrali,
President
of the International Turkic Academy (TWESCO),
Editor-in-chief of the “GLOBAL-Turk” journal

БАС РЕДАКТОРДЫҢ АЛҒЫСӨЗІ

Қадірлі оқырман!

Халықаралық Түркі академиясының “GLOBAL-Turk” басылымы үшінші жылын тәмамдап жатыр. Сіздердің назарларыңызға халықаралық ғылыми журналдымыздың 2016 жылғы соңғы нөмірлерін ұсынамыз.

2016 жылы Түркі әлемі және Еуразия елдерінің ғалымдарының ынтымақтастығын көздейтін біздің халықаралық ұйымымыз бірқатар елеулі табыстарға қол жеткізді.

Биыл қаңтар айында Түркияның Премьер-министрінің қатысуымен Қазақстанның ең алдыңғы қатарлы ғалымдарының, мемлекет және қоғам қайраткерлері мен зиялыларының басын қосқан конференция өткіздік.

Наурыз айында АҚШ-тың Нью-Йорк қаласында, БҰҰ-дың штаб пәтерінде, 20 елдің дипломаттары мен танымал ғалымдарын қатыстырып Ұлы Жібек жолындағы синергиялық үдерістерге арналған халықаралық симпозиум өткіздік, осылайша түркі әлемі және «Үлкен Еуразияның» интеграциясы мәселелеріне дүниежүзілік зияткерлік қауымның назарын аударттық.

Мамыр айында Қазақстанның елордасы Астана қаласында 15 елдің көрнекті ғалымдарын жинап, Қазақстан Республикасының Мемлекеттік хатшысының қатысуымен «Ұлы дала» I гуманитарлық ғылымдар форумын ұйымдастырдық.

Тамыз айында Түркі академиясының ұйытқы болуымен Моңғолияда көне түркі Шивээт улаан ғұрыптық кешенінде ауқымды археологиялық экспедиция ұйымдастырылып, әлемдік ғылыми қауымдастыққа пайдасы зор көне түркілердің рухани мәдениеті жайлы тың мәліметтер ашылды, түркі-моңғол археологтарының II далалық семинарын өткіздік.

Біздің журналдымыздың осы біріккен 3-4 санына кірген мақалалар түркі елдері мен аумақтарындағы гуманитарлық ғылымдардың дамуы мен өзара әрекеттесуіне, туыстас халықтардың алуан қырлы мәдени мұрасына, түркі әлеміндегі экономикалық байланыстардың кеңейіп нығаюына, қызғылықты тарихи тақырыптарға арналған.

Сіздердің ғылыми мақала, пікірлеріңіз, жұмысымыздың көкейтесті мәселелеріне қатысты құнды ұсыныстарыңызды күтеміз.

Құрметпен,

Дархан Қыдырәлі,
Халықаралық Түркі академиясы (TWESCO) президенті,
“GLOBAL-Turk” журналының бас редакторы

**МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
ТЮРКСКОЙ МОРФЕМЫ**

MULTIFUNCTIONAL MODEL OF TURKIC MORPHEME

Сулейманов Джавдет Шевкетович**
Гатиатуллин Айрат Рафизович****
Альменова Акмарал Байжановна*****
Баширов Артур Маратович*****

ABSTRACT:

The methods for the organization, formalization and structuring of data as elements of knowledge base are important to the linguistic resources used to create computer language processors. Currently, it is especially important while creating databases and knowledge bases for the computer processing of Turkic languages. This article proposes a conceptual and structural description of a multifunctional linguistic model of the Turkic morpheme, built on the basis of the pragmatic-oriented approach for constructing linguistic models.

The multifunctional model of the Turkic morpheme is information software, including technology tools for filling the database, used as a resource base for a number of practical applications.

Filled with the relevant content, the model may be used in various practical ways, primarily as a resource base for the computer processing software of Turkic languages, as well as an information and reference system of Turkic morphemes, and as a tool for Turkology scientists, researching morphology, in particular for a comparative analysis of Turkic language units.

The use of the morpheme model as a resource base of this kind is primarily caused by the significance of the morphological language level while processing natural language texts. This is especially relevant for the agglutinative languages with a rich morphology, which include all the languages of the Turkic family.

KEY WORDS:

Turkic morpheme, multifunctional model of Turkic morpheme, Machine translation, Computer based Turkic languages processing

Введение

В течение последних 20-25 лет практически по нарастающей осуществляются разносторонние исследования в области компьютерной обработки тюркских языков, а также разрабатываются системы и технологии

** Доктор технических наук, директор института Прикладная семиотика Академии наук Республики Татарстан. E-mail: dvdt.slt@gmail.com

**** Кандидат технических наук, начальник отдела информационных технологий Академии наук Республики Татарстан. E-mail: agat1972@mail.ru

***** Младший научный сотрудник института Прикладная семиотика Академии наук Республики Татарстан. E-mail: almen_akmaral-baijan@mail.ru

***** ООО «ТемирТех», заместитель директора по техническому развитию. E-mail: a.basheerov@gmail.com

с целью активного использования тюркских языков в киберпространстве как языков накопления, обработки и передачи информации (например, [Сулейманов 1993: 85-86; Сулейманов 1994: 77-106; Oflazer 1994; Сулейманов 1996: 388-395; Atalay 2003; Adongbieke 2004; Bilkiz 2004; Шарипбаев 2005; Orhun 2010; Sharipbayev 2011: 463; Ilgen 2013, Zheltov 2015; Makazhanov A. 2015; Oorzhak 2015]). Наибольшее количество работ посвящено разработкам в области автоматизации морфологического анализа, морфологического аннотирования текстов (например, [Дыбо 2014; Сиразитдинов; Шарипбаев 2012: 397-400; Sharipbay 2014: 113-117; Orhun 2010; Желтов 2002;]), что вполне ожидаемо и естественно для тюркских языков и объясняется их структурными особенностями и важным значением морфологии практически во всех аспектах обработки татарских текстов, будь то снятие многозначности, определение тональности текста или машинный перевод и поиск информации в электронном пространстве. Наиболее активно в данной области работают турецкие, уйгурские, казахские, татарские ученые, что отражается также и в количестве публикаций и программных разработок (например, [Aisha 2009:69-83; Altenbek 2006: 557-560; Çetin 2013; Akba 2014: 180-184; Kaya 2012: 174–180; Ehsani 2012; Durgar El-Kahlout 2008; Yıldırım 2013; Tukeyev 2015]).

Вместе с тем, следует обратить внимание на следующие две тенденции, которые необходимо преодолеть исследователям тюркских языков в области компьютерной лингвистики.

Первое, это отсутствие реальной интеграции исследований, согласованности в разработках. Это особенно важно в области терминотворчества и формирования новых понятий, связанных с новыми компьютерными технологиями. Учитывая тот факт, что практически каждый тюркский язык просто заимствует с переводом или без перевода уже готовый термин с английского языка, специалистам предоставлен исторический шанс создать общетюркский словарь компьютерных терминов, что послужит сближению родственных языков в киберпространстве.

Второе, это практически дублирование лингвистических моделей и программных модулей их обработки, в основе своей на 70-80 и более процентов являющихся общими для всех тюркских языков, как при разработке структуры и функционала электронных корпусов языков, грамматических анализаторов, так и машин поиска и систем машинного перевода. Очевидно, преодоление такого дублирования, объединение усилий на совместных разработках и даже обмен программными модулями позволят сэкономить финансы, направить усилия специалистов на нерешенные проблемы и достичь общего прорыва в области создания технологий для обработки тюркских языков, и даже создавать новые технологии обработки информации на основе лексико-грамматических особенностей тюркских

языков [Suleymanov 2010: 210-213].

Сегодня де-факто определились основные точки теоретической и практической активности в пространстве тюркских языков и настало время для объединения усилий специалистов, а также формирования общих принципов и подходов в области компьютерной обработки тюркских языков. В перспективе это послужит повышению эффективности сравнительно-сопоставительных исследований, а также успешному продвижению по пути создания многоязычных систем обработки текстов и решения других фундаментальных и прикладных задач.

Известно, в настоящее время в мире проводится множество научных конференций, семинаров, секций, научных школ разного уровня, где представляются результаты исследований специалистов в области компьютерной обработки тюркских языков. Чаще всего их целью является публикация трудов, обмен опытом и результатами, научное общение, установление контактов.

Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков TurkLang, учрежденная и проведенная в 2013 году в Астане [Труды 2013:] (далее в Стамбуле - в 2014 [Proceedings 2014: 135], в Казани - в 2015 [Proceedings 2015: 488] и в Бишкеке – в 2016), изначально ориентирована стать одним из действенных механизмов, способствующих интеграции усилий специалистов по выработке стандартов представления языковой информации и организации информационных и технологических ресурсов тюркских языков в единое пространство.

Следующим этапом интеграции усилий является создание портала TurkLang с единой информационно-ресурсной базой по компьютерной обработке тюркских языков. Портал, по мнению организаторов и участников конференции, должен включать единую многоязычную систему машинного перевода для тюркских языков, а также единую систему многоязычного информационного поиска в сети Интернет на тюркских языках. Для разработки этих программных продуктов необходим целый ряд лингвистических ресурсов, моделей и словарей. В качестве одного из таких важных ресурсов предлагается и описывается в данной статье многофункциональная модель тюркской морфемы.

Многофункциональная модель тюркской морфемы представляет собой информационно-программный комплекс, как технологический инструментарий, для заполнения базы данных, а также использования ее в качестве ресурсной базы для ряда практических приложений. Одно из применений – в качестве ресурсной базы для программных продуктов, осуществляющих компьютерную обработку тюркских языков. Следующее применение – в качестве информационно-справочной системы, содержащей практически полную информацию о тюркских языковых единицах –

морфемах. Еще один аспект использования модели – это в качестве инструментария для исследований ученых-тюркологов, в частности, для сравнительного анализа тюркских языковых единиц. Концептуальным ядром многофункциональной прагматически-ориентированной лингвистической модели, служащим для сравнительного анализа, является реляционно-ситуационная модель, которая предназначена для описания контекстно-семантических характеристик морфем.

Использование в качестве подобной ресурсной базы именно модели морфем обусловлено исключительной значимостью морфологического языкового уровня при обработке естественно-языковых текстов. Особенно это актуально для языков агглютинативного типа с богатой морфологией, к которым относятся все языки тюркского семейства.

Авторами данной статьи разработана компьютерная структурно-функциональная модель татарских аффиксальных морфем, описанная в работе [Сулейманов 2003: 220]. Опыт создания и использования структурно-функциональной модели для татарских аффиксальных морфем показал, что ценность и эффективность использования модели существенно возрастет при ее многоязычном использовании для нескольких тюркских языков, а также расширении модели для описания корневых морфем.

1. Описание модели

Многофункциональная модель тюркских морфем представляет собой прагматически-ориентированное структурно-функциональное описание элементов морфологии [Сулейманов 2003: 220; Сулейманов 2013: 220-223] и позволяет осуществить полную «инвентаризацию» тюркских морфем с описанием характеристик и ситуаций их проявления на всех языковых уровнях (фонологическом, морфологическом, синтаксическом, семантическом). Важными свойствами при построении компьютерной многофункциональной модели являются концептуальные (полнота и точность описания характеристик), технологические (открытость, наличие средств для доступа, заполнения и применения) и прагматические (многофункциональность, удобство обработки, дружественный интерфейс) аспекты разработки и эксплуатации.

Многофункциональная модель является открытой, что позволяет вносить в нее даже единичные, незначительные на первый взгляд, проявления характеристики морфем, при необходимости модифицируя и саму структуру модели без изменения программного кода.

Архитектура многофункциональной модели тюркской морфемы представляет собой иерархическую модель, состоящую из множества подмоделей. Модель морфемы каждого из тюркских языков является

составной частью общей модели. Общая схема модели представлена на рис. 1.

Модель морфемы каждого из тюркских языков включает модели корневых морфем и аффиксальных морфем. Связь между моделями морфем для отдельных языков осуществляется с помощью реляционно-ситуационной модели [Сулейманов 2013: 329-332], которая используется для описания семантического аспекта моделей отдельных тюркских языков, включенных в единую модель.

Рис.1 Общая схема модели

Каждая из подмоделей, представленных на рис.1 состоит из следующих аспектов:

1. Идентификационный аспект.
2. Морфонологический аспект.
3. Морфологический аспект.
4. Синтаксический аспект.
5. Семантический аспект.

Рассмотрим содержание одного из аспектов модели - идентификационного аспекта. Идентификационный аспект содержит различные идентификаторы морфемы для использования в разных программах и имеет следующую структуру:

- i. Обозначение морфемы
- ii. Цифровой идентификатор
- iii. Идентификатор для разметки корпуса
- iv. Название морфологической категории
 1. Типологическое английское
 2. Типологическое русское
 3. Название на русском языке
 4. Название на национальном языке

Далее раскроем содержание этих пунктов.

1.1. Обозначение морфемы

Примеры обозначения аффиксальных морфем татарского языка: $-[c]Ы$; $-[н]ДAn$.

Известно, что морфема в лингвистике определяется как минимальная значащая часть слова, совокупность морфов (алломорфов), имеющих одинаковое значение и ряд других общих признаков. Одним из таких признаков, согласно работам московской фонологической школы, является свойство регулярности чередования [Мельчук, 2001]. То обстоятельство, что аффиксальная морфема является не одним элементом, а совокупностью элементов – алломорфов, звучащих по-разному, но имеющих одинаковое значение, становится важным фактором при создании программ распознавания речи, машин поиска и систем перевода. Соответственно, для такой совокупности алломорфов в разных программах по обработке тюркских языков следует использовать единую систему обозначений, чтобы можно было однозначно идентифицировать как сами морфемы, так и их элементы.

В приведенном здесь обозначении аффиксальной морфемы ($-[н]ДAn$: татарская падежная морфема: исходный падеж) символ дефис ‘-’ показывает связность данной морфемы слева, т.е. в словоформе с данной аффиксальной морфемой слева от нее обязательно должна следовать другая морфема.

В квадратные скобки заключаются символы, встречающиеся не во всех алломорфах данной морфемы (т.е. контекстное проявление).

Прописными символами обозначаются символы, которые могут меняться в разных алломорфах (глубинные, лексические символы).

Строчными символами обозначаются символы, которые не меняются во всех алломорфах морфемы (поверхностные символы).

1.2. Цифровой идентификатор

Цифровой идентификатор имеет следующий вид: 01.1.01.

В данном обозначении первые две цифры обозначают номер языка, третья цифра (между точками) показывает тип морфемы (корневая (1) или аффиксальная (2)), а последующие цифры обозначают порядковый номер самой морфемы.

1.3. Идентификатор для разметки корпуса

Идентификатор для разметки корпуса представляет собой сокращенное название морфологической категории, с помощью которого морфема представляется в электронном корпусе, т.е. это общепринятое обозначение (тэг), используемое при аннотировании текстов в электронном корпусе языка.

Например: DIR, ABL.

Если морфема используется для выражения нескольких морфологических категорий, то выбирается одна из этих категорий, наиболее частотная или более важная, по усмотрению эксперта.

1.4. Название морфологической категории – содержит названия морфологической категории, употребляемые на разных языках или в разных коллективах специалистов (позиция установления соответствия между категориями)

Например:

1. Типологическое английское: Directive
2. Типологическое русское: Директив
3. Русское: Направительный падеж
4. Национальное:

Таблица 1

Название	Язык
Юнәләш килеш	Татарский
Yönelme hali	Турецкий
Барыс септік	Казахский
Жуналиш келишик	Узбекский
Догърултув келиши	Крымскотатарский

1. Семантический аспект. Синонимия

Семантический аспект модели содержит параметр – «Синонимия». Этот параметр служит в модели для связи между собой синонимичных морфем. Все морфемы, как корневые, так и аффиксальные, всех языков, описанных в

модели, делятся на синонимичные классы, и каждому классу присваивается свой уникальный номер. В этом параметре модели для каждой морфемы указывается номер его синонимичного класса. Так, в таблице 2 приведен список корневых морфем, у которых в параметре «Синонимия» указан 734-й синонимичный класс. Все корневые морфемы в таблице принадлежат разным языковым подмоделям многофункциональной модели, и информация о названии языковой подмодели приведена в поле «Язык».

Таблица 2

Морфема	Синонимический класс
Татарский язык	
арлекин	734
балаганчы	734
кәмитче	734
комик	734
мәзәкче	734
мәсхәрәче	734
шамакай	734
Казахский язык	
арлекин	734
қалжыңқой	734
қуақы	734
қылжақпас	734
маскарапаз	734
Турецкий язык	
arleken	734
soytarı	734
Узбекский язык	
masxaraboz	734
mazaxchi	734

Аффиксальные морфемы также классифицируются по синонимичным классам.

Параметр синонимичного класса может быть использован в различных прикладных программах: системах многоязычного поиска, системах машинного перевода среди тюркских языков.

2. Программное обеспечение для работы с моделью

Программное обеспечение для работы с многофункциональной моделью тюркской морфемы находится на стадии разработки и реализуется в виде веб-ресурса.

Программное обеспечение реализуется таким образом, чтобы оно было доступно в нескольких режимах:

- режим просмотра (для рядовых пользователей);
- режим редактирования содержания (для лингвистов-экспертов);
- режим редактирования структуры модели.

На рис. 2 представлена страница пользовательского интерфейса для просмотра и редактирования идентификационного аспекта.

Реализация программного обеспечения в виде Web-интерфейса позволяет производить заполнение базы данных модели специалистами, работающими с разными тюркскими языками. Для этого реализуется возможность регистрации и предоставления прав доступа разного уровня для редактирования информации по отдельно взятому языку. Это позволит объединить усилия специалистов, работающих с разными тюркскими языками.

Модель является открытой и ее можно перманентно дополнять и модифицировать. Программа для работы с моделью реализуется как многоязычная, поэтому работать с моделью и задавать запросы к базе данных можно как по отдельно взятому языку, так и по свойствам морфем для всех тюркских языков.

Рис. 2. Страница редактирования идентификационного аспекта

В данный момент ведется заполнение базы данных модели для татарского, казахского, крымскотатарского, турецкого и узбекского языков. На основе базы данных, заполненных для этих языков, разработан морфологический анализатор (Рис.3), программная часть которого языконезависима и универсальна для всех тюркских языков.

Для запуска морфологического анализа текста на одном из тюркских языков необходимо выбрать язык анализируемого текста. В примере на

рис. 3 изображен фрагмент анализа текста на крымскотатарском языке. В правой части окна представлены результаты анализа словоформы, а также его синонимы на других языках. Вся информация для работы программы берется из базы данных многофункциональной модели тюркской морфемы. Обозначения морфем берутся из идентификационного аспекта модели, описанного в статье.

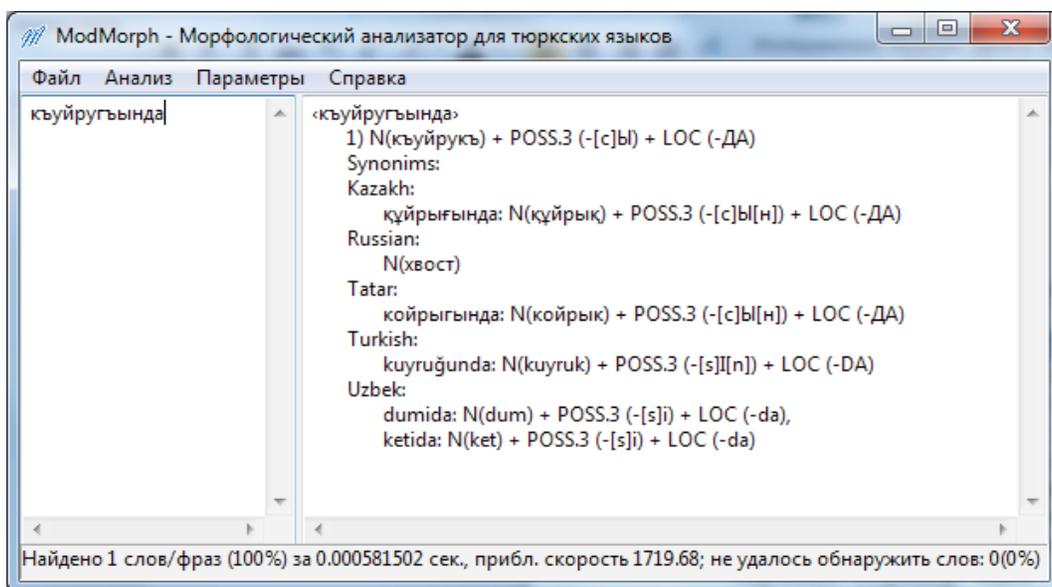

Рис.3. Интерфейс модуля морфологического анализа

Программные модули, такие как морфологический анализатор, и другие, использующие лингвистическую базу модели, одновременно являются и некими тесторами, проверяющими представленную в модели разноязыковую информацию на адекватность. Представленный здесь программный модуль также планируется использовать в программах многоязычного поиска для тюркских языков, а также в программе машинного перевода между тюркскими языками. Очевидно, качество и результативность работы таких программных модулей, а также практическая и научная ценность полученных результатов во многом будут зависеть от качества и полноты заполненных баз данных модели для максимально большого количества тюркских языков, что в настоящее время является первоочередной задачей в создании описанной здесь многофункциональной лингвистической модели тюркских морфем.

Заключение

В статье дается концептуальное описание многофункциональной лингвистической модели тюркских морфем как информационно-программной оболочки, предназначенной для использования ее в

качестве ресурсной базы для программных продуктов, осуществляющих компьютерную обработку тюркских языков, в качестве информационно-справочной системы, содержащей практически полную информацию о тюркских морфемах, а также в качестве инструментария для исследований. Весьма конструктивным и продуктивным представляется использование данной многофункциональной и многоязычной модели тюркских морфем в качестве одного из центральных, ядерных, модулей в едином веб-портале для тюркских языков. Создание веб-портала ТуркЛанг провозглашен участниками Международной конференции TurkLang-2015 как общий проект, обеспечивающий формирование и использование единого пространства лингвистических ресурсов по тюркским языкам. Авторы статьи выражают также надежду, что данный проект послужит интеграции усилий ученых-тюркологов для расширения базы данных описаниями различных тюркских языков, что обеспечит эффективное использование многофункциональной модели в качестве технологического инструментария и межязыкового модуля в системах компьютерной обработки тюркских языков.

Литература

Akba, F., Uçan, A., Sezer, E., Sever, H. Assessment of Feature Selection Metrics for Sen-timent Analysis: Turkish Movie Reviews // In 8th European Conference Data Mining, 2014.

Batuer Aisha and Maosong Sun. A Uyghur Morpheme Analysis Method based on Conditional Random Fields, International Journal of Asian Language Processing, 2009, 19(2)

Bilkiz. Uyghur Corpus experimental study of part of speech tagging, Xinjiang fifth Annual Youth Symposium, Xinjiang People's Publishing House in October (in Chinese), 2004.

Çetin, M., Amasyali, M.F. Active Learning for Turkish Sentiment Analysis // In Innova-tions in Intelligent Systems and Applications (INISTA), IEEE International Symposium (2013).

Gulila Adongbieke, Mijit Ablimit. Research on Uyghur word segmentation, Journal of Chinese information processing, 18(6) (in Chinese), 2004.

Gulila Altenbek, Automatic Morphological Tagging of Contemporary Uighur Corpus. The IEEE International Conference on Information Reuse and Integration, 2006, pp. 557-560.

Iknur Durgar El-Kahlout and Kemal Oazer. Initial explorations in English to Turkish statistical machine translation. In Fifth International Conference on Information Technology, Las Vegas, NV, 2008.

Ilgen B., Adali E., Tantuğ A.C., A Comparative Study to Determine the Effective Window Size of Turkish Word Sense Disambiguation Systems, 28th

International Symposium on Computer and Information Sciences, Paris, France, 2013.

Kaya, M., Fidan, G., Toroslu, I. Sentiment Analysis of Turkish Political News // In Web Intelligence and Intelligent Agent Technology (WI-IAT), IEEE/WIC/ACM International Conferences, v 1, 2012.

Leontiev N. The newspaper corpus of the yakut language // Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Makazhanov A., Sultangazina A., Makhambetov O., Yessenbayev Zh. Syntactic annotation of Kazakh: following the universal dependencies guidelines. A report // Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Nart B. Atalay, Kemal Oflazer and Bilge Say. The Annotation Process in the Turkish Treebank. In Proceedings of the EACL Workshop on Linguistically Interpreted Corpora. Budapest, 2003.

Nuriev A. Experience of creation of linguistic software in Uzbekistan /// Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Oflazer K. Two-level Description of Turkish Morphology. Literary and Linguistic Computing, - Vol. 9, No 2, - 1994.

Oorzhak B., Khertek A. Development of semantic mark-up for the corpus of Tuvan language // Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Orhun M., Tantuğ A. C., Adalı E. Morphological Disambiguation Rules For Uyghur Language // IEEE International Conference on Software Engineering and Service Sciences (ICSESS), Beijing, China, 2010.

Orhun, M., Tantuğ A. C., Adalı E. Morphological Disambiguation Rules For Uyghur Language // IEEE International Conference on Software Engineering and Service Sciences (ICSESS), Beijing, China, 2010.

Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Proceedings of the International Conference on Turkic Language Processing (TURKLANG-2014). (Istanbul, November 6-7, 2014). - Istanbul: Özkarcacan Matbaacılık-Bağcılar, 2014.

Razieh Ehsani, Muza_er Ege Alper, Glsen Eryigit, and Esref Adali. Disambiguating main pos tags for Turkish // In Proceedings of ROCLING - Conference on Computational Linguistics and Speech Processing. Association for

Computational Linguistics and Chinese Language Processing (ACLCLP), Taiwan, 2012.

Sharipbay A.A., Bekmanova G., Yergesh B., Mukanova A. Synchronized liner tree for morphological analysis and generation of the Kazakh language. Proceedings of the international conference “Turkic languages processing”, TurkLang 2014, Istanbul,

Sharipbayev A.A., Razakhova B. Sh. Mathematical models of syntactical rules of Kazakh language subject to semantics of parts of the sentence // The 4th Congress of the Turkic World Mathematical Society. – Baku, 2011.

Suleymanov D.Sh. Natural Cognitive Mechanisms in the Tatar language // In the Collection of the Vienna Proceedings of the Twentieth European Meeting in Cybernetics and Systems Research. Edited by Robert Trappel. Vienna, Austria, 6-9 April, 2010.

Tukeyev U. Automaton models of the morphology analysis and the completeness of the endings of the kazakh language // Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Yıldırım E., Tantuğ A.C., “The feasibility analysis of re-ranking for N-best lists on English-Turkish machine translation”, IEEE International Symposium on Innovations in Intelligent Systems and Applications, Albena, Bulgaria, 2013.

Zheltoy P. Morphological annotation system for the national corpus of the chuvash language // Proceedings of the International Conference “Turkic Languages Processing: TurkLang-2015”. – Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, 2015.

Дыбо А.В., Шеймович А.В. Автоматический морфологический анализ для корпусов тюркских языков // Филология и культура — 2014. — №2.

Желтов П.В. Морфологический анализатор чувашского языка. Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов 2002», М., 2002.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV. / Пер. с фр. Е.Н. Саввиной под общ.ред. Н.В. Перцова. – М.: Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001.

Сиразитдинов З.А. Алгоритмическая грамматика словоизменения башкирского языка // [Электронный ресурс]. URL: <http://mfbl.ru/bashdb/algram/algram.htm> (дата обращения: 19.09.2015).

Сулейманов Д.Ш. К описанию татарских падежей через структурно-функциональную модель морфем (статья на англ. яз.). Proceedings of the LP’96 Conference on Languages Typology (Prague, 22-24 August, 1996). Prague, 1996.

Сулейманов Д.Ш. К разработке эффективной морфологии среднетюркского языка / В сб. Трудов межд. конф. Проблемы создания среднетюркского языка Ортатюрк. –Ташкент, 1993.

Сулейманов Д.Ш. Регулярность морфологии татарского языка и типы нарушений в языке Серия: Интеллект. Язык. Компьютер. -Вып.1. -Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1994.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем. – Казань: Фэн, 2003.

Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р., Вагапов Д.Р. Семантико-синтаксическая модель татарского предложения в контексте реляционно-ситуационной системы // В сб. Трудов: Откр-е семант-е техн-ии проект-ия инт-х систем=Open Semantic Technologies for Intelligent Systems (OSTIS-2013): матер. III Межд. научн.-техн. конф. (Минск, 21-23 февраля 2013г.) / редкол.: В.В. Голенков (отв. ред) [и др.]. – Минск: БГИУР, 2013. Сулейманов Д.Ш., Гатиатуллин А.Р., Карабаева С.Ж. К разработке функционально-структурной модели аффиксальных морфем языков тюркской группы (на примере киргизского и татарского языков) // Казанская наука. № 6 2013г. – Казань: Изд-во Казанск. Изд. дом, 2013.

Труды Первой международной конференции «Компьютерная обработка тюркских языков». – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013.

Шарипбаев А.А., Бекманова Г.Т., Ергеш Б.Ж., Бурибаева А.К., Карабалаева М.Х. Интеллектуальный морфологический анализатор, основанный на семантических сетях // Материалы международной научно-технической конференции «Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем» (OSTIS-2012). Минск, БГУИР, 16–18 февраля 2012г.

Шарипбаев А.А., Разахова Б.Ш. Определение множества предложений казахского языка с помощью контекстно-свободной грамматики // Доклады Академии Наук Республики Казахстан. - Алматы, 2005. -№5.

РИСАЛЯ КАК СБОРНИК УСТАВОВ И ПРАВИЛ ПО РЕМЕСЛЕННОМУ ДЕЛУ

Давлатова Саодат Тиловбердиевна*

ABSTRACT:

One of the peculiarities of traditional crafts of Central Asian peoples is that representatives of a certain craft had their social organization. These associations were ruled by *aksakals* and the activity of associations was conducted by a special document – *risala*. Relevant moral and legal as well as social norms of *risala* were regulated by *Shar'ia*. Particularly, technological processes, types and qualities of goods as well as means of production and various customs and practices of a given sphere of crafts are illustrated in detail in the given document.

KEY WORDS:

Central Asia, traditional crafts, *risala*, social norms, religious traditions.

Одним из своеобразных черт традиционного ремесла народов Центральной Азии является наличие социальных объединений ремесленников определенной отрасли. Эти специфические организации имели характер объединения, основанного на традициях местных общин региона. Их возникновение было связано с появлением техники ремесла и характера производства, а также с необходимостью защиты интересов производителей определенной отрасли. Эти объединения – ремесленные цеха имели своих лидеров – аксакалов, и их деятельность осуществлялась согласно специальному документу – рисаля [Комаров 1901; Гаврилов 1912, 1928: 354-357; Сухарева 1984: 201-215], в котором, на основе законов шариата изложены этические, правовые и социальные нормы, касающиеся определенного вида ремесла. В частности, здесь детально описаны технологические процессы, виды и качество товара, орудия труда, а также обычаи и ритуалы, связанные с определенным ремеслом.

Рисаля – это арабское слово, означающее «письмо», «послание», «агитация», «сочинение, посвященное ремеслу» [Гаврилов 1912: 1; Самарканд и Ташкент 1922: 9]. Рисаля, говоря языком ремесленников, является книгой ремёсел. Считается, что стать ремесленником – то же, что стать художником. Такие исследователи как Н.О. Петровский и В.М. Наливкин считали рисаля – письмом нравоучения; а П.А.Комаров писал, что рисаля – это «нравоучение, добрый совет», «письмо, послание или обращение одного из двенадцати легендарных наставников Иисуса» [Лыкошин 1901]. П.А.

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан. E-mail: saodatdavlatova@yandex.ru

Миддендорф писал что, «рисаля – это сборник повинований и поклонений Богу, что-то между этим и этическими правилами, катехизис» [Миддендорф 1882: 354]. В то же время, Н.Н. Лыкошин утверждал, что «рисаля является историческом очерком каждого известного местного ремесленника, и в нем детально изложены вопросы, начиная от земледелия, до гадания знаком с помощью овечьей шерсти, также прошение ремесленником милостей от Аллаха и необходимых для себя и ремесла вещей» [Лыкошин 1901]. Вышеперечисленные определения показывают, что исследователи не имеют единого мнения о значениях рисаля. Но, исходя из значения арабского термина “рисаля”, можно сказать, что этот тип сочинения имеет такие функции как «письмо», «послание», «трактат» (научное произведение, посвященное к какой-либо проблеме), «брошюра», «сочинение», «мнения», «задание» и т.п. Исследователь Д. Атаджанова в своей работе указывает, что рисаля является трактатом, посвященным различным отраслям ремесла, и в ней, наряду с наставлениями ремесленникам, освещены также отдельные виды ремесла и их положение в определенных городах. Она подробно описала такие виды рисаля, как «рисаля о чайханщиках», «рисаля о военных», «рисаля об уходе за животными» и т.п [Атаджанова 2008: 80].

По нашему мнению, рисаля по своему содержанию и смыслу является положением, то есть сводом законов определенного вида ремесла, его основным трактатом. Рисаля содержит сведения об истории каждого вида ремесла, в том числе и требования к ученикам, желающим овладеть данным ремеслом. Кроме того, рисаля занимает важное место в формировании профессиональной этики, взаимоотношений между мастером и учениками, и таких позитивных качеств у учеников как уважение к старшим, к мастеру, а также преданность своей профессии, честность и верность. Каждый вид ремесла имел свой свод правил – рисаля, через который можно получить сведения об истории, духовных наставниках (пири-муршид), знаменитых мастерах этого вида ремесла.

Соответственно правилам рисаля, каждый мастер был ответственным за воспитание своего ученика, он должен был несколько лет воспитывать его, учить его секретам профессии, вырастить его ответственным человеком. Мастер требовал от своего ученика следования правилам рисаля, быть далеким от запрещенных в рисаля делах, быть вежливым с клиентами, выполнять каждое задание от чистого сердца – что свидетельствует о гармонии обучения и воспитания в то время. В рисаля отмечалось, что не соблюдение правил, игнорирование рисаля учениками или мастером ведет к тому, что в Судный день не соблюдавшие правила будут в ответе перед Аллахом. Поэтому каждый мастер должен был организовать свое дело по указанным в рисаля правилам.

Утверждалось, что ремесленники, которые не имеют рисаля, будут прокляты духовными наставниками, пророками и ангелами. Духовным наставником у ткачей считалась Хава (Ева), у кузнецов – пророк Дауд, у мастеров по изготовлению лодок – пророк Ной (Нух), у строителей – пророк Мухаммад, у швейников – пророк Идрис, у чабанов крупнорогатого и мелкорогатого скота – соответственно, Зангиата и Чупоната [Рисоля о... 1901]. Ювелиры имели свое рисаля. Рисаля имело ценность не только с точки зрения основ ремесла, оно являлось также источником знаний по развитию ремесленных мастерских, разработке средств и технологий производства [Атаджанова 2008: 22].

Русский ориенталист В.Р. Розен в свое время ставил перед собой задачу поиска рукописей, посвященных ремесленным объединениям, и утверждал, что они имеют интересное научно-практическое значение [Записки...: 326]. Он понимал, что созданию отдельных ремесленных объединений способствовало в какой-то степени стремление к обогащению.

На Востоке с древнейших времен существовали ремесленные объединения и артели, которые имели письменные уставы, отражавшие религиозные, экономические и правовые нормы, учитывавшие региональное своеобразие. С одной стороны, это показывает, что дошедшие до нас рисаля являются письменным памятником, содержащим важную первичную информацию о ремесленных цехах, а с другой стороны – что имело место объединение ремесленных цехов и мастерских в одну корпоративную систему.

В целом можно прийти к выводу, что ремесленное производство в крае объединяло в себе большую часть местных ремесленников. Не по численному критерию, а согласно письменным правилам рисаля, дошедших до нас, ремесленные производства делились на следующие виды: 1) ткачи, 2) кузнецы, 3) штукатурщики, 4) мыловары и изготовители свеч, 5) халвапазы (изготовители халвы), 6) сапожники, 7) мясники, 8) гончары, 9) шелководы, 10) изготовители бархата, 11) парикмахеры, 12) бакалейщики, 13) изготовители арб, 14) электрики, 15) седельные мастера, 16) мастера по изготовлению кошм и войлока, 17) медники, 18) мастера, 19) красители шелка, 20) кожевники, 21) крестьяне, 22) изготовители сладостей, кондитеры, 23) мельники, 24) мастера по изготовлению медных сосудов, 25) изготовители красок и клеев, 26) повара, 27) маслобойщики, 28) обработчики серебра, 29) чайханщики, 30) пекари, 31) укладчики кирпичей, 32) муллы, 33) лекари, 34) чабаны, 35) купцы, 36) седельщики, 37) животноводы, 38) изготовители стрел, 39) художники, 40) музыканты и другие специалисты, 41) литейщики чугуна. Кроме того, письменные источники также содержат сведения об объединениях, которые не имели своего производства [Пешерова: 311-317; До сегодня...: 512; Зеворт 1883: 205; Гаврилов: 227].

Вышеперечисленные виды являются 32 видами ремесла, которые

свойственны Азии и Европе. В частности, Н. Лыкошин писал в предисловии своей статьи «Рисаля о стреле», что в Туркестане есть 32 вида ремесла, согласно сведениям рисаля. Как говорится в статье «шелководство и шелкоткачество в Средней Азии» Н.Ф. Петровского, в селах городского типа зафиксированы 32 видов ремесла, и в то время данное количество отражало не только ремесленную деятельность народа, а также 32 части человеческого тела. Данная цифра 32 также отражена в монгольских притчах [Shuyler 1876: 191]. Также, цифра 32 фигурирует в перечне мастерских и ремесленных объединений в Лондоне в XIV в. В том числе исследователь Гаврилов писал, что многие восточные письменности имеют в алфавите 32 буквы, а турецкие поэты писали стихи в 32 строки.

По поверью, рисаля выражала волю Аллаха, и ремесленник при организации и управлении дел, как «богобоязненная личность», следовал правилам рисаля.

М.Гаврилов утверждает, что большинство рисаля ремесленников было переведено с персидского языка [Гаврилов 1922: 10]. Рисаля ткачей, переведенная им, является переводным вариантом правил (устава) цехов, и была включена в «Сборник рисаля» Г.Х. Арифжановой, изданный в 1915 г. в Ташкенте. Причина перевода автором данной рисаля заключается в том, что, во-первых, рисаля до этого вообще не переводились на русский язык, а во-вторых, в русскую версию рисаля были включены сведения о том, что не Хава (Ева), а Адам являлся покровителем и духовным наставником ткачей, как отмечалось в европейской литературе о цехах. По сведениям Наливкина, в 1886 г. рисаля можно было найти у всех ремесленников. Но в то время не были найдены отдельные рисаля, посвященные специальным цеховым объединениям, а найденное малое количество не было пригодно к использованию. Например, рисаля, посвященная деятельности артистов, найденное П.А.Комаревем хранится в Санкт-Петербурге в состоянии, непригодном для использования [Пешерова].

В частности, Махмудходжа Бехбуди (1903 год) в своем обращении к мусульманам также подчеркивал важность работы по сбору и восстановлению ремесленных уставов – рисаля [Туркестанская туземная газета 1903]. В своем выступлении Бехбуди критиковал мошенничество некоторых мулл и ишанов, которые в искаженном виде толковали уставы рисаля. Особенно вызвали гнев Бехбуди утверждения в рисаля, например, что человек читающий “такбир” (возвеличение Аллаха) займет место правителей и святых (Адама, Нуха, Ибрахима и Мухаммада). Бехбуди предложил всем ремесленникам показать тексты рисаля таким просвещенным личностям как муфтии и мударрисы для внесения исправлений [Пешерова: 627], так как некоторые искаженные места в рисалях могут создать трудности для самих ремесленников. Также он подчеркнул, что немедленно следует разработать меры для того, чтобы

такого рода рисаля не распространялись, и чтобы духовные наставники, ишаны, мастера и другие не претендовали на пророчество. Бехбуди отмечал, что согласно искаженной трактовке рисаля следовало, что если какой-либо ремесленник не будет соблюдать ее правила, то духовные наставники воскреснут и заставят есть свинину нарушавших правила, и отрекутся от них. В частности, согласно уставу мясников, невыполнявшие правила будут прокляты и опозорены в Судный день; а кузнецы будут наказаны гораздо суровее – их оставят без пищи и воды, они будут побиты 40 ударами плетью, их лишат статуса мастера, духовные наставники отрекутся от этих мастеров и будут проклинать их, они станут грешниками”. Эти утверждения были очевидно далеки от реальной жизни.

С.Е. Малов в своей работе (он в ней исследовал шаманство у тюрков Восточного Туркестана) также упоминал о рисаля шаманов. Описывая уникальный устав (рисаля) шаманов, он, в частности подчеркнул, что «каждый шаман-мужчина и шаман-женщина должны иметь свой рукописный устав, то есть катехизис шаманства». Согласно его мнению, «в Восточном Туркестане шаманство существует и до сегодняшних дней, согласно уставу каждая шаманская вера, сводное творчество ведутся по указанным правилам». Но следует тщательно исследовать попытки легитимизации шаманства в исламе и причины его сохранения на протяжении столь длительного периода на территории Восточного Туркестана [Малов 1918: 5, 15-16; Атаджанова 2008: 15-16].

Шаманские уставы (рисаля) по своему содержанию почти полностью были похожи на простые ремесленные уставы (рисаля) ткачей, золотошвеев, сапожников, кузнецов, мясников и других. Вышеуказанное сведение свидетельствует о сохранении шаманской веры в Туркестане в рамках т.н. «народного (бытового) ислама». Однако не встречается указаний на то, что шаманство должно иметь уставы, имеющие свою специфику.

У людей, занимавшихся обмыванием покойников (мурдашуй, ювгучи) также были свои уставы, похожие на рисаля ремесленников. В них подробно описывались правила обмывания покойников, чтение молитв при обмывании, а также используемые сосуды и другие детали процесса [Морель 1928: 14-15]. Вышеперечисленные сведения свидетельствуют о том, что каждая профессия имела свое рисаля, и устав являлся документом, подтверждающим наличие определенного вида ремесла. По словам ремесленников, наличие и сохранение рисаля обеспечивали законность профессии и вели ремесленников к изобилию [Атаджанова 2008: 109].

Мастера и ученики являлись основными действующими фигурами в цехах. В рисалях в основном представлены сведения о них и правила упорядочения взаимоотношений между ними [Туркестанская туземная газета 1903: 354]. В частности, рисаля о ткачах гласит, что мастер может

взять в ученики детей от 7 до 12 лет, вначале их учат религиозным знаниям и традициям, а далее обучают ремеслу. В рисале также говорится, что основным ритуалом в ремесле считается процесс включения учеников в ряды мастеров [Туркестанская туземная газета 1903: 355].

Считается, что если мастер не будет следовать уставам рисаля, ему запрещается руководить учениками, его ремесло не будет развиваться, и души предков будут проклинать его.

Рисаля являлось стандартной книжкой ремесленников, и размер одного листа составлял 1/16 или 1/8 части [2, 1]. В 1885 г. в Ташкенте было издано «рисаля (устав) крестьян» тиражом в 50 копий [Исмоилова 2007: 86; Развадовский 1916: 9]. Кроме того было издано несколько рисаля седельных мастеров, кузнецов, продавцов чая, медников, сапожников, бакалейщиков, пекарей-лепёшечников, швейников, маслоделов и других видов ремесла.

Рисаля ремесленников Средней Азии в большинстве случаев имели общие черты, и передавались от поколения в поколение в рукописном виде. На сегодняшний день большая часть сборников некоторых рисаля хранится в фондах библиотек института Востоковедения РАН, Института Востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, фондах-музеев Национального университета Узбекистана. Некоторые тексты рисаля были опубликованы на страницах «Туркестанской туземной газеты».

В частности, письменные источники, которые являлись уставом ремесленников Бухарского ханства, назывались «Рисола-и бофандагон» – устав ткачей тканей, «Рисола-и баккали» – устав бакалейщиков, «Рисола-и дехкони» – устав обработчиков земли, «Рисола-и-милтик андози» – устав оружейников, «Рисола-и читгари» – устав набойщиков, «Рисола-и охангари» – устав кузнецов, «Рисола-и жомашуйи» – устав мойщиков белья, «Рисола-и мисгари» – устав медников и др. [Атаджанова 2008: 16]. В отличие от бухарских уставов хивинские рисаля в большинстве случаев имели тюркские названия, и слово «рисаля» в них было заменено вариантами «расм» и «дастур» [Тураева 2010: 129]. Если некоторые рисаля начинались с термина «тарика», который означал метод, способ, форму движения, путь суфизма, то другие начинались терминами «расми/русуми», «дастури», или басмалой («Бисмиллахи-рахмани-рахим»), и далее шло название определенного вида ремесла. Здесь можно подчеркнуть, что «Тарикаи расми мисгари» – являлось уставом медников, «Темирчиларнинг дастури» – уставом кузнецов, «Кабудгар (буёкчилар)ларнинг дастури» – уставом красильщиков, «кассобларнинг расми-дастури» - уставом мясников), «Телфакдузларнинг расми-русуми» - уставом шапочников, «Тарозидорларнинг расми коидаси» – уставом весовщиков, «Тарикаи расми-русуми музадуз» – уставом сапожников, «Бакколларнинг расми» – уставом бакалейщиков, и все они содержали так или иначе текст устава ремесленников [Шомансурова 1965: 65]. Кроме того,

из рисаля, направленных на упорядочение деятельности представителей различных сословий населения, можно подчеркнуть рисаля «девоначилик» – устав бродяжничества, и «рисолаи куззот» – устав, который указывает обязанности и долги казиев (шариатских судей) [Музейный фонд... Инв. № 210174].

Некоторые виды ремесла и профессий также имели свои рисаля. Одна из них - «Рисола-и милтикандоз» [Музейный фонд...Инв. № 159486], являющаяся уставом оружейников, представляет собой маленькую книжку, написанную почерком *настаълик* чернилом на русской бумаге, переписанную в первой половине XIX в. [Тураева 2010: 133]. Первоначально этот документ хранился в военном форте, и его маленький объем был удобным для того, чтобы держать его в кармане. Крупный почерк и компактность в переплетении также указывают на военную направленность данной рисаля. Как и все другие уставы, рисаля оружейников начинается с восхвалений Аллаху.

Как и во всех регионах Центральной Азии, в оазисах Южного Узбекистана после имени людей, занимавшихся торговлей, после названия вещи или продукта, которым торгует человек, добавлялось слово «фуруш». Например, чайфуруши (торговцы чаем), кигизфуруши (торговцы войлоком), кандалатфуруши (торговцы кондитером), супургифуруши (торговцы веником), руянфуруши (торговцы красителями), ёгочфуруши (торговцы деревом), чопонфуруши (торговцы халатами), тандирфуруши (торговцы национальным печами – тандырами), совунфуруши (торговцы мылом), махсифуруши (торговцы национальными сапогами – махси), этикфуруши (торговцы сапогами) и другие, которые имели рисаля своих профессий.

В рисаля Бухарского ханства, посвященной крестьянству, говорится, что от времен Адама до времен пророка Мухаммада жили 7777 крестьян [Хунармандлар 2007: 7], в другом рисаля утверждается, что численность крестьян – тысяча семьсот [Дехқончилик рисоласи 1902: 4].

В рисаля указаны молитвы, которые следует читать крестьянам при запрягании волов, при пахоте земли, при посеве пшеницы, ячменя, льна, риса, кунжута, проса, маша, фасоли, дыни, арбуза, тыквы, моркови, редьки, лука и пр., а также при поливе земель, при сборе урожая, при молотье и провеивании зерна, при упаковке его в мешки и при хранении. В конце рисаля говорится, что не следовавшие этим указаниям станут бедными, их профессия не даст им выгоду, а если, наоборот, они будут выполняться все требования, прописанные в рисаля, то обладатель профессии будет благословлен Аллахом, и будет иметь пользу от профессии, а после смерти попадет в Рай.

Если рисаля ремесленников Центральной Азии составлялись религиозными лидерами на основе законов шариата, то в Западной Европе

такие документы разрабатывались мастерами ремесленного направления, и принимались на общих собраниях.

Подводя итог сказанному, можно сказать, что до сих пор остается недостаточно изученным вопрос о возникновении цеховых объединений на Востоке – в частности, в Центральной Азии. Но известно, что процессы организации ремесла, отношения между мастерами и учениками развивались со времен древнего Вавилона, и такие сведения встречались в списках законов Хаммурапи, найденных в 1789-1787 гг. Во времена правления Кира, Камбиза и других в VI -V вв. до нашей эры аналогичные документы существовали в Древнем Иране. Кроме того, античные ремесленные объединения были хорошо известны в Древней Греции, Риме и других странах [Тураев 1913: 79-80].

Если мы проследим за ремеслом ткачей, то увидим, что уставы по технологии производства материи, отделке узоров ткани, методам производства материи зафиксированы в рисаля (Дукан рисола). В частности, в малоизученном рисаля набойщиков (Рисолаи читгарон), написанной на персидско-таджикском языке, также даются сведения, в основном, о технологии набивания узоров на материи, имена красителей, о несложных станках в мастерских, а также о других орудиях труда набойщиков [Муминова 1970: 101].

Почитание одновременно и духов предков, и духовного наставника профессии также нашло свое отражение в рисаля. В рисаля кузнецов, написанной в 1897 г., говорится о том, как надо держать мастерские. Почти все ремесленники верили, что душа наставника всегда будет находиться в мастерской. Поэтому они обращали особое внимание на порядок расставления вещей, не употребляли плохих слов относительно них, не заходили мастерскую без омовения, избегали употреблять плохие слова и проявлять негативное настроение по отношению друг к другу в мастерских, не использовали при очистке орудий труда грязную воду, не допускали, чтобы остатки сырья выбрасывались в неположенные места. Кроме того, запрещалось продавать готовую продукцию без обработки, и т.д. [Гаврилов 1922: 45]. В этом уставе мы можем наблюдать не только уважение к духовному наставнику, но и попытку привлечь большее количество покупателей в свои мастерские.

До сегодняшних дней встречаются различные мнения о происхождении рисаля. Некоторые исследователи связывают появление рисаля с древним Ираном, а другие считают, что этот процесс связан с появлением ислама в регионе. Как пишет Миддендорф, рисаля как рукописный источник всегда интересны с историко-культурной точки зрения [Миддендорф 1882: 354]. Но в нашем исследовании важен не вопрос о дате появления рисаля, а то, как реально придерживались его устава в ремесленном производстве, что

играет важную роль в развитии видов ремесла. Рисаля, которые выполняют роль устава и правил при подготовке ремесленников и организации ремесла, играют важную роль для исследования истории ремесла. В заключение можно сказать, что рисаля, разрабатывавшиеся и развивавшиеся в течение веков на территории Центральной Азии, сыграли положительную роль в развитии ремесла.

Литература

Атаджанова Д.Ш. Историография ремесленного производства Бухарского ханства XIX в. (на основе изучения литературы и ремесленных уставов «рисола»): Дисс. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2008.

Гаврилов М. Рисоля сартовских ремесленников. – Ташкент, 1912. Самарканд и Ташкент. М.изд. «Рисоля», 1922.

Дехқончилик рисоласи // Туркестанская туземная газета. – 1902, №22.

Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического общества. Т.1. Рецензия В.Р. Розена.

Исмоилова Ж.Х. Тошкентда хунармандчиликнинг ривожланиши ва унга ислом маданиятининг таъсири // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, 2007. -№ 4. 86-бет; Развадовский В.К. Кустарные промыслы в Туркестанском крае. – Ташкент, 1916.

Комаров П.А. Несколько слов о рисола // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1901. - № 45; Гаврилов М.Ф. Рисола сартовских ремесленников. – Ташкент, 1912. Он же: О ремесленных цехах Средней Азии и их статусах-рисола // Изв. Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 111. – Ташкент, 1928. Сухарева О.А. Рисола как исторический источник // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. – М., 1984.

Лыкошин Н.С. Оригинальное наставление к стрельбе // Туркестанские ведомости. – Ташкент, 1901. - № 38.

Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // Сборник Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при РАН ко дню 80-летию академика В.В. Радлова (1837-1917). – т. V, 1918.

Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882.

Морель М. Мурдашуи // Семь дней. 1928, № 28.

Музейный фонд НУ РУз. Инв. № 210174.

Музейный фонд НУ РУз. Инв. № 159486.

Муминова Р.Г. К характеристике Самаркандских тканей конца XV – XVI века // Общественные науки в Узбекистане. – 1970, №9.

Пешерова Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX – начале XX вв. Краткое сообщение инс. этнологии. – М.-Л., 1960. -

Вып. XXXIII.; До сегодня обнаружены более 40 произведений рукописей типа рисаля среднеазиатских ремесленных объединений. Эвлия Челеби. “Сайяат-намэ”, Констан. Изд. Т.1. Виды различных цеховых объединений в Константинополе в XVII в. достигли 1100. В Германии в XVII – XVIII в. цеховые объединения объединяли от 40 до 60 цехов, в больших городах до 80. Зеворт Э. История Нового времени. – Т.1. – Киев, 1883.; Гаврилов М. О ремесленных цехах Средней Азии и их статусах – рисоля...

Рисоля о стрельбе // Туркестанские ведомости, 1901. - № 38.

Смотрите на цеховые уставы мастеров Египта: Б.А.Тураев. История древнего Востока. – СПб, 1913.

Туркестанская туземная газета, 1903. - №27. Кроме того, в №28 он писал о рисаля о плотничьем деле.

Тураева С.Р. XVIII асрнинг иккинчи ярми – XIX асрнинг 70-йилларида Хива хонлиги хунармандчилиги тарихи. Тарих фанлари ном. дараж. олиш учун ёзилган дисс. – Тошкент, 2010. – 129 бет.

Хунармандлар рисоласи / Нашрга тайёрловчи, сўз боши ва изохлар муаллифи Қиличев Р. – Бухоро, 2007.

Шомансурова А. Интересные материалы о ремесленных организациях в Хиве XIX века // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1965. - №10.

Shuyler E. Turkestan. Notes of journey in Russian Turkestan, Khokand, Bukhara and Kuldja. – New York, 1876, Y. 1. – 411 p.

Abb. 6: Weberin aus Boysun

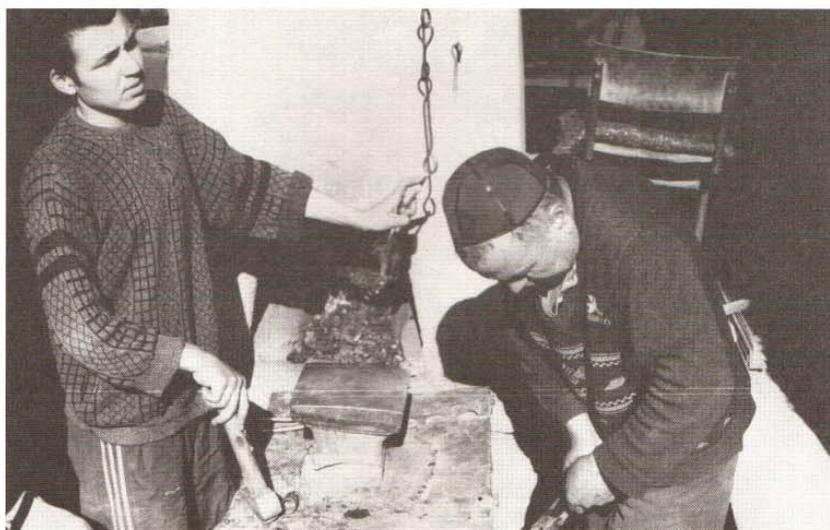

Abb. 7: Schmied Usto Bahrom mit *shogird* bei der Arbeit am Basar von Istaravšan .

**«ҚОРҚЫТ АТА КІТАБЫНДАҒЫ»
ФОРМУЛАЛЫҚТЫҢ АТҚАРАТЫН ҚЫЗМЕТІ***

Анар Құрманжанқызы***

ABSTRACT:

The Book of Dede Qorqut includes prose and poetry like ancient tales. Both of the prose and poetry in this book has a formulaic feature. And poetry structure in the Book of Dede Qorqut not only has 7-8 syllables but also 11-12 syllables. So this paper is an attempt to extend formulaic analysis to The Book of Dede Qorqut.

KEY WORDS:

The Book of Dede Qorqut, Formula, Structure, tale.

Мақалаға кіріспес бұрын әуелі формула деген ұғымымды айқындап алайық.

Формула туралы Parry төмендегідей анықтама берген. “a group of words which is regularly employed under the same metrical condition to express a given essential idea” [Parry: 272]. Анықтаманың қазақша аудармасы: ұқсас ұйқастық шарт астында қайталана қолданылып, ең негізгі ойды білдіретін сөз тіркесі немесе сойлем.

Түркі халықтарының ауыз әдебиеті шығармаларында кездесетін формулалық туралы алғаш пікір білдірген ғалымдар Ресей ғалымы Viktor Zirmunskij мен Польшалық түркітанушы Tadeusz Kowalski еді. Формулалық зерттеудің маңыздылығы туралы Roman Jakobson өзінің еңбегінде былай деп түйіндеген: «Түркі халықтарының ауыз әдебиетінде кездесетін формулалықты талдау филологияның бүгінгі таңдағы көкейтесті мәселесі.» [雅各布森(Roman Jakobson) 《语法的平行及其俄罗斯表现》，《语言》，XL, 巴尔的摩, 1966: 405]. Біз формулалықтың тек түркі халқының ауыз әдебиет шығармаларында ғана емес, оның орыс, парсы фольклорлық шығармаларында, Балқан өңіріндегі ұлттардың жырларында, Македонияның ғашықтық жырларын мен Румынияның тұрмыс-салт жырларында, Италия мен Албанияның батырлық жырларында, сондай-ақ, Грецияның ауыз әдебиетінде де кездесетінін ғалымдар әлдеқашан ғылыми ортаға салған [[德] 卡尔·赖希尔 (Karl Reichl) : 《南斯拉夫和突厥英雄史诗中的平行式: 程式化句法的诗学探索》; 朝格金译; 国外研究之窗; 87页].

*Бұл мақалада пайдаланған «Қорқыт ата кітабы» 1999-жылы Алматыда шыққан «Қорқыт ата. Энциклопедиялық жинақтың» ішіндегі Б.Ысқаков, Ш.Ыбырай аударған нұсқа бойынша талдау жүргізілді.

** Халықаралық Түркі академиясы, ассистент. E-mail: anar512@sina.com

Karl Reichl өзінің түркі халықтарының эпосы мен оңтүстік славян ұлттарының эпосының құрылысын салыстыра зерттеген мақаласында Парсыларда кездесетін *tarsi* деп аталатын өлең үлгісін таныстыра кетеді, онда екі жолдағы әрбір әріп өзара бір-бірімен сәйкес келетінін айтады. Яғни бірінші жолдағы әрбір әріп буын саны жағынан болсын, ырғағы жағынан болсын екінші жолмен сәйкес келеді [[德] 卡尔·赖希尔 (Karl Reichl) : 《南斯拉夫和突厥英雄史诗中的平行式: 程式化句法的诗学探索》; 朝格金译; 国外研究之窗; 87页].

Формулалық VIII ғасырдағы Орхон өзені бойындағы көне Түрк ескерткіштерінен де көрініс табады. XI ғасырдағы Махмұт Қашқаридың «Түркі тілдер сөздігінде» де формулалықтарды кездестіруге болады. Мысалға, батырдың атқа мініп соғысқанын сипаттайтын формулалықтарды келтіруге болады [[德] 卡尔·赖希尔 (Karl Reichl) : 《南斯拉夫和突厥英雄史诗中的平行式: 程式化句法的诗学探索》; 朝格金译; 国外研究之窗; 86页].

Сонымен біз Қорқыт ата кітабында кездесетін формулалықтарға тоқталайық. Ескере кететін жәйт, Қорқыт ата жырындағы формулалық тек жыр жолдарында ғана емес, қара сөзбен берілген бөліктерінен де айқын көрініс табады. Сонымен, мәтінде кездесетін формулалықтың түрлерін біз төмендегідей үш топқа жинақтап қарастырамыз. Біріншісі, тұрақты айқындауыш; екінші топқа қайталанатын сөйлемдер; ал үшінші топқа әр жырдың қорытындысында кездесетін формулалық сөз жатады.

Тұрақты айқындауыштар:

Жалпы түркі халқының ертекерінде болсын, эпостарында болсын ерекше боп көзге түсетін суреттеулер ол жылқы малына қатысты сюжет, мотивтердің көрініс табуы. Томенде біз Қорқыт жырындағы жылқыға қатысты кездесетін формуланы талдайық.

Бәдәуи аттар иесін көріп оқыранғанда; Құлаш мойын *бәдәуи ат* бер бұл ұлыңа; *Бәдәуи атының* мойнын құшақтап жерге құлады; *Бәдәуи атқа* мініп; *бәдәуи атын* қамшылап; Құлаш мойын *бәдәуи ат* кетсе кетсін менен-ақ; Құлаш мойын *бәдәуи ат* сенен кетсе; т.б.

Көк *бедеу атты* ұстанып; қара *бедеу аттарын* кісінеттірген; ұзын аяқ, *бедеу атқа* мініп келген керуенші; айлакер біреулері Ораздың *бедеу атына* оқ жаудырды. *Бедеу атты* жан ұлыма не боп қалды ей Қазан;

Қоңыр атты «шу» деді де, кәпірдің ізіне түсті; *қоңыр атын* тебініп, Қазан бек жолға шықты; *қоңыр аттың* иесі; сөйтіп Қазан бек *қоңыр аттан* жерге түсті.

Ескере кететін жәйт, мәтін мазмұнында жылқыға қатысты формулалық екі түрде көрініс табады. Бірі батыр мінетін жарамды атты тұрақты бедеу ат, бәдәуи ат деп сипаттаса, екінші түрі сол жылқы мен иесіне қатысты тұрақты

қолданылатын айқындауыш. Мысалы, Қазан бекке қатысты сюжеттерде ылғи да қоңыр ат суреттелсе, ал Бамсы Бәдік шыққанда оның боз айғыры суреттеледі. Karl Reichl Қазақ эпостарында жылқыға қатысты төмендегідей формула көрсетеді:

qualifying expression+ attı+ name of the rider(s).

яғни: сындық мағынаны білдіретін сөз+атты+ атың иесі деп келтіреді. Жоғарыдағы келтірілген мысалдардың да осы үлгіге саятынын байқаймыз. Бұл тек Қазақ эпостарында емес, жалпы түркі халықтарының эпосында жиі кездесетін формула.

Қайталанатын сойлемдер:

Бір күні Ұлашұлы, Төле құстың түлегі, біз жарлының үміті, Амид суының арыстаны, Қарашықтың қабыланы, Қоңыр аттың иесі, хан Ораздың әкесі, Баяндыр ханның күйеуі, қалың оғыздың дәулеттісі, қалған жігіттердің арқасы – Салор Қазан. Осы формула жырдың жеті жерінде кездеседі (136, 137, 143, 153, 157, 168-беттер). Сол арқылы оқырманға, жалпыға Қазанның кім екені, оның қоғамдағы беделі туралы мағлұмат беру қызметін атқарып тұр. Бұндай тұрақты тіркесті біз жырда қайталанатын Баяндыр ханға қатысты *Қамғанұлы Баяндыр* немесе *хандар ханы Баяндыр* деген тіркестен де формулалықты айқын сезінеміз.

Және де той жасап аттан айғыр, түйеден бура, қойдан қошқар сойдыртты. Бұл сойлем жырда тоғыз жерде қайталанған (130, 131, 131, 132, 160, 177, 188, 191, 196-беттер). Жалпы, ішкі, сыртқы Оғыздар ұлы тойда, қуанышта жақсылықты ырымдап, халыққа арнап жайған дастарқанда осы малдарды сойыс ететінінен хабардар боламыз. Осындай жалғастықты «Ертөстік» ертегісінен де байқалады. Онда былай келтіреді: *“Балалары аман-есен келген соң, Ерназар ел жиып той қылады. Түйеден бура, жылқыдан айғыр, тубие, қойдан қошқар, құнан қой сойып, қымызын көлдей, етін таудай қылып қояды. Ақсақал, қарасақалын түгел разы қылады [Қазақ Ертегілері: 9]”*. Сондай-ақ, Бамсы Бәрік жырында той малын алғанда да бура, айғыр, қошқар сұрағаны баян етіледі. Ғажабы бұлардың бәрінде сиыр жоқ. Қорқыт ата кітабындағы Бамсы Бәрік жырында: *«Әке-шешесі шексіз қуанып, Бәрікті құшағына алды. Еңіреп жылады. Аллаға шүкіршілік етті. Жылқы, түйе, сиыр, қой құрбан шалып, қаншама құл мен күнді азат етті»* [ҚОРҚЫТ АТА Энциклопедиясы 1999: 156]. Мәтінде осы бір жерде ғана сиыр малының аты аталған. Бұл туралы академик С. Қасқабасов: *“Қазақ арасында күні кешеге дейін Жетісудағы ұлы жүз қазақтарынан тыс өзге қазақтар сиыр малын соғымға соймаған”* деген пікір айтады. Біз Қорқыт ата кітабы арқылы қазақ арасындағы бұл жосынның түп тамыры сонау оғыздардан жалғастық табатынын аңғарамыз.

Сөйледі, көрелік хан ием не сөйледі. Бұл жалпы жырда 48 рет қайталанған.

Әр жырдың ішінде кезіктіреміз. Мәтінге зер салсақ біз осы формулалықтан кейін көбінде 7,8 не 11,12 буынды жыр жолдарының келетінін байқаймыз. Сонда бұл формулалық тұтас жырда бір формадан екінші формаға ауысуда дәнекерлік қызмет атқарып тұр.

Ат аяғы – тұлпар, озан тілі – жүйрік. Мәтінде бұл сөйлем алты рет көзге түседі. Б.Ысқақов пен Ш.Ыбыраев қазақша аудармасында сөйлемнің алдыңғы бөлігінде аздап өзгерістер бар, яғни мәтінде бір жерде *ат аяғы – тұлпар* [ҚОРҚЫТ АТА Энциклопедиясы 1999: 131] деп келсе, екі жерде *ат аяғы – көлік* [ҚОРҚЫТ АТА... 1999: 134. 195] деп, қалған үш жерде *ат аяғы – жүйрік* [ҚОРҚЫТ АТА Энциклопедиясы 1999: 141, 171, 193] деп келеді. Ал Қорқыт ата кітабының Дрезден нұсқасының транскрипциясында бұлардың барлығы «At ауағі külük, Ozan tili Süyгiк» [ҚОРҚЫТ АТА Энциклопедиясы 1999: 141, 171, 193] деген бір сөйлеммен берілген. Қалай болғанда да жырда бұл сөйлемнің қайталануы формулалықты көрсетеді де уақыттың, мезгілдің өткенін білдіретін уақыт өлшемі екеніне күмән жоқ. Бұған ұқсас желілер Қазақ ертегілеріндегі *ерте ерте ертеде, ешкі жүні бөртеде* деп келеді.

«Өз кеудеңде жан болса, ұлым хабар берсейші.

Қара басым құрбандық, болсын саған сезсейші».

Немесе:

«Ел-жұртымнаң хабарын білермісің сөйле маған,

Қара басым құрбан болсын суым(бөрім, итім, шопан) саған» деген үлгілермен келеді. Осы үлгідегі формула тұтас мәтінде 23 рет қайталанған. Мысалы:

Осыларды анықтап айтышы маған,

Қара басым құрбан болсын бүгін саған. (бет:150)

Тәңірім соған куә болсын!

Жаным саған құрбан болсын! (бет:167)

Өз аузыңнан бір хабар берші маған!

Қара басым құрбандық болсын саған! (бет:176)

Қалаңызда тұтқын бар ма айтышы маған,

Қара басым құрбандық болсын саған! (бет:190)

Жоғарыда көрсетілген асты сызылған сөйлемдерге қарар болсақ осы формулалықтың бір істің жөнін сұрастыру мақсатында өтініш райында айтылғанын байқаймыз.

Қорқыт ата жырында батырлардың ерлік сюжеттері мен қатар махаббат сюжеттерінің де кездесетіні бәрімізге аян. Сондай жырлардың арасында жиі қолданылатын формулалық «*Көзімді ашып көргенім, көңіліммен сүйгенім*» сөйлемі. Бұл тіркес жалпы мәтінде сегіз рет қолданылған. Бүгінде осы сөйлем қазақ арасында тұрақты сөз тіркесі дәрежесінде жиі қолданысқа ие.

Жеке батырдың жаумен немесе тағылығы күшті бұқа, буралармен

шайқасқа түсетіндей шешуші сәтте де «Аллаға сиынды, пайғамбардың атына салауат айтты» деген тіркестер қолданылып келеді де соңынан өзінің не бектердің жеңісін Тәңірдің көмегіне шүкірлік айтумен аяқтайды.

Әр жырдың қортындысын да байқалатын формулалық:

Тұтас жыр мазмұнына қарап отырсақ, Қорқыт – жырдағы бас кейіпкер емес, алайда жырдың ең бір негізгі түйінінде Қорқыт бой көрсетеді. Соның бірі әр жырдың соңы Қорқыттың келіп бата беруімен аяқталады. Сол себепті де жыр «ҚОРҚЫТ АТАМ КІТАБЫ» деп аталған секілденеді. Сондай-ақ, Қорқыттың әр жыр соңындағы батасынан да формулалықтың көрініс табатынын аңғарамыз. Әр жырда Қорқыт ата әуелі терең философиялық мәнге ие аталы сөз айтады да сосын соңын бата берумен тәмамдайды. Сөзіміз дәлелді болу үшін мысалдарға назар аударайық:

Бұл формулалық 1-,2-,3-, 4-, 7-, 11-, 12- жырларда кездеседі.	}	Олар-дағы бұл дүниеге келді-кетті, Керуен сынды қонды-көшті, Оларды да ажал алды, жер жұтты, Пәни дүние соңында және қалды. келімді-кетімді дүние аяғы өлімші дүние.
---	---	---

Дей келеді де соңынан:

үйірлі қара жері қара қаралы қара зәулім бәйтерегің көлеңкелі қаба ағаштарың	}	тауың құламасын, кесілмесін,		
тулап аққан тасып аққан	}	мөлдір суың ағын суларың өзенің	сарқылмасын,	
канаттарыңның ұшы қырқылмасын, шабар болсаң бәйгеге қосқан	}	ақбоз атың	}	арымасын, мүдірмесін
шапқаныңда қара болат өз шаншарлы ала сілтенген	}	қылышың найзаң	}	кесілмесін, мұқалмасын, сынбасын
ақ жаулықты ақ шашты	}	анаңның тұрағы пейіш болсын, ақсақалды бабаңның тұрағы жұмақ болсын,		
Хақ Тәңірі сені	}	арамзаға Қарақшыға(төрт) қорқаққа	}	мұқтаж етпесін

барша күнәңізді аты қасиетті Мұхаммед Мұстафаның нұрлы дидары үшін кешірсін, ей, хан ием!

Жалпы, түркі халықтарының өзге эпостық жырлары сияқты Қорқыт ата кітабында да айқын формулалықтың көрініс табатынына жоғарыда келтірілген мысалдар арқылы көзіміз жетті. Бұнда тұрақты айқындауыштар арқылы құрылатын формулалық және белгілі мекендік, шақтық өлшеуішті немесе басқа да мағынаны білдіретін сөйлемдердің қайталануы арқылы формулалық құрылған. Формулалық эпостардағы ол тіл өнерінің сұрыпталғанының белгісі, сол арқылы жыршы жырлау барысында ойын жаңылмай, уақиғаны анық та көркем тілмен тыңдаушыға жеткізіп береді. Тыңдаушы да халық тілінің икемділігін, байлығын айқын сезіне алады.

Әдебиеттер

Қазақ фольклорының типологиясы; Қазақ ССР-інің «ҒЫЛЫМ» баспасы; Алматы.1981

Шәкір Ыбырай: эпос әлемі; Алматы «ғалым» баспасы; 1993

ҚОРҚЫТ АТА энциклопедиялық жинақ; Қазақ энциклопедиясы; 1999, Алматы

Сейт Қасқабасов: «жаназық»; аударма баспасы; Астана.2002

[美] 阿尔伯特·背茨·落德: 《故事的歌手》; 尹虎彬译, 中华书局 2004年5月第一版

Karl Reichl: Formulaic Diction in Kazakh Epic Poetry; Oral Tradition

DEDE KORKUT KITABI(Transkripsiyon-Incelece-Sözlük); Ankara 2006

Rinchindorji: Mongolian-Turkic Epics: Typological Formation and Development; Oral Tradition

阿地里·居玛吐尔地: 突厥语民族英雄史诗结构模式分析; 摘自中国知网

[德] 卡尔·赖希尔 (Karl Reichl): 《突厥语民族口头史诗: 传统, 形式和诗歌结构》; 阿地力·居玛吐尔地 译; 中国社会科学出版社; 2011年10月第一版

[德] 卡尔·赖希尔 (Karl Reichl): 《南斯拉夫和突厥英雄史诗中的平行式: 程式化句法的诗学探索》; 朝格金译; 国外研究之窗

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАРАВАН-САРАЕВ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Салимов Арифджан Муслимович*

ABSTRACT:

The article considers the history of caravan-sarays on the Great Silk Road, which is one of the signs of high development of art of the period. In this sense, the typology of caravan-sarays is crucial, as caravan-sarays were widely used in Muslim countries of Near and Middle East, as well as North Africa along the prior trade caravan ways.

KEY WORDS:

Great Silk Way, Central Asia, caravan-sarays, functions, intercultural contacts.

Караван сарай - (перс. «дом караванов», «постоялый двор»), большая придорожная постройка, обычно окружавшая двор, где караваны останавливались для ночного отдыха. Станции для смены и отдыха лошадей возводились еще в 500 до н.э. в персидской империи Ахеменидов. Такого рода сооружения встречаются повсюду в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки вдоль главных торговых путей на расстоянии дневного перехода (30 км) каравана верблюдов.

Великий Шелковый путь – одно из наиболее значительных достижений в истории мировой цивилизации. Разветвленные сети караванных дорог пересекали Европу и Азию от Средиземноморья до Китая, и служили в эпоху древности и средневековья важным средством торговых связей и диалога между культурами Запада и Востока.

Караваны, груженные шелком из Китая, пряностями и самоцветами из Индии, серебряными изделиями из Ирана, византийскими полотнами, тюркскими рабами, афрасиабской керамикой и многими другими товарами, шли по пустыням Каракум и Кызылкум, через оазисы Мерва и Хорезма, безбрежными степями Сары-Арки; преодолевали перевалы Памира и Тянь-Шаня, Алтая и Каратау, переправлялись через реки Амударью и Сырдарью.

На пути караванов стояли богатые селения и города - Мерв и Бухара, Самарканд и Ургенч, Отрар и Чимкент, Тараз и Баласагун, Сауран и Талгар. На вопрос о том, когда возник этот путь, до сих пор имеются разные ответы. Если говорить о прототипе отдельных участков Шелкового пути, то начало контактов и обменных связей восходит по времени к 3-2 тысячелетию до н.э. Эти связи были налажены в связи с разработкой месторождений лазурита в горах Бадахшана и нефрита в верхнем течении реки Яркенд-Дарьи, в районе Хотана. Лазурит, добываемый в Бадахшане, вывозили в Иран, Месопотамию,

*Доктор архитектуры, (профессор Ташкентского государственного архитектурно-строительного института, Узбекистан. E-mail: salimov1950@inbox.ru

Анатолию, Египет и Сирию. В середине I тысячелетия бадахшанский лазурит появляется в Китае.

Как известно, первые караван-сарай появились в Центральной Азии (а именно, в Сельджукидских княжествах), во второй половине X века. Со временем караван-сарай превратился из центра, который имел лишь экономическое и религиозное значение, в обороноспособный постоянный двор. Сельджукидские султаны построили на Анатолийском (Малоазиатском) нагорье целую сеть караван-сараяев.

Караван-сарай располагались на расстоянии от 30 до 40 километров друг от друга. Именно такое расстояние проходит караван за один день пути. Система караван-сараяев была усовершенствована в Османской и Сефевидской империях. Сеть караван-сараяев распространялась от Кавказа на севере до Средиземного моря на юге; от Скадарского озера вплоть до пределов современной Хорватии на западе, и до Афганистана на востоке. Только в XX веке караван-сарай потеряли свою значимость.

Караван-сарай были массивными оборонными сооружениями с каменными стенами и металлическими воротами. Обычно, это были строения квадратной или прямоугольной формы. Реже они имели форму восьмиугольника. Здесь имелся внутренний двор, который был окружен аркадой зданий. На первом этаже располагались торговые лавки и стойла для скота. На верхних этажах располагались помещения для путников. В первоначальных сельджукидских караван-сараях имелись мастерские, купальни. Кроме того, здесь можно было воспользоваться услугами врача, поесть и отведать чай, или даже кофе. Для развлечения постояльцев здесь играли музыканты. Со стороны ворот располагалась комната для молитв. Некоторые караван-сарай имели в своем распоряжении небольшие мечети во внутреннем дворе. Услуги на караванных путях предоставлялись бесплатно. Только в городах путники должны были платить за ночлег.

Османские и персидские караван-сарай были оборудованы куда более скромно: Постельные принадлежности, а также посуду путники должны были иметь с собой. Особенностью бухарских караван-сараяев было то, что они не являлись укрепленными сооружениями, так как находились в черте города. Тем самым необходимость строительства оборонных сооружений для защиты от разбойников отпадала сама собой. В отличие от сельджукидских караван-сараяев, в бухарских караван-сараях вьючный скот не содержался. Для скота существовал специальный караван-сарай у Самаркандских ворот, куда скот отводили сразу после разгрузки. Бухарские караван-сарай были центрами оптовой торговли.

Караван-сарай строились не только у дорог; некоторые из них размещались у въездных ворот города или внутри городской застройки. Караван-сарай обычно имел прямоугольный план с крытыми зонами (помещения в один

или более этажей) по сторонам открытого, просторного двора. Голые внешние стены, сложенные из кирпича или камня, лишь в одном месте были прорезаны воротами: подобная конструкция давала более надежную защиту от разбойничьих банд. Начиная с X в. сооружались тысячи караван-сараев. Как правило, они воздвигались по распоряжению правителей. Так, шах Аббас из династии Сефевидов в начале XVII в. приказал построить 999 караван-сараев. Здания этого типа строили также наместники, набожные мусульмане, предоставлявшие средства на их содержание, или сами владельцы гостиниц.

В ряде мусульманских стран караван-сараи отличались особенностями планировки и местными строительными материалами. В Турции обычно применяли тесаный камень, а пространство двора иногда покрывали сводами, учитывая сравнительно суровый климат. В Иране большинство караван-сараев были кирпичными; для архитектуры этой страны характерно особое внимание к планировке: одно из лучших сооружений имеет 8-угольную форму.

Узбекистан – страна древней цивилизации, богатого культурного наследия и высоких архитектурных традиций. Изучение архитектурного наследия Центральной Азии открывает многие неизвестные страницы прошлого – этого древнейшего очага цивилизации Евразийского континента.

На территории современного Узбекистана довольно много архитектурных сооружений, связанных с именем Шейбанида Абдулла-хана II, время правления которого пришлось на вторую половину XVI столетия. Удачно воспользовавшись обстановкой феодальной раздробленности и взаимной вражды, Абдулла-султан умело продвинулся к власти при ощутимой поддержке джуйбарских шейхов – Ходжа Ислама, а позже его сына Ходжа Саада. Длительное время Абдулла-хан правил страной от имени отца, номинального хана Искандер-хана (1560-1583), после смерти которого он официально был провозглашен ханом. При Абдулла-хане (1583-1598) значительно расширились границы государства, стабилизировалась экономика, были созданы условия для развития сельского хозяйства, ремесла, внутренней и внешней торговли.

С именем Абдулла-хана связано возведение многочисленных караван-сараев и сардоба по всей территории страны. По одному документу, при его правлении заново отстроены и восстановлены 400 сардоба, по другому – 1000. Сардоба Абдулла-хан возводил на местах своих привалов, а рабаты – на местах ночлегов.

Слово «рабат» с арабского языка переводится как «укрепленный лагерь», «постоялый двор». Как архитектурное сооружение рабаты на территории Средней Азии появились после арабского завоевания. Первоначально это были военные лагеря завоевателей, которые в дальнейшем превратились в постоянные дворы торговцев. Название «сардоба» имеет два корня: «сард»

- холодный сырой, влажный, и «об» - вода. Словом же «сардоб» в значении вместилища прохлады называют «грот», «ледяной дом», «льдохранилище», «погреб», «подвал» и др.

Сардоба представляют собой большие вырытые в земле резервуары, выложенные жженым кирпичом и перекрытые куполом, предназначенные для хранения воды. Они были широко распространены как вдоль больших торговых дорог, так и в селениях и крупных городах, где ощущался недостаток питьевой воды. Вода к ним подводилась по специальному водотоку или каналу. По своему источнику питания они делятся на несколько групп – некоторые рассчитаны на талые и дождевые воды, другие заправляются проточной водой из рек или каналов, третьи рассчитаны на грунтовые и кяризные воды. А. Бернс во время путешествия в середине XIX в. записал народную легенду о том, как Абдулла-хан, совершив хадж в Мекку, возвратился оттуда с убеждением, что он не был угоден Аллаху. В надежде заслужить милость Всевышнего он начал строить караван-сарай и сардоба во всех частях своих владений.

Строительство рабата считалось таким же богоугодным делом, как и возведение мечети. Существует множество преданий по поводу благотворительных деяний Абдулла-хана. И в самом деле, большинство караван-сараяв и сардоба названо его именем. Так, по пути из Карши в Дербент имеются два рабата – караван-сарай Абдулла-хана – у кишлака Ак-рабат и у Дербента, которые к XIX в. были полуразрушены. Сардоба и караван-сарай Абдулла-хана находятся также вблизи ст. Чаршанга.

Остатки большого числа сардоба зафиксированы в Голодной и Каршинской степях. Они указывали направление древних торговых дорог. В степи Уртачуль рядом с развалинами караван-сарая Караулбазар была и сардоба, зачастую именованная «дворцом» благодаря своему изразцовому декору. Вход в нее отмечен выдвинутым далеко вперед арочным порталом, от которого тянется коридором большое широкое дно резервуара. Над коридором же располагаются небольшие, с арочными окнами комнаты для обслуживающего персонала. Диаметр емкости сардоба – 15,8 м, глубина – 8,1 м. Высота купола, прорезанного девятью окнами – 6,35 м. Вода в сардоба Караулбазара подводилась из русла р. Кашкадаря. Далее по степному пути к переправе Керки на р. Амударья зафиксировано еще несколько караван-сараяв и сардоба эпохи Абдулла-хана. Это сардоба Сангисулак, Нишан, Талимарджан, Юсуф, Урасы. Имеется также сардоба Абдулла-хана вблизи ст. Чаршанга. Рядом – развалины одноименного рабата. Диаметр водоема сардоба – 12,5 м, высота купола – 10 м. Остатки древнейших рабатов обнаружены в развалинах древнего Пайкенда – города купцов, где, по сведениям письменных источников, имелись тысячи рабатов, которые в мирное время играли роль караван-сараяв, а в военное могли быть обращены в укрепленные пункты. По архитектурно-планировочной структуре ранние рабаты состояли из помещений гостиничного типа – стандартные

размеры комнат и проходов. В рабатах Пайкенда IX-X вв. зафиксированы однокомнатные и трехкомнатные секции, складские помещения, загоны для скота. Такая планировка в период развитого и позднего средневековья получила дальнейшее развитие и классическое завершение не только при строительстве наиболее близких по характеру видов монументального зодчества – караван-сараяв, медресе, ханака, - но и в массовой жилой архитектуре.

Сеть торговых дорог, связавшая самые отдаленные районы страны, соединяла города Мавераннахра с центрами Афганистана, Индии и Ирана, с присырдарьинскими городами на севере, с кочевниками Казахской степи и с Сибирью. Эти торговые дороги и множество их сезонных ответвлений были описаны русскими военными инженерами; они приводили данные о дорогах, связывавших Бухарское ханство с почтовыми станциями, и давали точные расчеты расстояний между пунктами.

При Абдулла-хане проводились большие работы по благоустройству торговых дорог. Государство гарантировало безопасность движения караванов по территории страны. В период его правления был построен мост через Бандихансай, известный в народе под названием «мост Искандера», Гишткуприк, Ташкуприк. Он расположен на важнейшей торговой дороге Термез – Чаганиан. Мост построен целиком из жженого кирпича. Общая длина его более 70 м, ширина проезжей части – 5,75 м, пролет арки – 5,8 м. Во время правления Абдулла-хана бурно развивалась торговля с Россией, прежде всего хлопчатобумажными тканями. Торговые караваны, принадлежащие феодальной верхушке, обычно состояли из нескольких сотен верблюдов. В Самарканд и Бухару съезжалось много иностранных купцов – персов, арабов и турок. В Бухаре был особый квартал ростовщиков и купцов-индусов. Рынки Бухары и Самарканда посещали и европейцы.

Несмотря на открытие морского пути в Америку и переориентацию мировых связей торговли, средневековый Мавераннахр все еще сохранял свою значимую роль в торговых отношениях между Востоком и Западом, что особенно заметно в период правления Абдулла-хана.

Караван-сарайи иногда были роскошно выстроенными, но без утвари, вследствие чего путешественники должны были иметь с собой постель и ковры, равно как и жизненные припасы для себя и своих животных. Часто имелась лишь вода, иногда привезенная издалека, с большими издержками. В обязательном порядке присутствовал загон для вьючных животных. В крупных городах караван-сарайи представляли собой полноценные подобию современных гостиниц, с предоставлением дополнительных услуг - питания, бань, денежных обменных пунктов и т.п. На торговых же путях караван-сарайи обыкновенно – четырехугольный дом с колодцем посередине. При постройке часто принята в соображение возможность нападения разбойников, стены представляли возможность отбить нападение и выдержать недолгую осаду.

Как известно, интенсивность караванной торговли, расширение информационных, коммерческих, культурных пространств было особенно актуальным в средние века. Одним из выдающихся достижений эпохи являлось теснейшее взаимодействие художественных культур Востока и Запада, включение древнего Мавераннахра в мировую систему Великого Шелкового пути.

Зарождение торговых путей связано с процессом урбанизации, охватившим вначале южные районы Мавераннахра, затем центральные и лишь на третьем этапе прилегающие северные и степные регионы. Все это наложило отпечаток на политическую, экономическую, общественную и культурную жизнь страны, сыграв огромную роль в исторических судьбах народа. Геополитическое положение региона, занимающего узловой сток Центральной Азии, трудно переоценить. Оно в значительной степени обусловило бурные многосторонние контакты, важное условие развития средневекового общества.

Таким образом, караван-сарай являлись одними из главных объектов, входивших в государственную программу общественных сооружений средневекового социума, субсидировавшуюся правителями, крупной феодальной верхушкой, купеческими гильдиями торговавших стран. Индустрия караванной торговли была едва ли не первостатейным источником доходов государства. Великий Шелковый путь сыграл огромную роль в истории развития мировой цивилизации, став своеобразным связующим звеном между культурой Востока и Запада. По караванным дорогам распространялись не только диковинные товары, но и древнее искусство, научные и технические достижения, религиозные верования и убеждения.

Литература

Аскарлов Ш.Д. Исторический город как объект туризма//Архитектура и строительство Узбекистана, 1987. №4.

Бабаджанова Г.И., Колбинцев А.П., Маньковская Л.Ю. По древним городам Узбекистана. М.: Профиздат, 1988.

Великий Шелковый Путь//Курьер ЮНЕСКО, 1988. №12.

Великий Шелковый Путь с Востока на Запад//Курьер ЮНЕСКО, 1984.№6.

Немцева Н.Б. Художественная культура XI-XII веков. 2009 г.

Немцева Н.Б. История возникновения караван-сараяв на Великом Шёлковом пути// Архитектура и строительство Узбекистана, 1988. №2.

Пугаченкова Г.А. Вопросы архитектурной типологии караван-сараяв Хорасана и Мавераннахра//Архитектура и строительство Узбекистана, 2000. №4.

DÜNYA MƏDƏNİYYƏTİ TARIXINDƏ TÜRKLƏR

Elçin İbrahimov*

ABSTRACT:

The article analyzes the long path of the history of the Turkic culture which has developed in harmony with the world civilization, always successfully finding the balance between protection of statehood and independence, on the one hand, and active participation in the formation of the world civilization, on the other. The socio-political, economic and spiritual aspects of the common-Turkic cultures are paid especial attention by the author.

KEY WORDS:

Turks, culture, history, civilization, national roots, features.

Türk millətinin tarixi insanlıq tarixi qədər qədimdir. Dünya tarixini türk tarixi olmadan təsəvvür etmək mümkün olmadığı kimi, dünya mədəniyyətini də türk mədəniyyəti olmadan təsəvvür etmək mümkün deyil.

Qədim dövr mədəniyyətindən müasir dövrümüzdə qədər bütün tarixə nəzər saldıqda orada türk mədəniyyətinin özünəməxsus yerinin olduğunu açıq şəkildə görə bilərik. Ümumtürk mədəniyyətini seçkin sivilizasiya nümunəsi kimi təşəkkül etdirən tarixi-coğrafi şərait əvvəldən elə formalaşmışdır ki, bu şəraitdə özünü zaman-zaman inkişaf etdirmiş və genişlənməmişdir.

Mədəniyyətin formalaşdığı ilkin dövrlərdən özünün inkişaf tarixi boyunca dolğun sivilizasiya keyfiyyətləri və ölçüləri əldə etmişdir. Lakin türk sivilizasiyası nə qədər genişlənilib zənginləşsə də, yeni əlamət və xüsusiyyətlər qazansa da, nüvəsindəki türk mədəniyyətinin uluslar qaynağını heç vaxt itirməmişdir. Türk xalqlarının tarixi parçalanması, yəni bu etnosa mənsub olan xalqların yaranması və onların milli mədəniyyətlərinin formalaşması dünyada etnomədəni sistemi inkişaf etdirən bir proses olmuşdur. Ayrı-ayrı milli türk mədəniyyətləri ümumtürk mədəniyyətinin etnogenetik nüvəsini hifz edərək özündə yaşatmışdır. [Feyzitiv 2013:71]

Tarixin müxtəlif dövrlərində türklər Çin, Hindistan, Mərkəzi Asiya, Qafqazlarda davamlı olaraq dövlətlər quraraq dünya dövlətçilik tarixində aktiv iştirak etmişlər. Dövlət idarəçiliyi və dövlətçilik anlayışı türk sivilizasiyasının onurğa sütunudur. Dünya mədəniyyətinin inkişafı tarixində türklərin ən böyük rolu, başlıca olaraq, onların dövlətçilik ənənələri ilə bağlıdır. Bunlara nümunə olaraq, Hun imperiyasını, Səlcuq dövlətini, Səfəvəi və Osmanlı imperiyalarını göstərə bilərik. Dünyanın türklərlə münasibətdə olmuş xalqları bu zəngin dövlətçilik

* Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası (AMEA), "Türkologiya" jurnalının məsul katibi.
E-mail: elchinibrahimov85@mail.ru

ənənələrini mənimsəmiş və özlərinin dövlətçilik ənənəsində geniş şəkildə istifadə etmişlər.

Lakin türk mədəniyyətinin daxili zənginliyi təkcə dövlətçilik mədəniyyəti ilə bitmir. Türk mədəniyyəti – sosial-siyasi mədəniyyət, iqtisadi mədəniyyət, mənəvi mədəniyyət, bədii mədəniyyət, bilgəlik (humanitar) mədəniyyəti, ekoloji mədəniyyət və s. qatlara malikdir. Türk dünyasının mədəniyyət sərvətlərini, mədəni-intellektual həyatını tarixi-kulturoloji planda araşdıran alimlər həmin qatları incələyərək bu qənaətə gəlirlər ki, türk sivilizasiyası – dünya sivilizasiyaları arasında həm öz seçkinliyini saxlayan, həm də həmin sivilizasiyaların universal keyfiyyətlərini mənimsəyərək özündə sintezləşdirməyi bacaran unikal hadisə olmuşdur. [Feyzitiv 2013:72]

Türklərin mədəniyyətyaradıcı dühası dünya sivilizasiyasını təkcə milli və universal dövlət ənənələrinin yaşadılması və təkmilləşdirilməsi ilə, ayrımı-möhtəşəm elm və incəsənət abidələri ilə deyil, həyat tərzinin yüksək əxlaq və mədəniyyət meyarlarına, malik olması ilə, digər cəmiyyət və xalqlarla münasibətlərin dərinliyə və həssaslığına yetməsi ilə də zənginləşdirib. Təəssüf hissi ilə qeyd edə bilərik ki, bəzən qədim sivilizasiyaların tarixinə həsr olunmuş elmi tədqiqatlarda, dərslük və toplularda türklərin dünya mədəniyyəti tarixindəki roluna yer verilmir və ya yetərincə diqqət yetirilmir. Buna nümunə olaraq, şərqşünas və antik dövr tədqiqatçılarının birlikdə tərtib etdikləri “Qədim dövr sivilizasiyaları” adlı ensiklopedik kitabda məhz belə edilmişdir [Бонгард-Левина: 1995].

Burada hətta türklərin ana vətəni Mərkəzi Asiya sivilizasiyasından danışılsa da, yəqin ki bilərəkdən, həmin tarixi-mədəni məkan (başlıca olaraq, Türkünstan!) tamamilə əsassız olaraq, “Baktriya, Parfiya, Soqdiya və Xarəzm (!) yerli mədəniyyətlərinin” adı ilə bağlanmışdır [Бонгард-Левина 1995, 208-209]. Maraqlıdır ki, istinad edilən abidələrin tapıldığı tarixi dövr də (b.e. IV-V əsrlər), coğrafi məkan da (“Qara Təpə”, “Torpaq Qala”), həmin abidələrdə təsvir olunan insanların antropoloji xüsusiyyətləri də kompası Türkün üzərinə tuşlayır. Həm də türk sivilizasiyasının bu regiondakı tarixi daha qədimdir (e.ə. II-I minillik) və daha dərin, daha silinməz iz qoymuşdur. Əlbəttə, hind-avropalılara mənsub qədim xalqlar da müəyyən tarixi dövrlərdə həmin ərazilərdə yaşayıblar, ancaq elm birmənalı şəkildə sübut edir ki, Mərkəzi Asiya – Türk sivilizasiyasının tarixi yurduudur. Məhz bu “mərkəzdən” Türk sivilizasiyası Avrasiyanın genişlənən hüduudlarına böyüyə-böyüyə inkişaf etmiş, min illər ərzində kontinentin dominant sivilizasiyası olmuşdur. [Feyziyev 2013:74]

Türk siyasi mədəniyyəti ilə yeni dövr türk siyasi mədəniyyəti arasında varisliyi müasir türk dövlətçiliyinin strateji doktrinasında aydın şəkildə təsbit edən Mustafa Kamal Atatürk indiki və gələcək nəsillərə türk sivilizasiyasının möhtəşəmliyini dərk etmək və milli yaddaşını onun təməli üzərində bina etmək vəzifələrini vəsiyyət edir: “*Böyük dövlətlər quran əcdadımız – böyük və geniş mədəniyyətlərə də sahib olmuşdur. Bunu araşdırmaq, tədqiq etmək, türklüyə və cahana bildirmək*

bizlər üçün bir borcdur... Türkləri bütün dünyaya geri qalmış bir millət olaraq tanıdan fikirlər bizim də içimizə girmişdir. Dörd yüz çadırlıq köçəri bir qəbilədən bir imperatorluq və millət tarixini başlatmaq sürəti ilə Osmanlı imperiyası zamanında türklərin görüşü də bu mərkəzdə idi. Hər şeydən öncə, millətə tarixini, əsl bir millətə mənsub olduğunu, bütün mədəniyyətlərin anası olan mütərəqqi bir millətin övladları olduğunu öyrətməliyik"[Kocatürk 1999: 175]

Görkəmli Türkiyəli tarixçi, professor Bəhaəddin Ögəlin “Türk mədəniyyət tarixinə giriş” adlı 9 cildlik fundamental əsəri bu baxımdan böyük əhəmiyyət kəsb edir. B. Ögəl uzun illərin araşdırmaları nəticəsində ərsəyə gəlmiş külliyyatında ümumtürk mədəniyyətinin tarixən qazandığı əsas xüsusiyyətlərini tam dolğunluğu ilə anlamağa kömək edən fakt və prosesləri ən kiçik detallarına qədər təsvir və təhlil etməyə çalışır, çox zəngin materiallar əsasında nəzəri ümumiləşdirmələr aparır.

B. Ögəlin bu külliyyatında hunlar və göytürklərdən osmanlılara qədər türklərin köçəri həyat tərzini, kənd və şəhər həyatından danışılır. Həmçinin, şəhərsalma və qalaqurma mədəniyyəti, bazar və dükən yerlərinin seçimi, karvansarayların və evlərin tikilməsi və s. sahələrinin yaranma tarixinə nəzər salınır. Bundan başqa, memarlıq mədəniyyəti, hamam və təmizlik mədəniyyəti, quyu, bulaq, hovuz və süni gölməçələrin salınması, toxuculuq, xalçaçılıq, kilim toxuma, mədəniyyətinin bütün incəlikləri haqqında geniş məlumatlar verilir. [Ögel 1991]

Həmçinin başqa bir türk tədqiqatçısı, professor Mətin Aydoğanın “Türk sivilizasiyası” (“Türk Uygarlığı” tər. E.İ.) kitabında türklərin tarix boyunca yaratdığı müxtəlif mədəniyyətlərin xüsusiyyətləri təhlil olunur, bu mədəniyyətlərin təməllər üzərində dayanılır [Aydoğan 2006].

M. Aydoğanın gəldiyi ən mühüm qənaət bundan ibarətdir ki, türk sivilizasiyası – yaranışından seçkin bir sivilizasiya formasına və məzmununa malik olduğundan, onun bütün sonrakı inkişafı dünya sivilizasiyaları ilə intensiv münasibətlərdə həmişə özünüdərinləşdirmə və özünükamilləşdirmə xarakteri daşmışdır.

Türklərin etnomədəni sistemini bütöv saxlayan ən əsas amil – bütün milli türk dilləri və mədəniyyətlərinin anası olan qədim türkcədir. Əski türk dili o qədər zəngin təfəkkür enerjisinə və mədəniyyət arsenalına malikdir ki, onun bətnindən milli türk dilləri və mədəniyyətləri doğulandan sonra təkamül prosesinin yeni mərhələsində də bu dil – türki – böyük türk dünyasının universal ədəbi dili kimi uzun əsrlər boyu canlı ünsiyyət vasitəsi olmuş və bu dildə türk və dünya mədəniyyətinin möhtəşəm abidələri yaranmışdır. Türklər Şərqi sivilizasiyaları ilə qarşılaşdıqda, sonra isə bu sivilizasiyalarla fəal münasibətlərdə olduqda, qətiyyənlə çəkinməmiş, öz dil və mədəniyyətlərini onun qüdrətinə inamla və ağayana bir arxayınılıqla həmin sivilizasiyaların sınaq meydanına çıxarmışlar. Türk dili və mədəniyyəti Şərqi böyük yazılı ədəbi dil ənənələrinə malik olan mədəni-sivilizasiya sistemində tezliklə öz yerini tapmış, burada öz tarixi mövcudluğunun yeni mərhələsini başlamışdır. Əvvəlcə bütün türklərin istifadə etdikləri türki ədəbi

dili, sonra isə bu dildən törəyən (diferensiasiyalaşan) milli türk dilləri artıq orta əsrlərdə Mərkəzi Asiyada olduğu kimi, bütün Şərqdə də aparıcı dillər sırasında idi. Hərçənd bunu da unutmamaq olmaz ki, İslam Şərqudə türk dövlətləri və imperiyalarının ərazisində türk dili başlıca danışmaq vasitəsi olsa da, təqribən XIV əsrə qədər türk hökmdarlarının əksəriyyəti öz saraylarında ərəb və fars dillərinə üstünlük verirdilər. Ancaq buna baxmayaraq, çox keçmədən türk dili ən yüksək siyasi-mədəni səviyyədə universal ünsiyyət vasitəsinə çevrilir və bu prosesdə təbii şəkildə Şərqi mühüm sivilizasiya dili funksionallığını əldə edir [Feyziyev 2013:77].

Türklərin həyat tarixçəsini coşqun bir dillə nəql edən, bilgələrinin müdrik kəlamlarını əhatəli şəkildə bizlərə çatdıran epos-oğuznamələr (“Oğuz Kağan”, “Kitabi-Dədə Qorqud”, ”Koroğlu”, “Manas” və s.) sözün əsl mənasında yüksək bədii təfəkkürün məhsuludur: “Oğuznamələr həm dastan, həm salnamə ənənəsində türk tayfalarının bir dövlət tərkibində birləşib cahan dövləti qurmaq üçün apardıqları mübarizənin məhsuludur.

Oğuzlar və onların ulu babaları haqqında olan bu dastanlar türklərin qüdrətini bütün cahana yaymaq üçün yaranmışdır. Bu baxımdan Oğuznamələrdə müxtəlif dövrlərdə yaranmış cahanşümul türk dövlətlərinin ideologiyaları (ilkeleri) görünür, türkçülük oğuzçuluq şəklində qorunur, təbliğ olunur. Təbii ki, oğuzlar türk tarixində böyük dövlətlərin qurulmasında yaxından iştirak etmiş, özlərinin dövlətlərini qurmuş, həmişə də cahan dövləti qurmaq ideyasının daşıyıcıları olmuşlar. Əslində, Oğuznamələr tək oğuz dövlətinin epik ənənədə verilməsi (və ya salnamələrdə təqdimi) deyil, bütövlükdə türk etnosunun epikləşmiş tarixi-ideoloji dastanıdır. Oğuznamələr bu cəhətdən şüurlu surətdə türkçülük ideologiyasını təbliğ edən Orxon Yenisey Yazıları, Kaşğarlı “Divanı” ilə bir cərgədə durur... Türk qəhrəmanlıq dastanlarında qəhrəmanlıq ölçüsü – əlpliy və bahadırlıqdır. Fatehlik dastanlarında əlpliy artıq hökmranlıq ideyası ilə birləşir. Alp olmaq – həm də dünyaya hakim olmaq kimi başa düşülür. Əlpliy və hökmranlıq – Oğuznamə dastanlarında Tanrı vergisi kimi təqdim olunur. Buna görə də orta əsr müəllifləri çox vaxt türk ordusunun simasında qayda-qanun yaradan, dünyanı nizama çəkən, yolunu azanları cəzalandıran bir qüvvə görürdülər [Demir 2016:89]

Oğuznamələrin türk xalqları arasında ən populyar və bədii-estetik baxımdan ən mükəmməl dastanları, heç şübhəsiz, “Kitabi-Dədə Qorqud” dastanıdır. Dünya mədəniyyətinin möhtəşəm yazılı ədəbi abidələrindən olan “Kitabi-Dədə Qorqud” oğuz türklərinin dövlətçilik tarixinə başlama ərafəsindəki durumunu, onların mənəvi-əxlaqi dəyərlərini, ulus və torpaq uğrunda fədakar mübarizlik ruhunu, oğuz tayfaları arasındakı birliyi nəyin bahasına olursa olsun qoruma əzmini bütün reallığı və dolğunluğu ilə əks etdirir [Araslı 1978].

Türksoylu qırğızların yaratdığı “Manas” – həcminə görə dünyanın ən böyük eposudur [Манас 1984]. Şifahi xalq ədəbiyyatının nümunəsi olan bu dastan yüz illər ərzində ozanlar tərəfindən söylənə-söylənə dolğunlaşmış, mənəvi-estetik

həyatının daim dəyişən mənzərələri ilə xalqın portret-güzgüsü olmuşdur.

Dünya tarixində ilk dəfə olaraq türk dilinin linqvistik mahiyyəti, onun başqa dillərlə müqayisəli qrammatikası, onun lüğət tərkibinin xüsusiyyətlərini təqribən min il bundan qabaq böyük türk alimi Mahmud Kaşğarının “Divanü Lüğat-it-Türk” (XI əsr) əsərində tədqiq edilmişdi [Kaşğarlı 1998-1999].

Burada onu da qeyd etmək yerinə düşər ki, həmin vaxtlarda Avropada hələ heç bir qrammatika kitabı yazılmamışdı. Böyük türk fəthi Alp Arslan 1071-ci ilin 26 avqustunda Malazgirt müharibəsində çoxsaylı Bizans (Şərqi Roma imperiyası) ordusuna qalib gələrək, Anadolunun qapılarını açmışdı. Bu zəfər Bağdadda da böyük şənliklərlə qarşılanmışdı. İlk müsəlman türk dövləti Qaraxanlılar zamanında doğulmuş Mahmud Kaşğarlı bu zaman başqa bir türk imperiyasında – Atabəylər dövlətinin ərazisində – Bağdadda idi və “Divanü Lüğat-it-Türk” əsəri üzərində çalışırdı: “Tarix bu hadisələrə şahidlik etdiyi zamanda Kaşğarlı Mahmud da elm və irfan cəbhəsində Türkü dünyaya tanıdırdı” [Bayat 2008: 22]

“Kaşğarlı Mahmud sadəcə ərəblərə və ərəb dilində danışanlara türk dilinin böyüklüyünü, türk millətinin ucalığını göstərmək istəməmiş, eyni zamanda türklərin yalnız qılıncı ilə dünyanı idarə etdiklərini deyil, həm də mədəniyyətləri, dilləri və gözəl əxlaqları ilə də dünyaya öndər, öncül və örnək olduğunu “Divanü Lüğat-it-Türk” əsərində bəlli etmişdir” [Bayat 2008: 87].

Mahmud Kaşğarının çağdaşı Yusif Balasağunlunun “Qutadğu Bilig” (XI əsr) əsəri də türk dövlətləri və cəmiyyətlərinin təşəkkül tarixinə dair qiymətli mənbələrdəndir. Yusif Balasağunlunun “ən böyük ədəbi şücaəti türk dilində gözəl bir əsər yazmasıdır. O, şüurlu bir türkçü olaraq, türk dilini və türk milli varlığını yaşatmaq naminə ana dilində monumental bir abidə yaratmaq istəmiş, özündən əvvəl heç bir mühüm ədəbi nümunə olmadığı halda, bu çətin və şərəfli işə girişmiş və onu böyük bir uğurla başa çatdırmış – bir türk “Şahnamə”si yazmışdır” [Əskər 2003: 114].

Türk tarixi, dili, ədəbiyyatı, incəsənəti həm türklər, həm də qeyri-türklər tərəfindən necə həvəslə və həssaslıqla öyrənilmişsə, türklər özləri də islam dünyasının çoxlaylı ədəbiyyat, incəsənət və mədəniyyətinin inkişafında eləcə böyük maraq və məsuliyyətlə iştirak etmişlər. Türklər ərəb və farsdilli ədəbiyyatın, elmin və ilahiyyatın, fəlsəfə və incəsənətin, ümumən islam mədəniyyətinin tərəqqisində müstəsna rol oynamışlar. İslam mədəniyyətinin türksoylu yaradıcılarının – Əl-Fərabî, Əl-Biruni, Əbu Əli ibn Sina, Əbdülhəmid ibn Türk, Əl-Qəzali, Əs-Sührəvərdi, Bəhmənyar, Xətib Təbrizi, Nizami Gəncəvi, Cəlaləddin Rumi, İmadəddin Nəsimi, Məhəmməd Füzuli, Əbdürrəhman Cami, Əlişir Nəvai, Al-Buxari Nəxşibənd, Kəmaləddin Behzad... [Gazi Topdemir 2001] və başqalarının adları bu gün həm də dünya mədəniyyətinin mötəbər klassikləri sırasındadır.

Müasir türk xalqlarının milli mədəniyyəti – dünya mədəniyyətini özünəməxsus koloriti, forma və məzmunu ilə zənginləşdirən bir fenomendir. Dünya mədəniyyətinin “türk komponenti” onu daim inkişaf etdirməyə qadir olan mənəvi-

estetik gücü səfərbər edərək, insan fəaliyyəti və əxlaqının, duyğu və düşüncələrinin ən parlaq, ən üstün keyfiyyətləri ilə ümumbəşəri dəyərlər yaratmağa, yaymağa və bəşəriyyətin humanitar mədəniyyətinin təməllərinə çevirməyə təkan verir [Feyziyev 2013: 83].

Ədəbiyyat

- Bahaddin Ögel, “Türk Kültür Tarihine Giriş 9 Cilt”, Ankara, 1991
Cavanşir Feyziyev, “Türk Dövlətləri Birliyi”, Bakı, “Şərq-Qərb”, 2013
Fuzuli Bayat “Kaşgarlı Mahmut, Büyük Türk Bilgin ve Ansiklopedisi”
İstanbul 2008
Həmid Araslı, M. Zeynallı “Kitabi-Dədə Qorqud”, Bakı, “Gənclik”, 1978.
Hüseyn Gazi Topdemir, “Türk Düşünce Tarihi”, Ankara, 2001.
Kaşgarlı Mahmut, “Divanü Lüğat-it-Türk, 3 cilt, Ankara, 1998-1999.
Mete Aydoğan “Türk Uygarlığı”, İzmir, 2006.
Necati Demir, “Oğuz Kağan Dastanı”, İstanbul, 2016.
Ramiz Əskər, “Qudagu Bilig”, Bakı, 2003.
Utkan Kocatürk, “Atatürkün fikir və düşüncələri”, Ankara, 1999.
Г.М. Бонгард-Левина “Древние цивилизации”, Москва 1995.
“Манас. Киргизский героический эпос”, Москва, 1984.

ПОВЕРЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОДОЙ

Аширов Адхамжон Азимбаевич*

ABSTRACT:

The article considers the pre-Islamic popular beliefs of the Ferghana valley's people related to water. In the folk culture of the sedentary population of Ferghana water was viewed as sacred and possessing medical properties, as well. On the author's opinion, these beliefs can be generally viewed as reflection of a kind of specific ecological culture which existed in the past.

KEY WORDS:

Water, popular beliefs, Ferghana valley, agriculture, folk medicine, ecology.

Введение

В развитии человеческого общества вода всегда. Поскольку вода является источником жизни, в устьях рек традиционно формировались новые культуры.

Как известно по истории, в Ферганской долине население оросительных земледельческих культур издревле проживало в основном вокруг реки Сырдарья, и занималось земледелием и скотоводством. Долина отличается от других историко-культурных областей Центральной Азии некоторыми особенностями, в частности, природно-географическими условиями, оседлым образом жизни большинства населения и т.д.

Население долины, проживавшее на берегу Сырдарьи, создало богатую экологическую культуру, связанную с природой в целом и с водой в частности. На основе опыта, методов и фенологических наблюдений, приобретенных и проводившихся на протяжении нескольких веков, сформировался сложный комплекс традиций. Однако за последнее столетие экологическая система региона подверглась непоправимому ущербу, в результате чего многие из этих обычаев забываются. Ниже мы изложим свои мысли относительно взглядов, обычаев и обрядов различных народов Ферганской долины, связанных с водой, а также остановимся на их истории, содержании и историческом развитии***.

* д.и.н., проф. Институт истории при Национальном университете Узбекистана

Сырдарья является самой протяженной рекой в регионе, а по многоводности стоит на втором месте после Амударьи. Название Сырдарьи упоминается римским историком Плинием в форме “*Силис*”. В древнетюркских памятниках река фиксируется под названием *Сир*. В дальнейшем в арабских источниках она уже обозначается как *Сайхун*. Средневековый автор Бабур упоминает реку в одном из стихотворений:

*Оқиб ҳадди шарқийда Сайхун суйи,
Бориб ҳадди ғарбийда Жайхун суйи* [Бобурнома 2002.: 34].

Участки Сырдарьи, проходящие через различные области, назывались Оби Фаргона (или Ферганская река), Узгенская река, Оби Худжанд (Ходжентская река), Нахр аш-Шош (Шашская река), Бенакетская река [Улуков 2008:140].

Название реки было настолько почитаемым среди местного населения, что люди традиционно давали своим детям такие имена, как *Сирдарё*, *Сайхун*, *Дарё*; в ходе этнографических исследований мы встретили людей с именами, связанными с рекой, в деревнях, расположенных на берегу Сырдарьи — Тепакурган (Папский район), Калгандарья (Мингбулакский район).

Как известно исторически, население долины на протяжении веков взяло за традицию бережливое отношение к воде, оно ценило воду, не загрязняло и старалось сохранить в чистоте. Поэтому в устной традиции местного населения бытуют такие пословицы как: “*Вода дороже золота*”, “*Вода — золото, водник — ювелир*”, “*Красота Луны — лучи, красота канала — вода*”, “*Вода пришла — свет пришел*”, “*Жизнь Земли водой*”, “*Земля с водой — цветник, земля без воды — кладбище*”, “*Земля без воды — тело без жизни*”, “*Вода — кровь земледельца*”, “*От капли воды зеленеет ива*”, “*Земля без воды — сирота*”, “*Человек, близкий к воде, близок и к Богу*”, “*Человек, принесший воду, дорог*”, “*Не плюй в арык, из которого пьешь, ты еще должен будешь пить*”, “*Бойся медленного течения воды*” и др.

В целом взгляды и поверья населения Ферганской долины, связанные с водой, можно разделить на **мифологические (связанные с символическими свойствами воды)** и **экологические (связанные с медицинскими свойствами воды в качестве средства гигиены и чистоты)**.

Мифологические взгляды

Мифологические представления о магических свойствах воды встречаются у многих народов мира. Например, по поверьям древних египтян, вода имела свойство оживления, небесные воды орошали землю и создавали условия для формирования и развития жизни. В Индии вода рассматривалась как охранитель жизни, распространяющийся по миру в форме дождя, сока растений и крови [Мингбоева 2007:42]. Древние китайцы считали воду источником жизни [Мингбоева 2007:41]. У многих народов мира были широко распространены представления, согласно которым все сущее появилось из воды [Советская Энциклопедия 1987:240].

Тюркские народы верили в спасительную силу воды. Они считали, что вода охраняет людей от любых бед, несчастий, и даже от смерти. В тюркских поверьях вода — символ души, жизни, метафора вечности. Алтайские шаманы считали воду одним из главных элементов, служивших основой формирования мира [Потапов 1991:72].

Как сообщает этнограф Т. Баялиева, в древности среди кыргызов бытовали поверья о водных духах, в частности, кыргызы Тянь-Шаня ежегодно приносили им жертву. Жертвенное животное резали у берега реки и старались, чтобы кровь смешалась с водой. Посредством данного обряда они пытались удовлетворить водных пери и духов, которые якобы были разгневаны на людей. Считалось, что, если не приносить жертву, на протяжении года случится несчастное происшествие [Баялиева 1967:126].

Поверья, связанные с водой и водными источниками, имеют свою особенную историю и в Узбекистане; в древности существовал культ Ардвисуры Анахиты, связанный с почитанием Амударьи [Толстов 1948, Снесарев 1971 №4: 53–165, Фуломов 1959: 30–35, Саримсоқов 1986: 78–79].

В Ферганской долине также бытовало верование в существование «водного божества», которое называли “Эр Хубби”. Этот легендарный образ встречается и в Хорезме под названием “Хубби” [Фуломов 1959:32–33].

В процессе полевых этнографических исследований в Ферганской долине мы встретили место паломничества Хубби, расположенное на левом берегу Сырдарьи, в деревне Кудук Дангаринского района Ферганской области. В данной усыпальнице существовали отдельно отстроенные мавзолеи, а местное население верило, что здесь похоронены Хубби ата и пророк Якуб (Иаков).

Население ряда деревень вокруг места паломничества посещают его на протяжении четырех времен года. В частности, весной перед началом полевых работ земледельцы собираются и традиционно приносят в жертву барашка в честь Хубби ата. Помимо этого, в долине есть такие места паломничества, связанные с водными культурами, как *Об бува* (Чустский район) и *Бобои Об* (Аштский район Таджикистана). Именно в эти места весной приходят земледельцы и приносят жертву с тем, чтобы просить у Об бува многоводности и изобилия.

Во многих районах долины арыки и каналы, являвшиеся основными источниками воды для полевых работ весной, рылись путем хашара — разновидности добровольных общественных работ. В конце хашара, после открытия водного пути, население собирало деньги, зерно, продовольствие и покупало животное (теленка, сивую кобылу, белого стригунка, барана, козу) для жертвоприношения. В некоторых регионах Мавераннахра кровь жертвенного животного проливали в воду, при этом его тело также соприкасалось с водой. В Хорезме при открытии нового арыка и его соединении с Амударьей по

приказу хана приносилось в жертву 8-10 коров и быков. Мясо жертвенных животных омывалось в этой воде и затем съедалось. Данный обычай является рудиментарным пережитком человеческих жертвоприношений воде. В целом, связь культа быка с паводками можно проследить в древних религиях народов Востока [Андрианов 1972 № 1: 32]. Связи культа быка с водой можно обнаружить и в поверьях и традициях последующих эпох. В частности, у узбеков Андижана при засухе и отсутствии дождей в жертву приносили быка. Известно, что еще в 1970-х гг. при выходе Сырдарьи из берегов, дабы «успокоить» ее, приносили в жертву быка или барана.

Дехкане долины весной просили у *Об бува*», чтобы на протяжении года вода была в изобилии, посевы не испытывали недостатка воды, арыки были наполнены водой. В священном месте под названием Ташмазар в деревне Какликкурган Чустского района каждую весну приносились жертвы для *Об бува*. Согласно местному поверью, если население деревни не приносило жертву хотя бы один год, воды арыка якобы выходили из русла. Поскольку арык располагался на 5–6 метров выше канала, его восстановление требовало от людей больших усилий. Поэтому население деревни каждый год на собранные деньги покупало барана и приносило его в жертву в усыпальнице^{□*}.

Более того, в более далеком прошлом, если весной наводнение рек не останавливалось, население собиралось у берега и кричало «Тухтасин!» («Пусть остановится!»). Собравшиеся находили человека с именем Тухтасин, связывали его по рукам и ногам, и сбрасывали в воду у дельты реки. У местного населения бытовало поверье, что «если поступить так, то кровожадное наводнение остановится, поскольку водное божество удовлетворяется кровью ребенка» [Алимухамедов 1966:5–6]. Но сегодня такие обычаи практически забыты и сохранились в памяти лишь пожилых информаторов.

В Ферганской долине водные пери считались своеобразным аналогом водных духов. Как утверждают наши информаторы, водные пери ходили по волнам и обуздывали воду. Они обращали внимание людей на себя, а также охраняли от утопления невинных людей, купающихся в воде. Их могли увидеть только утонувшие люди. Водные пери были исключительно красивые, они очаровывали людей своим внешним видом. Поэтому после заката людям запрещалось купаться в водных бассейнах, в частности, в Сырдарье.

В 80-х гг. XX века в результате резкого понижения уровня воды Сырдарьи многие мифологические поверья и обряды среди местного населения стали забываться. Сегодня почти не проводятся обряды жертвоприношения в честь речных и водных божеств. Поэтому некоторые сведения о водных божествах можно узнать лишь по воспоминаниям пожилых людей.

Поверья, связанные с символикой воды

Согласно поверьям, бытовавшим среди населения Ферганской долины, вода была не только средством удовлетворения жажды людей и животных, она еще считалась источником жизни, продолжения жизни и поколений, средством очищения и избавления от грехов. Кроме того, по мнению населения долины, вода, как и другие элементы, имела свой пол. Так, «белая вода» — это вода мужского рода, а «черная вода» — вода женского рода [Басилов 1992: 28]. Как пишет И. Мухиддинов, вода делилась на мужскую и женскую, у краев арыков, по которым текла мужская вода, буйно и высоко росла трава, а в арыках с женской водой, наоборот, не было или было очень мало зелени. Такое деление связано с древними аграрными культами, точнее, культами плодородия [Мухиддинов: 101].

Сопоставление воды с женщиной встречается и у других народов мира. Например, древние китайцы сравнивали воду с женщиной, а утробу матери — с колодцем [Мингбоева: 43].

По представлениям местного населения, человек не видит в стоячей воде признаки жизни, а проточная вода считалась символом бурной жизни. Поэтому такие источники стоячей воды, как бассейны и лужи, считались в долине запретными, и обычно эти воды не позволялось использовать даже для удовлетворения жажды домашних животных либо омыwać их. Поскольку лужа считалась местом обитания злых духов, люди верили, что духи нанесут вред домашнему скоту.

По поверьям ферганцев, если человек в беде и тоске, то следует смотреть на проточную воду, которая тут же успокоит его сердце и облегчит страдания. Человек, увидевший плохой сон, шел к воде. Поэтому у узбеков появилась поговорка «Расскажи свой сон воде». Для того, чтобы в доме всегда было изобилие, ведра, кувшины и крынки наполнялись водой, а затем их горлышка закупоривались.

У каракалпаков, живущих в деревне Калгандарья Мингбулакского района Наманганской области, молоко коровы, только что родившей теленка, на протяжении трех дней выливалось в реку для того, что бы ее молоко изобиловало так же, как и вода в реке. Весной при наводнении Сырдарьи пожилые женщины приходили к берегу реки и пили воду, приговаривая «Я отступила, и ты отступи».

Значит, на примере этих взглядов можно наблюдать широкое распространение среди населения долины представлений, связанных с верой в магические свойства воды. К сожалению, в последние годы большинство из этих сведений практически исчезли, только часть сохранилась в памяти старшего поколения.

Экологические представления

В Центральной Азии издревле почитали землю, воздух, воду и огонь (Солнце). В регионе считали большим грехом бездумное загрязнение воды и земли, а также расточительство по отношению к ним. К сожалению, за последнее столетие именно экологическая система региона получила наиболее осязаемый удар. Были забыты правила и этикет использования природных ресурсов.

В Ферганской долине, как и в других регионах с доминирующим земледельческим видом хозяйствования, ранней весной очищались ирригационные системы и сооружения — каналы, арыки и дренажные канавы, по краям арыков и каналов сажали деревья. По представлениям местного населения, эти саженцы в дальнейшем, превратившись в деревья, задерживали в себе любые злые духи, которые могут обитать в воде**. По нашему мнению, посадка деревьев служила нормализации экосистемы вдоль рек.

Согласно поверьям населения Папского района Намангана, если бросить в водный арык или реку мусор или труп животного, то совершивший такой грех человек будет наказан на том свете.

Действительно, бережное отношение к воде, отношение к нему как к священному явлению есть и в исламе. В частности, в исламе отдельное внимание уделяется бережному использованию воды, расточительство и загрязнение воды считается тяжким грехом [Аширов 2007: 71].

К сожалению, в советское время были несколько забыты традиции, согласно которым устраивались хашары ранней весной для очищения ирригационных систем, открытия новых каналов, арыков и водных путей для благих намерений. В особенности из-за хлопковой монокультуры весьма существенно сократилась вода, поступающая в Аральское море, а это поставило под угрозу окружающую среду. Несомненно, в Ферганской долине после этих событий постепенно стали забываться традиции и обычаи, связанные с бережливым отношением к воде и сохранением ее в чистоте. В реки и каналы начали бросать загрязненную воду, использованную в производстве и для коммунальных нужд, экологическая ситуация резко обострилась. Особенно в 70–80-х гг. XX века в результате нерационального использования водных ресурсов региона экосистема в этих краях пришла в критическое состояние.

Взгляды, связанные с очищающими свойствами воды в качестве средства народной гигиены

В Ферганской долине многие понятия, связанные с народной гигиеной, объясняются категорией греха. Например, оставлять открытым горлышко сосуда с водой грех — туда сядет шайтан; мытье метлы в проточной воде

*** Статья подготовлена по проекту "The Social Life of a River: social and environmental history of the Naryn-Syr Darya" Volkswagen (Германия)

грех — утечет семейное изобилие; рано утром выходить из калитки двора, не вылив наружу немного воды, грех — вода испаряет плохие молитвы и заговоры, сделанные против этого дома, а также джинов и прочие существа, стоящие у порога или, наоборот, если вокруг дома сидят ангелы, человек может наступить на них. Плевать, мочиться, омыться в проточной воде грех — глаза ослепнут. Существовали и прочие устрашающие мотивы.

В долине с древнейших времен был накоплен богатый опыт хранения питьевой воды — в махаллях и кварталах воздвигались водоемы, которые в дальнейшем рационально использовались для обеспечения всех членов общины пресной водой. Питьевая вода обычно хранилась в очень удобных с гигиенической точки зрения керамических сосудах, не причинявших вреда здоровью человека.

В традиционных семейных обрядах населения долины вода имела своеобразное место. Так, в обрядах, связанных с рождением нового ребенка, воссоединением молодой пары или похоронами, вода использовалась для очищения и омовения, соответственно, ребенка, пары или усопшего.

В деревне Чартак Папского района существовал обычай, согласно которому в лицо людей, пришедших на поминки, трижды плескали воду. Хотя вода и по сей день широко используется в качестве гигиенического средства, ее обрядовые свойства несколько забыты. Несмотря на это, сегодня именно в обрядах вода используется как символическое средство.

Представления о медицинских свойствах воды

Узбеки Ферганской долины считали воду источником силы. Поэтому считалось, что человек, пьющий чистую воду, наполняется истинной силой. Как утверждают наши информаторы, чистая вода придает человеку умственную и духовную бодрость.

Население долины зимой собирало снег и, растопив его, хранила в специальной емкости. Потому что вода снега имела лечебные свойства, и летом ее использовали в лечении болей в горле и желудка.

Лекари долины широко использовали воду в лечении своих пациентов. В частности, если больной был сильно испуган чем-то, рано утром в среду или субботу в их лицо трижды плескали воду, потом в его грудь и спину капали по три капли воды. Считалось, что после таких обрядов страх уйдет от больного. По мнению лекарши Мукаддас бахши, живущей в деревне Какыр Учкуприкского района Ферганской области, причиной тому, что обряд выполняется спозаранку, является то, что в это время злые духи еще спят^{**}. У андижанских кыпчаков страх и сильное волнение лечились питьем воды, сдобренной волчьим альчином.

Сумбула бахши, живущая в деревне Сайшылдыр Дангаринского района Ферганской области, при осмотре больного пользуется четками и водой.

^{***} Полевые записи. Кишлак Сайшылдыр, Дангаринский район Ферганской области. 2016 год.

Сумбула бахши плескает воду в лицо и вокруг живота больного. Считается, что после этого все страхи и болезни покинут хворого^{□**}. Во многих деревнях вдоль Сырдарьи бытует представление, что если человек сильно испугается и заболит, его следует провести через Сырдарью, а посередине реки надо трижды плеснуть ему в лицо речной водой. Вообще, при очень многих болезнях соблюдался данный обычай, и посередине реки больной обычно брал воду охапками и пил, приговаривая «для здоровья».

Из вышеизложенных сведений можно прийти к мнению, что вода в Ферганской долине считалась священной наряду с остальными основными элементами. Вода была не только средством утоления жажды, из поколения в поколение переходили традиции, согласно которым вода считалась средством излечения. Вода также была символом чистоты, что способствовало тому, что человечество издревле уделяло большое внимание чистоте. К сожалению, начиная с 70-х гг. XX века в регионе многие поверья и взгляды, связанные с водой, подверглись деформации. Поскольку в советское время с установлением хлопковой монокультуры, а также в связи с атеистической политикой, многие традиционные взгляды были забыты. В последние годы, наряду с превращением водной проблемы в одну из наиболее актуальных проблем региона, наблюдалось определенное возрождение традиционных взглядов, связанных с водой. В частности, был заново организован институт мирабства. Но, в любом случае, многие поверья и традиции, связанные с охранением воды и ее божественным и магическим значением, были утрачены окончательно. Отношение к воде как к символу жизни и чистоты, продвижение подобных представлений может служить хорошим подспорьем для формирования у молодого поколения экологической культуры.

Литература

Статья подготовлена по проекту ‘The Social Life of a River: social and environmental history of the Naryn-Syr Darya’ Volkswagen (Германия)

Захириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома – Тошкент: “Шарқ”, 2002.

Улуқов Н. Ўзбек тили гидронимларининг тарихий-лисоний тадқиқи. Тошкент, «Фан», 2008.

См. об этом: Мингбоева Д. Тимсоллар тилсими. – Т.: Янги аср авлоди, 2007.

Мингбоева Д. Тимсоллар тилсими,

Вода // Мифы народов мира. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – Т.

1. Потапов Л. Алтайский шаманизм. – М.: Наука, 1991.

Баялиева Т. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов // Древняя и раннесредневековая культура Киргизистана. – Фрунзе, 1967.

Толстов С.П. Древний Хорезм. – М.: Наука, 1948; Снесарев Г. П. По следам Анахиты // Советская этнография. – 1971. №4.

Гуломов Я. Хоразмнинг суғорилиш тарихидан. – Т.: Фан, 1959. – Б. 30–35; Саримсоқов Б. Ўзбек маросим фольклори. – Т.: Фан, 1986.

Гуломов Я. Хоразмнинг суғорилиш тарихи...

См.: Андрианов Б. Бык и змея (У истоков культа плодородия) // Наука и религия. –1972. – № 1.

Алимухамедов А. Муқаддас ва қадамгоҳ жойлар ҳамда уларнинг зарарлари. – Тошкент, 1966.

Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана . – М.: Наука, 1992.

Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков и Ишкашима ...

Мингбоева Д. Тимсоллар тилсими....

См. об этом подробнее: Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. – Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2007.

AZERBAIJAN'S FOREIGN POLICY – CELEBRATING 25TH ANNIVERSARY

Arastu Hebibbeyli**

ABSTRACT:

2016 marks the 25th anniversary of the restoration of Azerbaijan's state independence. Able to reinstate independence twice in the past century in 1918 and 1991, Azerbaijan carries on its ancient and prolific tradition of statehood. This also means twice ridding itself of the occupation in a single century and makes state sovereignty the greatest accomplishment and asset for the country.

Azerbaijan, much like the rest of the post-Soviet space, had to surmount significant difficulties generated by political turbulence, active conflict and economic uncertainty in the early years of its independence. With the ongoing Armenian occupation of Azerbaijan's territory on one hand and the problems of transition from planned economy to the market economy on the other, Azerbaijan found itself internationally isolated owing to the efforts of the Armenian diaspora and its lobby around the world.

Throughout 25th year journey under such complicated circumstances, Azerbaijan has gone from the country with a stagnant economy to the leader nation in the South Caucasus. This nation has become a reliable energy security partner and evolved from a recipient of international aid to a donor country. Initially, an average member of the international community, Azerbaijan eventually reached the level of the non-permanent member of the UN Security Council (2012-2013).

This article reviews the evolution of the foreign policy of the Republic of Azerbaijan in the last 25 years.

KEY WORDS:

Independence, reliable partner, energy security, balanced and multi-vector foreign policy, transportation corridor

Foreword

The new world order had emerged in the late XX century in the aftermath of the dissolution of the Warsaw Pact and the collapse of the Soviet Union. Regarding its significance, that phase can only be compared to the new political system that followed the Treaty of Westphalia. Changes transpiring in the dawn of the 1990s have predetermined the establishment of the new world order. Geopolitical perturbations accompanied the transition from the bipolar to the unipolar world. Unification of Germany, the breakup of Yugoslavia and Czechoslovakia as well as the geopolitical shifts caused by the Western orientation of the Central and Eastern European countries culminated in the rise of Eurocentrism and Euro-Atlantic integration. Nevertheless, the decision to exit the European Union made

** PhD in Economics, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, Deputy Head of Foreign Relations Department of the Presidential Administration of the Republic of Azerbaijan.

by the Great Britain and Northern Ireland following the referendum has added a new dimension to those processes.

In the meantime, the number of local conflicts and wars around the world is on the rise. Observations demonstrate that minor conflicts played a vital role in the shaping of the new world order. Furthermore, neglect of the principles of the international law by the big power centers in the course of the military-political clashes and lack of a fair attitude towards the local conflicts had engendered doubts about the new order within the system of the international relations. The increasing number of hotbeds around the world and the commencement of the transition from unipolar to the multipolar world should be attributed to the missed opportunity of the last century.

Let us first stop and review the foreign policy courses of the newly-independent nations of the late XX century. Following the collapse of the USSR, the three of the 15 former union republics – Latvia, Lithuania and Estonia – immediately chose the path of Euro-Atlantic integration. All three eventually became the European Union and NATO member states owing to the consistency of that strategic choice. Meanwhile, the rest, albeit joining Russia-led Commonwealth of Independent States, had been unable to pursue a steady foreign policy line these 25 years. Georgia and Ukraine serve as an example. There has been an absolute divergence between the orientation poles that both nations pursued in the first 15 years of their independence and their choices in the following period. In Moldova also, the ardent pro-Westerners along with the political circles representing the pro-Russian population, are capable of influencing the country's strategic choice.

Local conflicts that erupted in the wake of the collapse of the previous system have had a profound impact on the foreign policy of the countries in the Central Asia and all across the post-Soviet space. If, in the Central Asia, it is all about the rivalry over water resources, ethnic conflicts rest in the heart of the problems in the Caucasus, Moldova and Ukraine.

Those were the geopolitical circumstances under which the Republic of Azerbaijan declared its independence on 18 October 1991. This nation has come a long way in those 25 years, regarding its foreign policy. In this day and age, and this applies to all the countries, there is a direct link between gaining a deserving foothold in the system of international relations, proving itself as an equal partner and the ability to pursue a foreign policy that meets the realities of the new world order.

The foreign policy of independent Azerbaijan can be divided into three phases. The first stage – 1991-1993s characterized by chaos that also characterizes the whole political life of the country during early years of independence. The second phase covers the years between 1993 and 2003. That was a period of stabilization in aggravated relations with the neighbors and of the shaping of the founding principles of independent foreign policy under the Azerbaijan's National

Leader Heydar Aliyev. The third phase is the ascending foreign policy course when Azerbaijan has transformed itself into a leader nation of the South Caucasus and a reliable partner in the international relations.

Azerbaijan had gone through an incredibly complex and arduous period in the early years of its independence. Armenia was pushing forward with the occupation of the country's territories while due to the crumbling of the previous system the economy went into a recession also derailing domestic stability.

Conveying the truth about Azerbaijan in the international arena had also proven to be a challenge. The Armenian diaspora with its over hundred years old well-structured organization and the Armenian lobby, being its principal benefactor, had managed to maintain Azerbaijan under the informational isolation on the international scene.

In the first years of Azerbaijan's independence, the major foreign policy obstacles were, on one hand, ongoing pressure by the Armenian diaspora and the Armenian occupation and on the other hand, the incompetency and amateur performance of the duties on behalf of the individuals that then stood at the country's helm. Due to the impulsive nature of the foreign policy and lack of systematic approach, the specifics of the geopolitical location of Azerbaijan were not taken into account, and pressing issues received no conceptual consideration.

Lack of conceptual approach in the foreign policy, utopian and detached from reality objectives exacerbated Azerbaijan's relationship with some countries, especially the neighbors. As a result, Azerbaijan found itself isolated in the international arena, the ties with most of the neighboring countries aggravated and owing to the efforts of the Armenian diaspora, the country found itself in an information blockade. Therefore, the first phase of independent Azerbaijan's foreign policy can be described as the lost years.

The phase of developing key foreign policy principles and directions

The shaping of key foreign policy principles and directions commenced in 1993 with the the National Leader Heydar Aliyev's return to power. The foreign policy strategy that he had initiated was aimed at rescuing the country from imminent collapse, restoring its territorial integrity and identifying future development strategy. That type of foreign policy had completely altered out country's position on the international arena. Escaping international isolation, pursuing a balanced foreign policy, integrating into the global economy, channeling country's economic potential towards solidification of the foreign policy position, arranging concerted performance by the Azerbaijanis living abroad and ultimately transforming the country into a region's economic powerhouse constituted the conceptual pillars of that strategy.

Balanced foreign policy, multi-vector cooperation, equal relations, reliable partnership and pragmatic political course, underpinned by the principle of

independent policy, were the factors brought by the genius of Heydar Aliyev into the foreign policy concept of independent statehood. Azerbaijan conducts a balanced and multi-vector foreign policy given the uniqueness of its location in the region. Those were the founding principles that shaped the second phase and today that continues to be the case. Azerbaijan made its strategic choice in the second phase, and sustainability and consistency of that choice have been a primary reason for its success.

Independent policy based on the national interests plays a role of a cornerstone of Azerbaijan's foreign policy. It must be noted that there is a handful of nations capable of pursuing an independent foreign policy in the modern world where the process of globalization is utterly saturated.

Meanwhile, the geopolitical significance of our country's geographic location compounds that choice. The Caucasus has remained a geopolitically sensitive arena of perpetual rivalry throughout its history. The enduring presence of the bearers of different civilizations, cultures and faiths have left a noticeable imprint on the political processes in the region. One of the eminent figures of classic geopolitical thought Karl Haushofer classified the Caucasus as historical confrontation zone and equated it to the Bosphorus, Gibraltar, and Suez Canal regarding its geographic relevance[Xaycxoφep 2001:127].

Owing to its strategic importance, many analysts view the Caucasus on a par with the Balkans and the Central Asia. Those three stand out for their geopolitical weight, as well as for their geographic significance stemming from the role of the crossroads of different civilizations. It is no coincidence that all three regions are regarded as hot spots in the new world order where the geopolitical environment is undergoing transformations accompanied by persistent ethnic-religious conflicts. [Brzezinski 1997:121-135]

Global and regional power centers have always sought to keep the Caucasus within their influence orbit. The struggle for influence in the Caucasus between the major Eurasian powers has historically occurred in the environment of ethnic and religious divergence in the region deprived of a national consolidating force. Constant infighting between the clans and isolationism had undermined this region, making it vulnerable to external interference [Məmmədov 2011: 212].

Therefore, it is rather challenging to implement an independent and balanced foreign policy based on the national interests in the region so sensitive from the geopolitical point of view. This is evident in the foreign policy course of the three countries in the South Caucasus. Armenia is region's outpost nation where all the strategic assets are foreign-owned. Georgia encounters problems due to its extreme orientation towards a single pole and inconsistency of the foreign policy outline. For that reason, an independent and balanced foreign policy course distinguishes Azerbaijan from the rest regarding its geopolitical relevance.

Independent foreign policy primarily rests on the aspiration to forge equal

relations with all the countries. Azerbaijan is affiliated with no military-political block and focuses on beneficial cooperation with the countries of all shapes and sizes. Azerbaijan does not tolerate the language of pressure, and cooperation with foreign partners is based solely on reciprocity. This is an essential element that defines direction developed in the second phase.

The status of a reliable partner on the international scene is another major principle of Azerbaijan's foreign policy. That certainly requires a strong political leader and skillful use of the country's economic potential. The place and role of every nation in the history are determined by the extraordinary mission of a brilliant individual who dares to assume the responsibility to play an indispensable role in the fate of that nation's history and to build solid traditions of statehood thanks to own wisdom and vision. For the Russians that person was Peter 1, just like George Washington to the Americans, Winston Churchill to the British, Charles de Gaulle to the French, Otto von Bismarck to the Germans, Mao Zedong to the Chinese and Mustafa Kemal Ataturk to the Turkish, and to the Azerbaijanis that man was Heydar Aliyev [Məmmədov 2012: 7].

In this sense, starting from 1993, increasing interest towards our country in the international arena and implementation of enormous energy projects under the political leadership of Heydar Aliyev transformed Azerbaijan into a trustworthy partner, first regionally and then in the wider geography.

Energy policy shaped by the National Leader Heydar Aliyev and further enhanced under the incumbent President Ilham Aliyev aimed to uphold the country's national interests. That strategy helped Azerbaijan to secure one of the leading roles in the regional and global projects. Today Azerbaijan is a steadfast partner in the energy security area and plays a significant role in ensuring the energy security of the European countries.[Azertag 1 June 2016]

It all started back in 1994, with the signing of the "Contract of the Century". For the first time in the history, Azerbaijan unlocked the Caspian Sea for joint development by the multinational companies and managed to attract multi-billion dollar investments in the petroleum industry. Appropriate infrastructure connecting Mediterranean Sea with the Black Sea was created. Back then, many considered delivery of the hydrocarbon resources of the Caspian Sea to the Western markets a myth. Azerbaijan turned the myth into reality, when together with its partners it completed construction of Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline and Baku-Tbilisi-Erzurum natural gas pipeline.

Thus, what we call a second phase, spanning 1993-2003, was the time of establishment of all of the founding principles of Azerbaijan's foreign policy. In the third millennium, Azerbaijan is already recognized in the international arena as a country that conducts an independent foreign policy backed by the national interests, the nation that pursues equal cooperation with every nation and international organization and a dependable partner that implements multi-vector and diversified foreign policy.

New foreign policy horizons

In the third phase that started in 2003, President Ilham Aliyev continued the independence path with the well-established traditions and managed to cement Azerbaijan's international position and elevated it to the next level. In the new millennium, Azerbaijan is no longer a mediocre player on the global scene, but an initiator and participant of many regional-scale projects, as well as a country known for its international prominence.

Committed to an independent policy course that corresponds to its national interests Azerbaijan develops different projects, continues equal engagement with the partners, both on a bilateral and multilateral basis, duly confronts the international pressure exerted by the Armenian diaspora and communicates the truth about our country to the wider global audience. At this stage, Azerbaijan's foreign policy goes beyond just one direction and targets mutually beneficial cooperation across the board. Our country joins integration processes without hindering its foreign policy agenda. That was the phase when Azerbaijan reaffirmed its independent foreign policy course by becoming a member of the Non-Aligned Movement in 2011 [Ministry of Foreign Affairs].

The greatest international accomplishment of the last 25 years has undoubtedly been Azerbaijan's election, as a non-permanent member, to the UN Security Council for 2012-2013 [President.az]. Our country represented the Eastern European group and secured the seat thanks to overwhelming support coming from 155 UN member states. Throughout the election process Azerbaijan's competitors were Armenia, Slovenia and Hungary. Intimidated by Azerbaijan's rising relevance Armenia opted to pull out at the initial stage. That was a clear manifestation of how Azerbaijan had been able to breach the information blockade imposed by the Armenian diaspora on the international scene in the early years of our independence. Azerbaijan eventually secured the full support of the European Union and finished ahead of Slovenia and Hungary – yet another example of our country being recognized as a steadfast partner.

Azerbaijan added a new cooperation format to its foreign policy in the third millennium. Bilateral and multilateral cooperation form had been a priority for the first years of independence. The new phase saw the introduction of more integrated relations and trilateral cooperation formats. Given the presence of certain trends in the region, realization of such trilateral cooperation format required greater flexibility. Azerbaijan is the initiator of several trilateral projects. Azerbaijan-Iran-Turkey, Azerbaijan-Georgia-Turkey and Azerbaijan-Russia-Iran are the platforms for addressing the regional matters as well as an important initiative called for development of cooperation ties. In the meantime that displays importance that Azerbaijan attaches to mutually beneficial relations with the neighbors, with the exception of Armenia [Weitz 2015].

Comprehensive development of collaboration with the strategic partners is one

of the priority directions for Azerbaijan's foreign policy. Since its independence, Azerbaijan has signed the Treaties of Strategic Cooperation with 17 different countries. Along with the traditional partners, the list also includes new countries. Eight of those countries are European nations (Lithuania, Poland, Romania, Croatia, Italy, Hungary, Bulgaria and Czech Republic). Others include the Turkic nations with whom Azerbaijan shares historic roots (Turkey, Kazakhstan and Uzbekistan), as well as traditional partners in the post-Soviet space (Russia, Ukraine and Georgia). We also enjoy strategic relations with Pakistan – a nation that fully buttresses Azerbaijan in every international platform.

Among our strategic partners, the relations with the Turkic-speaking countries are of particular importance. Relationship with those countries is determined not just by high level of political and economic cooperation but also by common roots, religion, history, culture and values. Ties between Azerbaijan and Turkey are characterized by a motto “one nation – two states”. No other two countries in the world share so much affinity and pursue similar foreign policy goals.

Azerbaijan has always proven its reliability in the relationship with its partners and neighbors. Georgia suffering energy crisis, Turkey and Azerbaijan creating an energy corridor, U.S. conducting anti-terrorism operations or Russia and Iran subjected to sanctions; in every situation all of those countries witnessed Azerbaijan's worthiness. Those were the milestones along Azerbaijan's journey to the non-permanent membership in the UN Security Council. With its unique positioning as a member of both the Organization of the Islamic Cooperation and the Council of Europe Azerbaijan used its presence in the Security Council to advocate for concerted efforts in tackling global problems and defending the rule of the international law and principle of justice.

Energy policy has immensely contributed to Azerbaijan's ability to gain the status of a reliable partner. In the first decade of the new millennium Azerbaijan managed to build a vast energy infrastructure. Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline commissioned in 2006 was a historic project that has not just enabled Azerbaijan's access to the world markets but also introduced a new globally important supply corridor. The project was a breakthrough, in terms of energy infrastructure of the region and the entire continent.

Azerbaijan contributes to Europe's energy security also when it comes to the natural gas supply. We all know that development of the Shahdeniz field in the Azerbaijan sector of the Caspian Sea placed our country within the ranks of major natural gas exporters. The commissioning of the Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline was a remarkable event for the region. This pipeline was the starting point for the delivery of gas to the European markets through Georgia and Turkey. The second decade of the third millennium is witnessing the construction of Trans-Anatolian (TANAP) and Trans-Adriatic pipelines (TAP). If in the XX century Azerbaijan required foreign support for the realization of such projects, nowadays,

Azerbaijan carries the significant financial burden of those projects that will play a serious role in ensuring Europe's energy security.

Choice of the Trans-Adriatic pipeline project as the main export route for the delivery of the Shahdeniz gas to Europe demonstrates that implementation of any global scale project in this region without Azerbaijan's consent and its involvement is inconceivable. With the estimated price tag of \$45 billion, the implementation of Shandeniz-2, TANAP and TAP projects will ultimately redraw Europe's energy map [British Petroleum].

Azerbaijan's energy policy solidifies the country's posture on the international scene and also quite naturally, enhances sustainability of its economy. Azerbaijan's GDP has tripled in the last 12 years, spurring budget growth by 20 times. Meanwhile the poverty dropped from 40 percent down to five [Gurbanov 2016]. The country's foreign exchange reserves today stand at \$40 billion.

International community recognizes these accomplishments. World Economic Forum ranks Azerbaijan 40th in its Global Competitiveness Report.[World Economic Forum 2016] World Bank places Azerbaijan in the "Upper Middle Income" countries group[World Bank 2016], and the UN Development Program's Human Development Index classifies Azerbaijan as a "high human development" country [UNDP 2015].

Economically potent Azerbaijan became a regional center and gained economic leverage in the Mediterranean and Black Sea basin. Today, Azerbaijan's investments are a significant factor in Turkey, Georgia, Romania and Ukraine. On the other hand, Azerbaijan is gradually transforming itself into a transit country and a transportation hub. One of the alternative transportation routes for the Central Asian countries runs through Azerbaijan. Baku-Tbilisi-Kars railroad connection that will link different regions with the North-South international transportation corridor provides greater opportunities for bolstering economic cooperation. Thus, economic diplomacy has become a primary direction of Azerbaijan's foreign policy.

One of the most important aspects is the presence of multiculturalism principles in the foreign policy of our country, and this reflects its true essence. Indeed, multiculturalism in Azerbaijan is a mirror of the public sentiment and a thousand years old lifestyle. Reflection of multicultural values in the foreign policy is aimed at propagating the "Azerbaijani Model of Multiculturalism" around the world. Nowadays we see enduring clashes of different religions, cultures and overall divergence. Therefore, it is very relevant that a lifestyle based on tolerance and harmony, the one accepted as a state policy, is showcased to the world. In this sense, let us review how relevant the multicultural values are in the Azerbaijani society.

Azerbaijan that sits at the crossroads between the East and the West, between the Islam and the Christianity combines the legacy of different civilizations and

cultures. Azerbaijan serves as a bridge between the East and the West, and a point of convergence. Azerbaijan has for centuries absorbed the values that conformed to its natural peculiarities, from both sides and eventually developed a growth model of its own which makes this country a bearer of both Western and Eastern values.

Historically, representatives of different faiths and cultures coexisted peacefully in Azerbaijan and that has only enriched this society. Azerbaijan is a Muslim country where the Christians and the Jews have lived side-by-side for centuries. Multiculturalism that implies coexistence based on mutual respect between the representatives of different values is regarded as a lifestyle in Azerbaijan. Throughout the history our country has remained free of religious, ethnic or any other discrimination.

Being an integral part of the Turkic civilization, Azerbaijan honors individual values. Tradition of statehood that endured in every historical phase, as well as superiority of natural customs and traditions in the society, monotheistic religious view, family values and tolerance towards the bearers of other civilizations and habits of coexistence make up the founding principles of our lifestyle [Həbibbəyli 2013: 53].

The traditions that have evolved throughout the centuries are now inalienable part of our lives. Statement by the President of the Republic of Azerbaijan İlham Aliyev delivered at the opening of the 7th UN Alliances of Civilizations Global Forum held in April 2016 in Baku clearly convey the society's stance on multiculturalism in Azerbaijan, "Azerbaijan for centuries was a place where religions, cultures, civilizations met. We are not only a geographic bridge between East and West, but also a cultural bridge. For centuries, representatives of religions, cultures lived in peace and dignity in Azerbaijan. Religious tolerance, multiculturalism always was present here. There was no word "multiculturalism", but ideas were always present" [President.az].

In the new millennium the changes in the philosophy of coexistence between the different civilizations, cultures, faiths and even peoples is one of the greatest challenges. The globalized format just cannot survive while being deprived of coexistence of different cultures. The world no longer accepts the notions of a monocultural or monoethnic society or a country. Also in the international relations, no country can prosper in the isolated environment, be it in the political, economic or cultural domain. The humankind can only thrive when there is respect for the different values. There is handful of monoethnic countries around the world. Yet they find themselves isolated for geographic, historic or political reasons. Otherwise it is an embodiment of a chauvinistic and intolerant policy. For example, Armenia stands as a monoethnic country in our region.

Azerbaijan has managed to preserve own historical traditions against the backdrop of cultural intransigence, aggravation of the West-Islam relations

and surge of different phobias around the world. In this sense, Azerbaijan takes appropriate steps aimed at contributing to intercultural dialogue in the global arena, and this has remained a major component of our foreign policy. The foundation of a new cultural bridge between the West and the East was laid in Baku in 2008, when the city hosted the conference of Council of Europe's Culture Ministers. What made that event special was that their colleagues from the Organization of the Islamic Cooperation were also invited. As a follow-up to that process, Azerbaijan had initiated and hosted another event in 2009, where the ministers of culture from the European countries were able to participate in the Organization of the Islamic Cooperation Culture Ministers Conference in Azerbaijan.

Since 2011, Azerbaijan's initiative has become a consistent platform. Every two years Azerbaijan hosts World Intercultural Dialogue Forum. Baku also hosted 7th UN Alliances of Civilizations Forum in 2016. That event demonstrated the "Azerbaijani Model of Multiculturalism" to the rest of the world. From this perspective, propaganda of the principles of multiculturalism is a new dimension of Azerbaijan's foreign policy. This is also a thought-provoking challenge for the entire humankind.

Nagorno-Karabakh – "hot" rather than "frozen" conflict

The biggest challenge that Azerbaijan has encountered in the independence years is the Armenia-Azerbaijan, Nagorno-Karabakh conflict. In the international arena, restoration of the territorial integrity is our primary objective. It is no secret that for over 20 years Azerbaijan's historical part – Nagorno-Karabakh and seven adjacent provinces – have remained under occupation by Armenia. As a result of that military aggression and the policy of ethnic cleansing, 20 percent of our territory has been occupied and over one million people have become refugees and internally displaced persons.

Azerbaijanis were subjected to genocide in the active phase of the conflict. Overnight, on 25-26 February 1992, armed forces of Armenia invaded the city of Khojaly and perpetrated a genocide. As a result, 613 civilians, including 63 children, 106 women and 70 elderly were brutally murdered, some tortured to their death [Ministry of Foreign Affairs].

Since the early days of independence the most important task that Azerbaijan's foreign policy faced was communicating the truth about our country to the wider international audience and exposing Armenians' deceptions. Worldwide recognition of the Khojaly genocide was identified as a primary objective at the annual gathering of members of the diplomatic service of the Republic of Azerbaijan.

Since then, 13 national parliaments (2012-Mexico, Pakistan and Columbia, 2013-Czech Republic, Bosnia and Herzegovina, Peru, Romania, Panama and Jordan, 2014-Sudan and Honduras, 2015-Guatemala, 2016-National Council of

Slovenia), as well as 19 states in the U.S. and the Organization of the Islamic Cooperation (2012) have officially recognized the Khojaly Genocide [Hasanov 2016]. All of this is a testimony that Azerbaijan has succeeded in delivering the truth about our country in the world.

The OSCE Minsk Group has been known to be established for the resolution of the conflict since March 1992. As of December 1996, three countries perform the duties of the Minsk Group co-chairs – Russia, U.S. and France. Regrettably, the conflict remains unresolved. Although there has been a ceasefire in place since 1994, armed incidents along the Line of Contact have regularly happened. No progress has yet been made in the negotiations process. Armenia is not interested in the resolution of the problem and aims to keep it frozen. Apparently, both Armenia and the co-chairs are satisfied with the situation when a large-scale war is avoidable. However, recent tensions this April, provoked by Armenia, that entailed significant loss of life and armed clashes with both sides using heavy weaponry, once again demonstrated that the conflict was not frozen and could ignite momentarily. This event prompted immediate action on behalf of the co-chairs and riveted the attention of international community to this dispute.

Azerbaijan has international law on its side with regards to the Nagorno-Karabakh conflict. The international community and all of the international organizations buttress Azerbaijan's territorial integrity with many documents passed to that end. The UN Charter, Helsinki Final Act, UN Security Council resolutions 822, 856, 874 and 884, UN General Assembly resolution of 2008, as well as decisions and resolutions adopted by the Non-Allied Movement, OSCE, Council of Europe, NATO, European Parliament, Organization of the Islamic Cooperation and other international institutions constitute the legal ground for the resolution of this conflict and are underpinned by the norms and principles of the international law. All of these documents reaffirm Azerbaijan's sovereignty, territorial integrity and inviolability of its internationally recognized borders.

However, lack of fair attitude in the system of the international relations obstructs the resolution of this conflict. The present day world order is governed not by the international law but at the behest of the big power centers.

Through the course of these years Azerbaijan's foreign policy has focused on building a solid legal base for the just resolution of the conflict in line with the country's territorial integrity across all the international platforms and the documents passed are a clear demonstration of successful outcome. Protraction of the resolution of the conflict stems from the lack of efficient mechanisms of the international law and the conflicting geopolitical interests of the global powers.

As the Republic of Azerbaijan readies to celebrate the 25th anniversary of its independence in 2016, in this quarter century, the country has succeeded in taking its rightful place in the system of the international relations. To date, Azerbaijan has established diplomatic ties with 177 countries and is represented with 91

diplomatic missions in foreign countries and international organizations. In the meantime, 62 foreign diplomatic missions operate in Baku.

Despite the complex geopolitical location and tumultuous development path, all these years, Azerbaijan has managed to conduct an independent and balanced foreign policy backed by the national interests. Equal engagement with all the parties enables Azerbaijan to implement a mutually beneficial cooperation, transforming our country into an initiator of the main regional-scale projects and a trustworthy partner.

Conclusion

When Azerbaijan restored its independence from collapsing Soviet Union in 1991 the country faced enormous challenges as the old system crumbled and the new one was yet to be established, as well as neighbouring Armenia was waging an all-out warfare against Azerbaijan trying to occupy the Nagorno-Karabakh region of the latter. Now, in 2016 Azerbaijan's independence and independent foreign policy mark 25 years. Retrospective analysis of this quarter-century-long policy reveals that despite early challenges, Azerbaijan has successfully managed to not only strengthen its fragile statehood and enter into a path of sustainable development, but also pursue a very skillfully crafted foreign policy that made the a country a regional leader and globally respected actor.

Thus, the last 25 years of foreign policy of independent Azerbaijan can be divided into three phases. The first one – 1991-1993 – is characterized by chaos that was the result of both objective difficulties generated by collapse of Soviet Union and the war in Nagorno-Karabakh against Armenia (supported by well-established international Diaspora), and subjective problems generated by incompetency of early political leadership of the country whose decisions frequently failed to take into account harsh geopolitical realities in our region. The second phase covers the years between 1993 and 2003. This period launched by Azerbaijan's National Leader Heydar Aliyev after his return to power, is characterized by stabilization of aggravated relations with the neighbors and shaping of the founding principles of independent foreign policy. The third phase lasts since 2003 to nowadays and through this period, under leadership of President Ilham Aliyev Azerbaijan has transformed itself into a leader nation of the South Caucasus and a reliable partner in the international relations.

While analysing the last 25 years of Azerbaijan's independent foreign policy the particular attention should also be placed on Armenia-Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict that resulted in death of about 30000 people and occupation of 20 percent of internationally recognized territories of Azerbaijan. Throughout last 25 years, Azerbaijan repeatedly declared restoration of the country's territorial integrity as the key priority of the country's foreign policy. Azerbaijan gives preference to peaceful resolution of the conflict, but also maintains the right to

resort to military power to restore its territorial integrity as international peace efforts visibly fail due to ineffectiveness of mediations and uncompromised position of Armenia. As the rise of tension in early April of this year once more demonstrated, the conflict is not frozen and could ignite momentarily and efforts to keep status-quo is no longer sustainable

Sources

John J. Maresca, “U.S. Ban on Aid to Azerbaijan (Section 907). How It Started in 1992 and Why It Should be Lifted”, *Azerbaijan International*, Winter 1998 (6.4) http://www.azer.com/aiweb/categories/magazine/64_folder/64_articles/64_maresca.html#anchor39243 (last visited 30 July 2016)

Хаусхофер К. *О Геополитике: Работы разных лет*, Москва, 2001.

Zbigniew Brzezinski, *The Grand Chessboard*, Basic Books, 1997.

Novruz Məmmədov. *Geosiyasətə giriş II cild*. Bakı, 2011.

Novruz Məmmədov. *Xarici siyasətin Azərbaycan modeli*. Bakı, 2012.

Azertag, “Obama: Azerbaijan continues to play critical role in global supply of energy”, 1 June 2016. <http://en.trend.az/azerbaijan/politics/2540563.html> (last visited 30 July 2016)

Ministry of Foreign Affairs, “Statement by Elmar Mammadyarov, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan, at the 16th Summit of the Non-Aligned Movement”, 30 July 2012, <http://www.mfa.gov.az/en/news/881/3920> (last visited 30 July 2016)

President.az, “Statement by Ilham Aliyev over Azerbaijan’s election a member of the UN Security Council”, 25 October 2011, <http://en.president.az/mobile/articles/3381> (last visited 30 July 2016)

Richard Weitz, “Caspian Triangles: Azerbaijan’s Trilateral Diplomacy — A New Approach for a New Era”, *Economic Papers, CAP Central Asia Program*, No. 14, May 2015, <http://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/05/Eco-Papers-14-May-2015.pdf> (last visited 31 July 2016)

British Petroleum, “Shah Deniz 2 and Opening of the Southern Corridor”, http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/press/shah_deniz_2_brochure_english.pdf (last visited 31 July 2016)

Turab Gurbanov, “World Humanitarian Summit: Azerbaijan’s large experience to be shared”, *NewTimes*, <http://newtimes.az/en/organisations/4522/> (last visited 30 July 2016)

World Economic Forum, “Global Competitiveness Report: Azerbaijan”, <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/economies/#economy=AZE> (last visited 30 July 2016)

World Bank, “Data on Azerbaijan”, <http://data.worldbank.org/country/azerbaijan> (last visited 30 July 2016)

UNDP, “Human Development Report 2015”, http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf (last visited 30 July 2016)

Ərəstü Həbibbəyli. *Uygarlıkların kavşağında türk dünyası*. İstanbul, Yedirenk, 2013

President.az, “Speech by Ilham Aliyev at the official opening of 7th UNAOC Global Forum”, 26 april 2016, <http://en.president.az/articles/19727> (last visited 31 July 2016)

Ministry of Foreign Affairs, “Khojaly Genocide”, <http://mfa.gov.az/en/content/795?options=content&id=850> (last visited 30 July 2016)

Ali Hasanov, “Khojaly genocide against Azerbaijanis and international reaction”, 25 February 2016, <http://justiceforkhojaly.org/content/khojaly-genocide-against-azerbaijanis-and-international-reaction> (last visited 31 July 2016)

**ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН С ГОСУДАРСТВАМИ СНГ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ**

Хоменко Вадим Васильевич*
Гибадуллин Марат Зуфарович**
Нуриева Айгуль Рустамовна***

ABSTRACT:

The article analyzes the current situation of the economic ties of Tatarstan with the CIS countries. The general tendencies, as the authors demonstrates while analyzing the situation with different types of goods, are common with those in the Russian-CIS relations, as the Republic of Tatarstan is a member of the Russian Federation. During last years the economic cooperation of Tatarstan with the CIS countries are declining, this pertains even to Kazakhstan. However, the purposeful development of economic ties of Tatarstan with Turkic countries as CIS and, especially, with those which are members of the Eurasian Economic Union, can open great possibilities in future.

KEY WORDS:

Economic ties, goods, Tatarstan, Russia, CIS countries, main tendencies.

В современной глобализирующейся экономике расширение внешнеэкономических связей является одним из наиболее значимых факторов социально-экономического развития государств. Внешнеэкономический фактор оказал огромное влияние на подъем экономик таких стран как Китай, Турция, Южная Корея. Выход на международные рынки открывает доступ к современным технологиям, финансовым ресурсам, насыщение внутреннего рынка качественными потребительскими товарами.

Несмотря на то, что внешнеэкономическая деятельность в целом, относится к исключительной компетенции федерального уровня управления, тем не менее, Конституция Российской Федерации, Федеративный договор и ряд федеральных законов наделяют регионы Российской Федерации правосубъектностью в сфере осуществления внешнеэкономических связей. Так, Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ передает в полномочия регионов проведение переговоров и заключение соглашений об осуществлении внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, их административно-территориальными образованиями, а также (с согласия Правительства РФ) с органами государственной власти иностранных государств, а также предоставляет ряд других возможностей [Федеральный закон...]. Участие административно-территориальных единиц в международных экономических

* Д.э.н., профессор, Вице-президент АН РТ. E-mail: ispnecon@mail.ru

** К.э.н., доцент ИМОИиВ КФУ. E-mail: mar-gibadullin@yandex.ru

*** Ст.преподаватель ИУЭиФ КФУ. E-mail: Nurieva_A.R@mail.ru

отношениях обусловлено закономерностями международного разделения труда и территориальной специализацией производства как внутри самих государств, так и в международном масштабе.

Кроме того, нормативно-правовой основой для развития торгово-экономического сотрудничества между Республикой Татарстан и государствами СНГ являются двухсторонние соглашения, подписанные в разные годы между правительствами Татарстана и стран СНГ:

- **Соглашение между Правительством Республики Татарстан и Правительством Республики Казахстан о принципах торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества от 3 апреля 1996 г.** [Министерство промышленности...];

- Соглашение между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Республики Татарстан о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 18 февраля 1993 г. [Министерство промышленности...];

- Соглашение между Азербайджанской Республикой и Республикой Татарстан о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 21 ноября 1996 г. [Министерство промышленности...];

- Соглашение между Правительством Республики Татарстан (Российская Федерация) и Правительством Туркменистана о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 28 июня 2008 г. [Министерство промышленности...];

- Соглашение между Правительством Республики Татарстан и Правительством Украины о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 15 января 1994 г. [Министерство промышленности...];

- Соглашение между Правительством Республики Татарстан и Правительством Республики Молдова о торгово-экономическом сотрудничестве от 10 октября 1995 г. [Министерство промышленности...].

Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 г. рассматривает развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ в качестве приоритета внешнеэкономической политики Российской Федерации [Внешнеэкономическая...]. Однако объективная оценка состояния дел позволяет говорить о существенных проблемах в налаживании плодотворного торгово-экономического сотрудничества между странами бывшего СССР – как в рамках организации, так и в формате двухсторонних отношений [Гибадуллин 2014: 9-12].

Определенный оптимизм по поводу укрепления торгово-экономических связей на пространстве СНГ дало введение западными странами экономических санкций в отношении России. Однако резкое ухудшение отношений с традиционными торговыми партнерами, начавшееся в 2012 г. и усилившееся в 2013 и 2014 гг., как показывают цифры официальных статистических отчетов,

не оказало заметного влияния на состояние товарооборота между Российской Федерацией и странами СНГ. По данным органа государственной статистической службы, товарооборот между Россией и государствами-участниками СНГ за последние годы (2012-2014 гг.) сократился на 22%, при том что общий объем товарооборота России за тот же период сократился только на 7% [Российский... 2015: 626, 628]. Соответственно, на 2,4% сократилась доля стран СНГ в российской внешней торговле (с 14,7% - в 2012 г., до 13,4% - в 2013 г., и до 12,3% - в 2014 г.).

Республика Татарстан, как один из ведущих регионов России, является активным участником внешнеэкономических связей страны. Доля республики во внешнеторговом обороте Российской Федерации составляет около 3%. Товарооборот республики со странами СНГ также имеет отрицательный тренд, и сократился за три года на 46% (в 2012 г. он составлял 3,9 млрд. долл. США; в 2013г. - 2,9 млрд. долл. США; в 2014 г.- 2,1 млрд. долл. США), в то время как общий объем товарооборота республики снизился на лишь на 13% [Российский... 2015: 627, 629].. Удельный вес стран-членов СНГ во внешнем товарообороте республики уменьшился на 5,5% (в 2012 г. он составлял 15%, в 2013 г. - 11%, а в 2014 г. - 9,5%). В 2015 г. отрицательная динамика торгово-экономических отношений Республики Татарстан со странами СНГ продолжала сохраняться. Товарооборот с ними снизился до 1,7 млрд. долл. США. Правда, незначительно увеличился удельный вес стран СНГ в товарообороте республики (до 12% - что выше уровня 2013 г., но ниже уровня 2012 г.) [Внешнеэкономическая 2015: 4], но это явление следует рассматривать как временное колебание, обусловленное сжатием торговых контактов с традиционными партнерами на европейском континенте (см. таблицу 1.)

Таблица 1.

Динамика товарооборота Республики Татарстан со странами СНГ и доли стран СНГ в товарообороте Республики Татарстан [Республика...2015: 4].

	2012	2013	2014	2015
Внешнеторговый оборот со странами СНГ, млн. долларов США	3984,8	3189,3	2507,3	1755,6
Доля стран СНГ в товарообороте РТ, в %	15,4	11,6	11,0	12,7

Обращает на себя внимание тот факт, что в период внешних ограничений ни Россия в целом, ни Татарстан по факту не рассматривают рынок стран СНГ как замещающий европейские рынки, с точки зрения переориентации экспортно-импортных товарных потоков. Более того, и Россия в целом, и Татарстан фактически «уходят» из СНГ, причем Татарстан это делает более активно.

В товарообороте со странами СНГ у Республики Татарстан сложилось

положительное сальдо внешнеторгового оборота. Однако наблюдается общая тенденция к сокращению разрыва между объемом экспорта и импорта: в 2012 г. объем экспортируемой продукции в страны СНГ превышал импорт из стран СНГ в 6,5 раза, в 2013 г. - в 4,8 раза, в 2014 г. - в 4,6 раза, в 2015 г. - в 3,4 раза. Объем российского экспорта в страны СНГ также превышает импорт, но у Российской Федерации **разница** сальдо внешней торговли была не более, чем в два раза.

Основным предметом экспорта Российской Федерации в страны СНГ являются минеральные продукты. Но их доля в товарной структуре экспорта России составляет около половины экспорта, и имеет тенденцию к снижению (в 2012 г. - 55,8%; в 2013 г. - 48%; в 2014 г. - 45%).

Второе место (но со значительным отрывом по удельному весу) в структуре российского экспорта в страны СНГ занимают машины, оборудование и транспортные средства. Доля товаров этой группы в 2012 г. составляла 14%, в 2013 и 2014 гг. - по 16%. Далее следуют такие товарные группы, как «Продукция химической промышленности, каучуки» и «Металлы и изделия из них», удельный вес которых в структуре экспорта России в страны СНГ составляет около 10%. Таким образом, российский экспорт в страны СНГ в целом отражает характер международной специализации России. Прочие товарные группы экспортируются в страны СНГ в незначительном объеме.

Экспорт Республики Татарстан в страны СНГ несколько отличается от структуры российского экспорта в те же страны. Как и в российском товарообороте, в структуре экспорта Республики Татарстан преобладает группа «Минеральные продукты» (около 45%). Второе место в экспорте Татарстана в страны СНГ занимает продукция химической промышленности (около 30%). Значительно уступает ей (около 14%) продукция машиностроения и производство транспортных средств.

Таблица 2.

Структура экспорта Российской Федерации и Республики Татарстан в страны СНГ (2012-2014 гг. в %) [Российский... 2015: 633; Республика...2015].

Товарные группы	Российская Федерация			Республика Татарстан		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014
Продовольственные товары	5,4	6,6	8,0	1,7	3,1	4,2
Минеральные продукты	55,8	48,0	45,2	46,3	29,2	45,1
Продукция химической промышленности, каучуки	9,1	10,5	11,2	24,4	34,2	30,5

Древесина, целлюлозно-бумажная промышленность	3,0	3,6	4,1	0,5	0,8	1,1
Машины, оборудование, транспортные средства	13,7	16,5	16,3	25,3	29,6	14,0
Металлы и изделия из них	9,6	11,1	10,7	1,4	2,4	3,7
Прочие товарные группы	3,4	3,7	4,5	0,4	0,7	1,4
Итого	100	100	100	100	100	100

Как видно из таблицы 2, экспорт Республики Татарстан в страны СНГ имеет неустойчивый тренд. Так, экспорт минеральных продуктов, составивший в 2012 г. 46%, в следующем году сократился до 29%, но в 2014 г. вновь вырос до 45%. Аналогичная ситуация складывалась в группах «Продукция химической промышленности» (в 2012 г. - 24%, резкий рост до 34% в 2013 г., и снижение до 30% в 2014 г.) и «Машины, оборудование, транспортные средства» (в 2012 г.- 25%, в 2013 г.- 29%, в 2014г. - снижение до 14%).

Таблица 3.

Структура импорта Российской Федерации и Республики Татарстан из стран СНГ (2012-2014 гг., в %) [Российский...2015: 634; Республика 2015].

Товарные группы	Российская Федерация			Республика Татарстан		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014
Продовольственные товары	11,6	16,3	17,7	2,0	1,4	1,9
Минеральные продукты	10,5	11,5	15,3	10,1	4,2	6,2
Продукция химической промышленности, каучуки	10,6	10,5	11,7	8,9	5,7	5,7
Древесина, целлюлозно-бумажная промышленность	2,8	3,8	3,3	0,7	0,7	0,6
Машины, оборудование, транспортные средства	36,7	32,0	25,2	66,5	77,8	72,8
Металлы и изделия из них	16,4	16,0	15,9	4,5	5,9	7,2
Прочие товарные группы	11,4	9,9	10,8	7,3	4,3	5,6
Итого	100	100	100	100	100	100

В импорте Российской Федерации из стран СНГ преобладают машины, оборудование и транспортные средства. Однако, как видно из таблицы 3, доля этой товарной группы в структуре импорта за последние три года сократилась на 11,5%. (в 2012 г.- 36,7%, в 2013 г.- 32%, в 2014 г.- 25%). Важное место в структуре российского импорта из стран СНГ занимают минераль-

ные продукты и металлы. Но если доля металлов в структуре импорта России практически не меняется, то импорт минеральных продуктов за последние три года увеличился на 5% (с 10,5% в 2012 г. до 15,3% в 2014 г.). Обращает на себя внимание рост импорта из стран СНГ продовольственных товаров – за три года на 6% (с 11,6% в 2012 г. до 17,7% в 2014 г.).

В структуре татарстанского импорта из стран СНГ также преобладает группа «Машины, оборудование, транспортные средства» (более 70%). Постепенно увеличивается значение импорта металлов (за три года их доля в структуре импорта возросла с 4,5% в 2012 г. до 7,2% в 2014 г.). Уменьшается импорт продукции химической промышленности (с 8,9% до 5,7%).

Анализ экспортно-импортных потоков позволяет сделать вывод, что у Республики Татарстан не сложилось устойчивых торгово-экономических связей со странами СНГ. Экспортные потоки диверсифицированы между тремя товарными группами – «**Минеральные продукты**», «**Производство химической промышленности, каучуки**», «**Машины, оборудование, транспортные средства**», что отражает производственную специализацию Республики Татарстан. Импортные потоки не диверсифицированы, и представлены главным образом товарной группой «**Машины, оборудование, транспортные средства**».

Таблица 5.

Доля стран СНГ во внешнеторговом обороте Российской Федерации и Республики Татарстан (в %) [Российский...2015: 630; Республика 2014].

	Российская Федерация			Республика Татарстан		
	2012	2013	2014	2012	2013	2014
Страны СНГ	14,2	12,4	11,4	15,4	11,6	11,0
Беларусь	4,6	4,1	4,1	7,9	3,9	5,2
Казахстан	3,1	2,8	2,7	2,7	2,7	1,7
Украина	5,4	4,7	3,5	2,7	3,6	2,9
Прочие страны СНГ	1,1	0,8	1,1	2,1	1,4	1,2

Как видно из таблицы 5, основными внешнеторговыми партнерами Российской Федерации и Республики Татарстан на пространстве СНГ являются три страны: Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина. К сожалению, следует констатировать, что доля прочих стран Содружества в торговых связях нашей страны, а также Республики Татарстан – невелика.

Отметим, что из трех перечисленных государств у Республики Татарстан на сегодняшний день установились более тесные связи с Республикой Беларусь – кстати, партнером Российской Федерации по «Союзному государству». Доля этого государства во внешнеторговом обороте Татар-

стана значительно выше, нежели остальных государств СНГ. В 2015 г. доля Республики Беларусь во внешнеторговом обороте Татарстана снова возросла до 6%, при этом на долю Беларуси приходится уже половина татарстанского товарооборота со странами СНГ. В этой связи интересно отметить, что доля Республики Беларусь во внешнеторговом обороте Российской Федерации стабильно держится на уровне 4%, и без специальных мер стимулирующего характера значительные резервы для расширения двусторонних отношений вряд ли удастся отыскать.

Торгово-экономические связи Российской Федерации и Республики Татарстан с Республикой Казахстан имеют ярко выраженную нисходящую тенденцию, что является существенным недостатком, в первую очередь, для внешнеэкономических ориентиров Республики Татарстан. Ведь оба субъекта международных экономических отношений связывают не только экономические интересы, но также общность культурно-исторических, этнических и религиозных традиций.

Определенный оптимизм в отношении перспектив развития двухсторонних торгово-экономических связей между братскими народами вселяют итоги первого заседания казахстанско-татарстанской рабочей группы по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству, прошедшего в Астане 28 января 2015 г. Делегацию Татарстана на переговорах возглавлял заместитель премьер-министра Республики Татарстан, министр промышленности и торговли Р. Зарипов. В рамках визита татарстанской делегации состоялись переговоры в Министерстве обороны Казахстана, Министерстве образования и науки Казахстана, Министерстве здравоохранения и социального развития Казахстана, Министерстве энергетики Казахстана, а также в национальных компаниях «ҚазМұнайГаз» и «Қазақстан темір жолы». Переговоры завершились подписанием дорожной карты развития сотрудничества в оборонно-промышленной сфере между Республикой Казахстан и Республикой Татарстан на 2015 г.

Стороны заявили о намерении расширять взаимные торгово-экономические контакты, сотрудничество в области инвестиционной деятельности, науки и технологий [i-news.kz].

В страны СНГ Татарстан поставляет преимущественно продукцию нефтехимического комплекса и машиностроения. Республика Беларусь, является единственным среди государств СНГ потребителем татарстанской нефти, которая поставляется в объеме более 1,2 млн. тонн. Нефтепродукты Татарстан поставляет в Республику Беларусь (72%), в Украину (17%) и Кыргызстан (8,5%). Основными покупателями пластмассы и изделий из нее у Татарстана являются: Украина (48%), Беларусь (40,9%), Узбекистан (4,5%) и Казахстан (4,0%). Синтетический каучук в Татарстане закупает преимущественно Беларусь (89%).

Широким спросом на рынке СНГ пользуются изделия татарстанской шинной промышленности. Общий объем их продаж составляет более 1,2 млн. штук из которых 39% покупает Украина, 20,5% - Республика Беларусь, около 8% - Азербайджан, 6,7% - Узбекистан.

Татарстан, как известно, является крупнейшим производителем грузовых автомобилей в России. ОАО «КАМАЗ» (г. Набережные Челны) занимает 11-е место в мире по производству тяжелых грузовиков. Правда, в 2014 г. ввиду мирового экономического кризиса объем производства автомобилей одноименной марки снизился, по сравнению с предыдущим годом, на 14,4% (с 38070 единиц до 326500 единиц) [РИА-новости]. Около 8% автомобилей компания продает в страны СНГ. В 2014 г. в государства Содружества было реализовано 458 автомобилей. Их покупателями стали Туркменистан (33%), Азербайджан (23,5%), Узбекистан (15%), Кыргызстан (14%) и др.

Структура и география экспортных поставок Татарстана на рынки СНГ позволяет заключить, что республика располагает достаточно обширным экспортным потенциалом.

Что касается импортных потоков, то они состояли преимущественно из трех товарных групп: «Алкогольные и безалкогольные напитки», «Черные металлы» и «Грузовые автомобили».

«Алкогольные и безалкогольные напитки» в Татарстан поставляет преимущественно Республика Беларусь (90,4%). «Черные металлы» Татарстан закупал в Республике Беларусь (58%) и в Казахстане (36%), а «Грузовые автомобили» - только в двух государствах: в Республике Беларусь (59%) и в Узбекистане (41%) [Республика... 2014; Территориальный... 2015].

Анализ внешнеэкономических связей Республики Татарстан со странами СНГ свидетельствует о том, что республика в целом движется в общероссийском формате отношений со странами ближнего зарубежья. Круг партнеров и структура внешнеторгового оборота определяется экономическими интересами республики и рамками тех институциональных ограничений, которые накладывает на нее статус субъекта Российской Федерации. Вместе с тем, в рамках закрепленных за республикой полномочий имеются широкие возможности для активного участия в развитии международного сотрудничества с дальним и ближним зарубежьем.

Перспективы развития многосторонних контактов с государствами СНГ связаны с санкционными ограничениями, введенными западными странами в отношении России. Огромный резерв для наращивания торгово-экономических связей заложен в развитии взаимовыгодного сотрудничества Республики Татарстан с тюркскими государствами Содружества, в т.ч. в рамках ЕАЭС.

Литература

Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года // [электронный ресурс] <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/vec2020>

Внешнеэкономическая деятельность предприятий и организаций Республики Татарстан за январь-декабрь 2015 г. / Статистический бюллетень - Казань, Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган ФСГС по РТ, 2015.

Гибадуллин М.З., Нуриева А.Р. Проблемы экономической интеграции стран СНГ // Formation of ethnic and religious neighborly relations as one of the major problems of modern civilization // Materials of the II international scientific conference. - Pragua. - 2014. - <http://sociosphera.com>;

Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-61741.htm> Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-61822.htm>

Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-azerbaydzhanskoy-respublikoy-i.htm>

Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-94882.htm>

Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-62061.htm>

Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан: [официальный сайт] <http://mpt.tatarstan.ru/rus/soglashenie-mezhdu-pravitelstvom-respubliki-61801.htm>

РИА-новости [электронный ресурс] <http://ria.ru/economy/20150126/1044283180.htm>

Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб./Росстат. - М., 2015.

Республика Татарстан: статистический сборник 2014. - Казань: Федеральная служба государственной статистики.

Российский статистический ежегодник. 2015: Стат.сб. / Росстат.- М., 2015.

Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ (ред. от 30.11.2013) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // [электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/

i-news.kz[электронныйресурс]https://i-news.kz/news/2015/01/28/7905221-kazakhstan_i_tatarstan_namereny_razvivat.html

Gibadullin M.Z. Nurieva A.R. Problems and perspectives of the integration of countries CIS // “CIS: HISTORY, TODAY, PROSPECTS” International Conference/ Science editor: Prof. R. Berton - Scope Academic House, UK, S Yorkshire-Sheffield, 2013.

“TANAP” PROJESİ “TÜRK AKIMI”NIN RAKİBİ Mİ?

Askhat Kessikbayev*

ABSTRACT:

The article discusses the balance between the two projects equally important for modern Turkey's economy, namely, TANAP and “Turkish Stream”, within the context of Turkish-Russian and Turkish-Azerbaijani relations. The author comes to conclusion, that, as both projects possess different characteristics, and their final consumers are different, most probably they will both go on developing in parallel way in future, thus helping Turkey achieve the position of the most influential center of distribution and transit of energy sources.

KEY WORDS:

Petrol, pipelines, natural gas, TANAP, “Turkish Stream”, Turkish-Russian relations.

9 Ağustos 2016 tarihinde Türkiye Cumhurbaşkanı Recep Tayyip Erdoğan'ın Rusya Federasyonu'na resmi ziyareti, Rusya askeri uçağı krizi ile kötüleşen Rusya-Türkiye ilişkilerinin normalleşmesinden sonra üst düzeyde gerçekleşen ilk ziyaret niteliğindedir. Türkiye ve Rusya Cumhurbaşkanı'nın görüşmesinin gündemi, şüphesiz, Türk-Rus ilişkilerinin tekrar normalleşmesi, ve en önemlisi – iki ülkenin enerji alanındaki işbirliğinin devamı ve derinleşmesidir. Bu anlamda Sankt-Petersburg'daki görüşmedeki en önemli projelerden birisi - “Türk Akımı” projesidir.

“Türk Akımı”, Avrupa Komisyonu ile anlaşmazlıktan dolayı Aralık 2014'te Rusya tarafından durdurulan “Güney Akımı” projesini ikame edilmesi planlanan doğal gaz boru hattıdır. Projeye göre Kara Deniz'in dibinden Rusya'nın Russkaya istasyonundan Türkiye'ye ve oradan Türk-Yunan sınırına kadar uzanacak doğal gaz boru hatlarının inşası öngörülmektedir. Fakat Türk-Rus görüşmeleri Kasım 2015'te durdurulmuştu. Türkiye ve Rusya'nın tekrar yakınlaşması ile “Türk Akımı” projesi tekrar gündeme gelmesi manidardır. Geçtiğimiz haftalarda Türkiye Cumhuriyeti Başbakan yardımcısı Mehmet Şimşek ve Ekonomi Bakanı Nihat Zeybekçi Moskova'ya çalışma ziyaretinde bulunmuşlardı. Ziyaret esnasında “Türk Akımı” projesi ile ilgili çalışma grubunun kurulması hakkında anlaşmaya varıldı. Ayrıca, Rusya Enerji Bakanı Aleksandr Novak'ın açıklamasına göre ise “Türk Akımı”nın daha önce planlanan dört gaz boru hattının yerine Türkiye ve Rusya iki boru hattının inşasını görüşüyorlar. Birinci hat Türkiye'nin iç tüketimine yönelik olacak (yaklaşık 15,75 m3), ikincisi ise – Avrupa'lı tüketiciler içindir. Ön bilgilere göre, boru hatlarının planlanan hacmi yaklaşık 63 milyar m3.

Bununla beraber, Türkiye bir diğer enerji projesi üzerinde yoğun çalışmasını sürdürmektedir. “TANAP” olarak adlandırılan doğal gaz boru hattı projesinin

* International Turkic Academy, Siyaset Bilimleri Uzmanı. E-mail: askhat.ank@gmail.com

hayata geçirilmesi daha önce belirlenen grafikte devam etmektedir. 2015 yılında Kars'ta Azerbaycan, Türkiye ve Gürcistan Cumhurbaşkanlarının katılımıyla “TANAP”ın temeli atılmıştı. Kars'daki törene ABD Dışişleri Bakanlığı'nın Uluslararası Enerji İşleri Temsilcisi ve Koordinatörü Amos Hochstein ve Avrupa Komisyonu'nun Enerji Birliği'nden sorumlu Başkan Yardımcısı Maroš Šefčovič de iştirak etmişlerdir. Hatırlatmak gerekirse, “TANAP” projesi ile ilgili Anlaşma 26 Haziran 2012 tarihinde imzalanmıştı. Proje iştirakçileri – “SOCAR” (%58), “BOTAS” (%30), “BP” (%12).

Proje 1800 km olan ve Gürcistan-Türkiye sınırından başlayan Türkiye-Yunanistan sınırına kadar uzanan doğal gaz boru hattı sisteminden oluşmaktadır. İlk etapta sistem hacmi 16 milyar m³ olarak öngörülmekte (*31 milyar m³'e kadar büyüme kapasitesi var*). Bunların 6 milyar m³'lük hacmi Türkiye'nin kullanımı için, 10 milyar m³ ise Avrupalı kullanıcılar içindir. Projenin 2018 yılında hayata geçirilmesi planlanmaktadır. Sonrasında ise “TANAP” projesini “TAP” (Trans Adriyatik) boru hattı sistemi ile birleştirilmesi planlanmaktadır. “TAP”ın inşaatı 2020'de tamamlanması öngörülmektedir. “TAP” projesi ile doğal gazı Yunanistan ve Arnavutluk üzerinden Adriyatik denizinin altından İtalya'ya ulaştırması planlanmaktadır. Her iki boru hattı “Güney Gaz Koridoru” projesinin parçalarıdır (*AB için öncelikli proje olup, 10 milyar m³ Azerbaycan gazının Gürcistan ve Türkiye üzerinden Avrupa'ya naklini öngörmektedir. İlk etapta Azeri “Şah Deniz” doğal gaz yatağının ikinci faz'ı çerçevesinde çıkarılacak doğal gaz, “Güney Gaz Koridoru” projelerinin ana kaynağı olacağı planlanmaktadır*).

Resmi Ankara “TANAP” projesini “Güney Gaz Koridoru”nun ana unsuru niteliğinde olduğunun altını çizmektedir.

“Türk Akımı” projesi konusunda Moskova ile daha evvel başlanan ve şimdi de tekrar canlanan görüşmelere rağmen, “TANAP” doğal gaz boru hattı inşaatının başlanması Türk Hükümetinin bu projeyi hayata geçirme konusundaki kararlılığını teyit etmiş oldu. Bununla beraber “TANAP” ve “Türk Akımı” projelerinin birbirlerinin rakibi olmadıklarına dair konu uzmanları farklı görüşlere sahiptir.

Her iki boru hattı projesinin karşılaştırılması ve bunların birbirine ne kadar rakip olduklarını şu kriterlere göre değerlendirilebilir: tedariki yapılacak doğal gazın hacmi ve kaynağı, gaz boru hattının güzergahı, ekonomik yararı, siyasi motivasyon, projenin hayata gerçekleştirme düzeyi.

Her iki durumda doğal gazın alıcıları Türkiye ve Avrupa Birliği ülkeleridir. Türkiye'nin yıllık doğal gaz tüketim hacmi yaklaşık 46 milyar m³, AB'nin ise 133 milyar m³. Türkiye'nin doğal gaz ana tedarikçileri olarak Rusya (30 milyar m³), İran (9,6 milyar m³) ve Azerbaycan (6 milyar m³) sayılabilir. AB enerji ihtiyacının karşılanmasında Rusya'nın payı %30 dolayında, Azerbaycan ise henüz AB'ye gaz ihracatını yapmamaktadır. Gaz tedarikinin neredeyse %98'ini yurt dışından gerçekleştiren Türkiye için tedarik hatlarının çeşitlendirmesi meselesi öncelikli durumundadır.

Her iki projenin hayata geçirilmesi durumunda Türkiye, “TANAP” aracılığıyla Azerbaycan’dan 6 milyar m³ ve “Türk Akımı” üzerinden 15 milyar m³’ten fazla gazı da Rusya’dan ithal edebilecektir. Böylece, “Türk Akımı”nın birinci boru hattı, TransBalkan Boru Hattı ile Rusya’dan Türkiye’ye gelen gazı ikame edebilecektir (bugün bu yaklaşık 12 milyar m³ dolayındadır).

“TANAP” üzerinden Avrupa ülkelerine Azerbaycan’dan yaklaşık 10 milyar m³ gaz ihracatı planlanmaktadır. Rusya ise Türk-Yunan sınırına kadar 50 milyar m³’e kadar ihraç etmeye hazır, ki bu “Güney Akımı” projesinde öngörülen hacme denk gelmektedir. Böylece, “TANAP” projesi, tedarik edilen gaz hacmi açısından “Türk Akımı”nın rakibi olmamakla beraber, ithalatçı ülkeler açısından doğalgaz tedarikinin çeşitlendirilmesi ve enerji güvenliği bakımından stratejik öneme sahip durumdadır. Hem “TANAP” hem de “Türk Akımı” boru hatları Türkiye üzerinden geçmektedir. Fakat devamında Avrupa üzerinden geçecek güzergahlar farklılık göstermektedir. “TANAP” projesinin mantıki devamı sayılan Trans Adriyatik Boru Hattı (“TAP”) Yunanistan, Arnavutluk ve İtalya üzerinden geçecektir. “Türk Akımı”nın Rusya’daki ana tedarikçisi Gazprom AB ülkelerinden geçecek doğalgaz boru hatlarından uzaklaşmak istemiştir. Fakat 2015 yılının Mart ayında Macaristan, Yunanistan, Sırbistan ve Makedonya’yı ihtiva eden gaz boru hattının inşası konusunda Macaristan bir inisiyatifte bulunmuştu. Bu güzergaha Austuriya da ilgili olduğunu göstermişti. Bir diğer alternatifi Bulgaristan Başbakanı Boyko Borisov 5 Mart 2015 tarihinde Azerbaycan Cumhurbaşkanı İlham Aliyev’le yaptığı görüşme esnasında dile getirmişti. B.Borisov “Nabucco” projesinin canlandırılması imkanının değerlendirilmesini teklif etmişti. Hatta Cumhurbaşkanı İ. Aliyev’le beraber bu projenin Brüksel’de yeniden değerlendirilmesi konusunda ikna çalışmalarına başlayabileceklerini ifade etmişti.

Böylece, doğalgazın nihai tüketicilerinin çeşitli olması nedeniyle, her iki proje hem AB hem de transit ülke olarak Türkiye için ilgi çekici durumdadır. Ekonomik açıdan değerlendirildiğinde, Türkiye her iki projenin hayata geçirilmesinde faydasını görebilecektir. Azerbaycan en ucuz doğal gazı tedarik etmektedir – yaklaşık 340USD/1000m³, ikinci sırada Rusya – 418 USD/1000m³ ve en pahalı İran gazı – 487USD/1000m³ (2014 yılı verileri). Bundan dolayı Azerbaycan ve Rusya gazının alımının arttırması Türkiye’nin yararınadır. Ayrıca, “TANAP”tan işletme geliri de beklenmektedir, nitekim bu projenin %30 hissesi BOTAŞ’a aittir. Hakeza, “Türk Akımı” projesinin bir kısmının işletmesi de BOTAŞ’a ait olacaktır (henüz net anlaşılmalı paylaşım bilgisi bulunmamaktadır). Türkiye hazinesine ek geliri ise Rusya doğalgazına yapılacak yaklaşık %10,25’lik indirim sağlayacaktır. Bu oran geçtiğimiz 2015 yılında müzakere edilmişti.

“British Petroleum” Türkiye Bölgesel Başkan Yardımcısı Ian Sutterland’a göre, “TANAP” projesinin hayata geçirilmesi dünyadaki enerji dengesinin çeşitlendirilmesini sağlar. Ona göre bu hattın hayata geçirilmesindeki bir diğer önemli husus – yeni iş yerlerinin açılmış olmasıdır. Bu projelerin ana işletmecisi olarak

Türkiye'nin her iki projede de siyasi beklentileri var. Türkiye'nin başlıca jeost-ratejik hedeflerden birisi, şüphesiz, ülkenin bölgedeki en büyük enerji merkezine dönüşmesi, enerji kaynakları güzergahlarını kontrol etmesi, Doğu'daki tedarikçileri ile Batı'daki tüketicileri arasında transit fonksiyonlarını icra etmesidir.

“TANAP” projesinin hayata geçirilmesi, Türkiye ile Azerbaycan arasındaki ilişkilerin yeni düzeye çıkarılmasını sağlayacak, ileride ise Türkmen, Irak ve Suriye'deki doğal gaz piyasalarına çıkışı kolaylaştıracaktır. Bu anlamda Türkiye'nin enerji güvenliği açısından doğal gaz tedarikinin çeşitlendirilmesi kendi yararına olacaktır. Rusya'ya ilişkin transit fonksiyonunu icra eden Türkiye, bu ülke ile ilişkilerinde ek avantajlar sağlayacaktır. Türkiye Cumhurbaşkanı R.T.Erdoğan'ın bu ülke ile ilişkilerin düzeltmeye çalışması da ayrı önem kazanmaktadır. İlişkilerin dondurulmasından önce Türkiye Rusya'ya bir nevi baskı uyguluyordu. Rusya Bilimler Akademisi Doğu Bilimler Enstitüsü Orta Asya ve Kafkasya Araştırmalar Merkezi Baş Uzmanı Stanislav Pritçin'e göre, doğal gaz fiyatları konusundaki görüşmelerin neredeyse tıkanması, Ankara'nın Gazprom'un teklif ettiği %10,25 indiriminden daha fazlasını talep etmesinden kaynaklanmaktadır. Bu da en başta indirim oranı %6 iken, %10,25'e yükselmesine rağmen.

Günümüzde Türkiye için enerji alanında en önemli projeleri arasında “TANAP” projesi yer almaktadır. Bununla beraber “TANAP”ın rölünün büyütülmemesi gerektiğini vurgulayanlar da vardır. Mesela, Enerji Piyasaları Araştırma Enstitüsü uzmanı Volkan Özdemir'e göre, “TANAP” çerçevesinde Türkiye enerji merkezi değil, sadece bir koridor rolünü üstlenebilecektir. Bundan dolayı “TANAP” Ankara'ya değil, daha çok Bakü'ye gerekmektedir. Azerbaycan için “TANAP”ın siyasi ve ekonomik önemini Cumhurbaşkanı İlham Aliyev de vurgulamaktadır. “Yeni enerji haritası oluşturulmaktadır... Günümüzde bölgede siyasi, ekonomik ve diğer alanlardaki hiçbir proje bizim olurumuz olmadan hayata geçirilememektedir”, demişti İ.Aliyev geçtiğimiz yıldaki konuşmalarında.

Her iki projenin ileriye dönük hayata geçirilmesi konusundaki değerlendirilmesi, bunların somut olarak hazır olmasına bakmaktadır. Bu manada hayata geçirilmesinde en yakın olanı “TANAP” projesidir. Nitekim, bu projede sadece inşaata başlanmakla kalınmadı, uzun süreyi kapsayan görüşmeleri, ekolojik ekspertizleri geride bırakmış, hatta Azerbaycan tüketici ülkelerin 9 şirketiyle tüketim konusunda anlaşmaları da imzalamış.

“Türk Akımı”na gelecek olursak, bu projede hala uzun dönemli görüşmeler trafiği olacak ve nihai tüketicilerin bulunması gerekmektedir. USAK araştırma merkezinden Hasan Selim Özertem'e göre, eğer Gazprom 2019 yılından sonra gaz teslimatı nihai noktasını değiştirecek olursa, Avrupa ülkeleri ile imzalanan anlaşmalarda değişikliklerin yapılması gerekecektir. Hukuki olarak bu süreç Rusya'nın Ukrayna'yı ve “Güney Akımı”nı by-pass eden hatların hayata geçirilmesini zorlaştırabilecektir. Rusya gazının bu yolla ulaştırılması “Güney Akımı”nda olduğu gibi Brüksel'in engellenmesi ile karşılaşabilecektir. Bu konuyu Ukrayna'daki

Türkiye Büyükelçisi Yönet Can Tezel de değerlendirmiş. Ona göre, “Türk Akımı” henüz gelişmenin erken safhasında olup, onun geleceği Avrupalı ülkelerin bakış açısına bağlı olacaktır. Türkiye’deki “Hazar Stratejik Araştırmalar Enstitüsü” Uzmanı Efgan Niftiyev de tüketicilerle yapılan ön anlaşmalar önemli olduğunu vurgulamakta: TANAP örneğinde önümüzdeki 25 yıl için yaklaşık 200 milyar dolarlık ön anlaşmalar imzalanmış.

Yukarıda verilen argümanlar ve fikirlere istinaden şu sonuca ulaşabiliriz: hem TANAP hem de “Türk Akımı” projeleri farklı karakteristiklere sahip olup, farklı tüketicilere yöneliktir. Her ikisi de farklı sebepler çerçevesinde Türkiye için siyasi ve ekonomik açıdan önemlidir. Ülkedeki zor iç politika şartlarına bakılmaksızın her iki istikamette de çalışmalar aktif bir şekilde devam etmektedir.

Buradan çıkaracağımız sonuç, bir projenin diğer proje ile ikame edilmesi az olanaklı görülmektedir. En olası beklenebilir senaryoya göre her iki projenin hayata geçirilmesi bunların aynı zamanda işlemlerini zorlaştırmaz. Hayata geçirme süreleri ve diğer detaylar hala düzeltmelere açıktır. “TANAP” inşaatı Türkiye’nin enerji politikasının en önemli unsurlardan biri olarak kalmaya devam etmektedir. “Türk Akımı” ile beraber “TANAP” projesi Türkiye’nin enerji kaynaklarının çeşitlendirilmesini ve Türkiye’nin bölgedeki enerji kaynaklarının dağıtım ve transiti konusunda en önemli merkezlerden olma isteğini hayata geçirilmesini sağlayabilecektir.

**ACTUAL PROBLEMS OF CULTURAL INTEGRATION
OF TURKIC WORLD
IN XXI CENTURY IN THE 25TH YEAR
OF THEIR INDEPENDENCE**

Rabiyyat Aslanova*

ABSTRACT:

In the article author explores the following issues:

Regional integration of Turkic-speaking countries in the Globalization era;
Existing models of integration: successes and challenges;
New stages of integration in Turkic world: emergence of independent Turkic countries,
Turkic cultural integration: existing formats and their significance;
TURKSOY-Cultural integration philosophy of Turkic-speaking countries;
The new century and new formats Integration;
initiatives, experience and mission of the integration of Azerbaijan;
The problems and issues preventing integration of Turkic-speaking countries and ways to overcome them.

KEYWORDS:

Integration processes, globalization and regionalization, Turkic-Speaking Countries, Cultural Integration, Azerbaijan, models of integration of Turkic Republics.

Introduction

Factors that ensure the development of the world, are multifaceted. One of the fundamental factors which are the primary stipulation for all the rest of them, are integration processes. The end of the XX century, the beginning of the XXI century characterized by a growing scientific interest to the study of the essence of the process of integration, as well as the development of interstate relations. Today the world lives a new, large-scale “wave of integration” and the processes of globalization gave impetus to them. The expansion of integration problem from the level of concrete practical reality of development in the world, to the level of a vital issue which determines the turning points of the domestic and foreign policy of states, has become one of the leading trends observed during the last half century. The need for the reality and perspectives of the rapid integration processes in the near and far distance, the choice of the main growth vectors in the context of the new geopolitical reality, as well as the determination of the optimum format of bilateral relations and cooperation with Turkic-speaking countries in changing

* Doctor of Philosophical sciences, professor, Head of the department of Baku State University;
E-mail: aslanovarabiyat2016@gmail.com

conditions, require the science-based concept of these processes.

Important problems of the modern world can be resolved not only by political, scientific or technological means, but also by socio-cultural means. Under the conditions of the global integration process, the national cultural policy suffers the new quality changes within the context of the geopolitical concept called as “soft power”. Terms of geopolitics and geoeconomics develop intensively along with the “geocultural” concepts.

Cultural policy must be adequate to the scale and speed changes of social and cultural dynamics to direct the appropriate course. The most important point is that the national imperatives played a leading role in national policy in recent times, but today the boundaries between internal and external cultural policy are erased, then their combination takes the lead. This combination shows the growth of the importance of external conditions in the cultural policy.

Azerbaijan has historically been a place of intersection of Eastern and Western cultures with its geo-strategic position. The nature of openness to the mutual influences which is a part of our culture, is based on that. Unlike some cultures which feel the global effects now, in Azerbaijan this process have natural-historical nature, self-isolation has never been spesific to our culture.

Turkic Republics in the mirror of globalization and regionalization processes

As noted, the modern socio-cultural situation is not comparable with any course of history.

The cultural space of the XXI century has formed the background of the new global reality. Global culture system which is emerging, is the new reality that the boundaries of cultural spaces could not reveal. Not all multi-faceted local cultures will easily take place in this new reality. To achieve this, it is necessary to be integrated in all levels - political, socio-economic, cultural, legal and other levels.

Philosophy and strategy of the phenomenon of integration which has a long history, have changed. The integration is oriented towards global unity not only from the one direction, one culture, but also from all equal subjects of multipolar cultural space. The new approaches, such as multicultural, cross cultural, transcultural, polycultural which is known as the pluralist paradigm of communication formed in the global cultural space.

The processes of globalization lead to the reaction of various cultures willingly or unwillingly, and impacts on their substance and form. The intensity of intercultural integration has raised on one hand the growing attention to the factor of cultural diversity, on the other hand both theoretical and practical resolution mechanisms and formats of the problem, as well as caused extensive discussions. Although the suggested interaction strategies up to date, the resolution mechanisms of the problem of integration have not formed yet.

If one tries to summarize, then the existence of three directions or scripts can be mentioned. They are as follows: 1) confrontation (collision); 2) dialogue; 3) “mixing” of local cultures in the hegemony cultural space [Делягин 2003: 71]. Integration emerged as the terms and theory in the West. But it does not mean that there were no historical experience and models of intercultural relations in other regions and countries all over the world. The philosophy of integration in a globalizing world is a fundamental issue which serves to find a mechanism for the development and reconciliation of various cultures. So now people belonging to different cultures face difficulties in choosing communication or identity. There is no alternative to this choice.

Integration is used to prevent such trends in intercultural relations as differentiation and assimilation, as well as for synthesis and harmony. The true ideal of intercultural relations is integration without assimilation.

In the new world order of the XXI century the Turkic world should evaluate the current state, and that states should determine what have they to do for joint effort. In order to get closer, the Turkic world should be acquainted with each other. There is a great need for the politicians, along with the scientists, culture and art figures, representatives of media, to be together and to determine the overall paradigm of cultural integration. There is a need to show tenacity and willpower of joint efforts to the world community and international organizations in order to solve the problems experienced in this space.

It should be admitted that there is still no adequate level of relations between the Turkic-speaking states. The international organization of states, its essence and place in development processes, as well as the principles of integration remain a subject of scientific-practical dispute in the modern world. It should be kept in mind, that the system of international relations and integration in the West was not formed suddenly. The first international organization was created in the economic sphere in 1874, that is, the Universal Postal Union.[www.science.az]

Until the beginning of the 20th century several international organizations proved themselves. The first political organization was the League of Nations. The period after the World War II became a new stage of evolution in the history of international organizations. Issues such as the preparation of a single platform, peaceful settlement of disputes and conflicts, the development of mechanisms to ensure international stability by ensuring security and stability, and taking into account the interests of all countries, was a vital issue at the same rate for all countries. In the middle of the 20th century international organizations in Europe started to support the responsibility for the solution of problems.

At the end of the XX century the replacement of bipolar world order with multipolar one created conditions for the international organizations to the start of a new stage of quality. [The new independent states became members of these organizations, that led to expansion of their powers and complication of structures.

It also caused the need to define the new global and regional models of integration.

Today, in every region there are organizations combined on the basis of common history, culture and morality. At the same time, the process of globalization and, on the contrary, the process of regionalization is going on in the world today. This is undoubtedly a historical necessity to preserve the balance of the integration processes in the global system, otherwise these processes would be going in a unilateral direction which is not desirable, especially in cultural aspect.

In general, the process of combination of the separate areas and regions has always existed in history. However, earlier these processes have been forcible, but from the beginning of the XX century, the process of formation of separate entities emerged as a historical necessity. It should be noted that in today's world there are organizations which constantly evolve, as well as they are available only on paper. The need for establishment of each organization arises first of all from its higher purposes and ensuring of the interests and benefits of the state represented in this organization. For example, the establishment of the European Parliament could be seen as an example of this. It is a fairly efficient and agile entity, for the states of Europe [Борко 1998].

At the same time, the states far from this region also are a member of this organization today. Because, the purpose of this organization arises from the existence of unity and one state's desire to aid and help to another state, in general, to create a great European territory together. Formation of similar attractive regional institutions in the Turkish world must be target for near perspective.

Today, different platforms and spaces are formed in the world. These are platforms for dialogue, for tolerance etc, which are beyond conception of the geographical-territorial division and borders. The world now understands that if such venues will not form, then the globalization can not be justify itself which ensures the peace, safety and tolerance. There cannot be only one-sided tendency of the globalization and there is a need for regionalization processes to stand in front of it. The unilateral processes never succeed in the world, and there should be a reciprocal direction of this process in order to create a balance. On the one hand, it creates healthy competition, on the other hand, it enriches the living conditions of multi-faceted, various nations.

In particular, the cultural space of the world is based on these multilateral processes and relations. The states understand that due to the absence of the great and global organization in the world today, there is a need for separate institutions which will provide rights and interests of each of them. That's why, those states create regional organizations, covering the close geography and so, they try to assert themselves.

Although the integration of the Western bloc states faced with serious problems against the background of the general level of integration in the past 20 years, but it still continuing. The unity called as "non-Western" ("the world

without the West”) tries to strengthen internal relations, to create a new system of international relations, to form institutions based on the the legal basis which is parallel to the current system. Although at first glance it may seem as a normal competition, but in fact, it was a response to challenges which the “non-Western region” faced. [Mehdiyev 2005:147] All of these trends necessitate the significant activity towards the organization of Turkic-speaking countries. Only in this case, it may be possible to demonstrate the universally recognized legal basis of joint action, as well as the adequate and agile response to the challenges, the determination in solving problems relating to the scope and authority. The talking is about the cultural integration processes which are able to strengthen the political and economic unions with closer ties, as well as become a constantly renewed and agile body.

Turkic states which have different levels of development, the national and spiritual values, as well as an originality in different stages of democratic development, put forward a common position in the resolution of issues that are important to the region and the world. This is not an easy task. However, matching of interests of newly independent Turkic states, the work to solve problems on the basis of principles of international law should be the main goal of the new-formed organizations.

As it is known, the superpowers which have a traditional sphere of influence in the world, are very jelaous of the new independent turkic states’ position in the international arena and the political scene. the superpowers are not afraid of starting the policy of “double standards” when it is needed. They reveal their desire to keep the area under their influence. It also displayed in the work principle of the international organizations. The way of self-assertion of Azerbaijan which got independence, is evidenced once again. It also shows that many things can be achieved by the joint collective cooperation and will of Turkic-speaking countries. The key issue here is to ensure the common interests and benefits.

Each Turkic state has to understand its responsibility in the process of the cultural integration. Today, there is a historical heritage of the Turkic world, and it must be presented to the world. So far, all the time, European culture and European human rights was taken as an example, there has dominated a desire to become a member of this region. However, there are other alternative regions to it, today, there is a need to introduce them to the world. For this reason, it is important to preserve our language and culture, support each other in order to solve our social and economic problems.

The world is experiencing a fairly big crisis. Those states will move this stage which will combine their intelligence and mind by turning their cultural heritage, potential and resources to the “soft power”, in order to make their states stronger and citizens’ life more prosperous. While looking at the political reality, and the integration models which relatively have a long history, it does not seem

the perspectives which gives comfort, prosperity and peace in concrete states. On the other hand, no state can ensure its existence separately in a globalized world, despite the fact that no matter how powerful is it, but it is integrated into the processes in the world. The global financial crisis of the last years proved it once again by chaos in all countries. The unity of turkic countries and nations, as well as their transformation to the effective mechanism in various formats of integration are necessary to avoid these painful processes and give less damage. As is clear from history, the solidarity of the nations of the same cultural and ethnic roots is important. In particular, the vast majority of people turns towards Europe under the influence of globalization. Finally, the unilateral tendency of integration, cultural hegemony, the manipulation of information, its harmony and the balance of relations between civilizations may be disordered as a result of international migration flows. It is not accidental that the vector of regionalization of integration which is parallel to the globalization has become widespread.

In this regard, the organization of the Turkic-speaking states serve the harmony of multipolar world by creating their unity indirectly. Geopolitical factors also arise the establishment of Turkic unity which is not against the other union and can keep balance by serving harmony of the East and the West.

Although the intergovernmental organizations were historically formed firstly on the basis of the economic or political interests, but there is a great need for existence of the integration on the humanitarian, cultural and scientific foundations in the XXI century.

Current models of integration of Turkic Republics: successes and problems

Every state in the modern era pursues a policy of its own national interests. In the XXI century intergovernmental mutual relations of cooperation characterized by the multi-faceted and general planetary processes so-called “globalization” and the one common line-integration in relations. Taking into account the scale of globalization, it can be considered that the search for a model of cultural integration is one of the important challenges that must be resolved. Cultural integration acts as the a humanitarian and social problem of the international community in order to ensure the protection, development and synthesis of the moral capacity.

Integration in Latin means “integer” –“whole, integrity”, in fact, the etymology of the word is more clearly states the content and mission of the integration as not only economic, but also political, social, cultural and etc. process. The word of “integratio” is originated from the word “integer”, and in Latin means “restoration, completion”.

Europe passed a controversial historical processes for the realization of the idea of unity and integration. In early stages those who established the empires to find the way of unity by wars and fights, have dominated (a stage from Charle Magne

and the Holy Roman Empire until the French Empire of Napoleon's period).

In fact, the model of Europe which the idea of integration became a real tradition, is considered a valuable political-historical and social-cultural phenomenon of the second half of the XX century. Just that time Europe which is introduced to the world as a place of peace in terms of cultural-moral, civilizational and religious roots, became a cradle and homeland of integration. Since that time, Europe began to act as the positive stimulus of integration trends and an exemplary model in the world. However, no one can say with determination that controversies and difficulties were overcome in the model of integration in Europe. Especially, it can be confidently said that complex and scale problems have conditioned it by the start of the as called "Brexist". It has generally led to the formation of the new situation which the models of integration in Europe have not faced yet.

The necessity of starting the next higher-political stage of integration in comparison with its stage which is conditioned with initial economic factors, revealed completely new and conflicting issues. Does the current model of integration give reason to believe that in the new century it will become a model of World economic development and social progress? There is not included the vector of cultural integration in this question so far, so it has remained incomplete.

Because of the integration of cultures has not been resolved against the background of migration flows which the globalization accelerates, today this issue is characterized as the "dilemma" of European integration, so, *the cultural concepts of integration* are widespread.

The models of integration are under discussion in Asia along with Europe. We would like to remind one more thing that although the conclusions on the European model of integration, coincide, but there are thoughts about the Asian model that are essentially opposite to each other. For example, the Euroasian model of Russia is widely discussed again now. It becomes clear that the cultural and humanitarian strategy stays in the shadows, in particular, in the model which the geopolitical and political integration is highlighted. Present-day of the multi-faceted integration of Turkic union, as well as the scientific and conceptual issues of its future are in the center of our scientists attention. Azerbaijani scholar J.Feyziyev's explanation which he has noted in his book, is real and based on the mentioned points: "Euroasia - gains its geopolitical integrity only with the integrity of the Turkic world. Asia and Europe - establish their relations in megasystem of unified civilization as the different "components" of civilization where the Turks unit. The creator of the Euroasian geopolitics – were Turks. Today, the Turks will survive and move it forward. That is the judgment of history". [Feyziyev 2013] This shows once again that the models of integration with geopolitical purposes can not have the future. Integration may be based on common cultural past and future.

The new phase of integration - the establishment of independent Turkic states: existing formats and their importance in all-Turkic cultural integration

“The XXI century should be the century of Turkic world. I am very pleased that the initiatives put forward by Azerbaijan is taking place now. Support to the Turkic culture and the establishment of the Turkish Heritage Foundation is very important event. Our countries have the potential, joint activities and very important format of cooperation. Our greatest desire is constantly development of TurkPA, Turkish Academy, TURKSOY and all of them”.

Ilham Aliyev, President of Republic of Azerbaijan

Turkic nations gave a great contribution to the world culture and enriched it throughout their centuries-old history. Their rich roots coming from the depth of history, moral devotion to each other helped them to win the serious tests at all these stages. With the disintegration and the collapse of the USSR in 1991, there were established 5 new independent Turkic states (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan) and took their rightful place in the world community. This, in turn, led to the necessity of establishment of close literary-cultural, scientific, economic relations between the Turkic state institutions. So, with the establishment of independent Turkic states, the integration history of nations with common language, religion, traditions and history, embarked on a new higher stage in terms of quality. There was given a valuable contribution to the expansion of cultural relations between our countries and further convergence of our nations.

High level Summits

After the collapse of the bipolar world, it has become a tradition to organize summits of Turkic-speaking countries and since 2009 they have held every year. The summits are one of the high-level events of Turkic states held each year. These meetings are varied and intends serious prospects for cultural integration. Here the relations between the Turkic-speaking countries are discussed and made decisions at a high-level. The Cooperation Council of Turkic Speaking States which involves the cooperation of Turkey, as well as the newly independent Turkic-speaking countries after the collapse of the Soviet Union, at the global and regional levels, plays an important role in conjoining the countries in different spheres.

The annual summit held at the level of presidents, is very important. In summits was usually defined the “roadmap” by the heads of state on the important areas of cooperation. The importance of the summits manifests itself especially in recent years. So, as a result of those meetings, relations between the countries have been intensified and these countries demonstrate the proximity in some issues, as well as their position at the regional and global level. Here are some of the goals

and purposes of summits:

- to establish a permanent secretariat;
- to create a common alphabet of the Turkic world;
- to prepare the mutual dictionary of Turkic dialects;
- to create a common Turkic history book and anthology;
- to set up the Common Turkic history;
- to carry out energy policy that will connect the Turkic world;
- to implement the Istanbul-Almaty railway project and join Bishkek to the transport chain of the Turkic world;
- to increase support to the construction of the Baku-Tbilisi-Akhalkalaki-Kars railway;
- to revitalize the Silk Road in reality;
- to raise the level of cooperation between the Ministries of Education and universities;
- to implement the mutual exchange of scholarship students and pupils and so on.

Summits give a strong impetus to the process of cultural integration between the Turkic states. The second Summit in 2012 was exclusively dedicated to the discussion of cooperation in the field of science, education and culture.

The third Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States (CCTS) was held in Azerbaijan in 2013. The President noted in his speech: “Our culture is closely related to each other. Our languages are the basis for our cooperation in the humanitarian field. Therefore, more attention should be paid to work in the cultural and humanitarian sphere. I want to emphasize the activities of TURKSOY. TURKSOY conducts active work not only in Turkic speaking states, but also in all the Turkic regions, thus performs duty for the unity of the Turkic world”.

The Parliamentary Assembly of Turkic States (PATS)

The Parliamentary Assembly of Turkic States (PATS) was established at the meeting which was held on November 21, 2008 in Istanbul with the heads of the legislative bodies of 5 Turkic states – Azerbaijan, Turkey, Kazakhstan, Turkmenistan and Kyrgyzstan. The purpose of the assembly was declared as to achieve of unity of Turkic-speaking countries and discuss the common problems and other issues together, as well as to make legislative decisions. Establishment such an institution accelerated integration of the Turkic states. The launch of the joint legislative body was very important foundation for the Turkic world. Although it was newly formed, but now all the world recognizes this institution where the millions of Turks united.

It is not accidental that Armenia raised the issue about the threat of PATS in front of the international organizations to prevent its establishment.

PATS served for the intentions of cooperation between the parliaments according to its format and status, at that time it gives a great contribution to intercultural dialogue. It is true that it was an institution at the level of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, OSCE Parliamentary Assembly and NATO Parliamentary Assembly, but in terms of history it was a new step, the beginning of the way. The success of the short time in which it operated, shows that it has excellent prospects.

It is appropriate to mention that Convention on Human Rights is called the European Convention on Human Rights, not the Convention of Eastern or Turkic-Islamic Human Rights. In other words, today Europe presents the image of Europeans to the world. In such case the Turkic world which covers millions, has the right to become first of all, the moral and cultural owner of the endless area, to present its example to the world. Submitted qualifications are enough in the Turkic world which has ancient traditions, rich with human values and culture.

For that purpose exactly, the formation of new formats and organizations of integration has a great importance. Globalized world does not accept passivity, ignores it. In this regard, the power of the Turkish world should be in its unity.

The main objectives of PATS: giving recommendations on protection of partner countries' legislation, as well as their cultural heritage, the important common values of the Turkic-speaking countries in history, art, literature and other fields, adaptation of legislation focused on the transmission to future generations; assist the development of relations between the parties in political, socio-economic, cultural, humanitarian, legal and other spheres

The philosophy of cultural integration – TURKSOY

The philosophy of cultural integration of Turkic-speaking countries in the world, is based on the their common history, ethno-cultural and civilizational sources, their ancient tradition of statehood, historically formed ethnic and cultural ties, common values which they continually develop, and finally common future. The reality and future requires that the culture of Turkic-speaking countries will enter into the global cultural space not in the form of separate fragments, but in the form of a unified system. In this regard, the process of integration transforms the participation of the turkic-speaking countries in those proceedings in union, as well as the highest ever level of the organization of solidarity to the global challenge. The integrity of the Turkish cultural space is a prerequisite of strengthening the sovereignty and independence of each Turkish state. The continued improvement of formats of cultural integration strategy which became a reality, should be in the centre of attention.

As mentioned, the political independence of the Turkic republics allowed to seek ways to revise the existing cultural relations system and establish mutual cultural relations. The new favorable conditions led to the creation of a unified

organization of the joint Turkic culture and art from the same root. That organization is the international organization TURKSOY which operates successfully at present.

The international organization (TURKSOY) was established on the basis of the agreements reached during the meetings of Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Turkey and Turkmenistan' ministers of culture that were held in 1992 in Istanbul and Baku. It was created for development of the Turkish culture and art.

TURKSOY implements regional unity in their field of art and culture, regardless of internal and external policies of Turkic-speaking countries and the political orientation of their government structures. According to its purposes and tasks, activity area and principles, TURKSOY is similar to the structure of UNESCO (intergovernmental organization of the UN which is involved in educational, scientific and cultural activities) and has established a close relationship with the organization that is a part of the United Nations. On June 8, 1996 in Istanbul was signed a contract between TURKSOY and UNESCO on mutual cooperation. The following are the main intensions of the organization TURKSOY:

- development of cultural relations between the Turkic-speaking nations, countries and ethnic groups; research, study, protect and promote the examples of Turkic culture to the world; eliminate the differences in the culture of the Turkic nations and ethnic groups which appeared because of the historical, political and geographical reasons and under the influence of foreign countries; its rescue from the harmful effects of other cultures and return to his own sources; maintenance the alphabet and language of Turkic states and communities that live in a large area in terms of geographical location; spread the Turkish culture, which occupies an important place in the culture of the world, in other places too; cooperation in the implementation of joint programs and etc.

The Republic of Azerbaijan is one of the leading countries in the establishment of TURKSOY, including its further activities. The activities of the organization always was in the centre of the attention of the President of the Republic of Azerbaijan Heydar Aliyev who highly appreciated its work [Əliyev 1998: 11-12].

The New Century - New Integration Formats

The formation of an information civilization and knowledge-based society makes necessary to find new forms of integration and joint organization in front of the Turkic world. From this point of view, cooperation in innovation, science and education, establishment of a common language institutions in the field of information and communication Technologies, the active participation of the Diasporas in all mentioned directions are the main issues.

Owing to the decision to establish the *Turkic Academy* in Astana, as well as the *Association of National Universities of the Turkic World*, the initiative of establishing the *Turkic Library* and *Turkic History Museum* within Turkic Academy was supported, there were held the first meetings of the *Common*

Terminology Committee. The Turkic Academy has created important works the last three years towards the promotion and development of a common culture. One of the main issues of the Turkic Academy is writing the textbooks on the common Turkic history, literature and geography that will be taught in secondary schools of the four member-countries of the Turkic Council. The importance and impact strength of the above-mentioned organizations will increase by the ratification and implementation of some interstate normative documents on their operation on the international scale. Some actions aiming at holding regular meetings of Ministers of education of the Turkic states, arrange forums on the proper topical issues, further intensify the relations and exchanges between the universities of the Turkic world are being made.

The arrangement of leaders' forums of Diaspora organizations of member countries of the Cooperation Council of Turkic Speaking States was started. More than 600 representatives of diaspora of about 50 countries took part at the first forum of Diasporas. *The first Baku Forum of Diaspora Leaders* of member countries of the Cooperation Council of Turkic Speaking States has been a very important event in terms of the unity of the Turkish Diaspora.

In 2010 was approved the significance of the implementation of idea related to the establishment of the Foundation of Support to Turkic Culture and Protection of Turkic heritage at the initiative of Azerbaijan in order to protect the rich Turkic cultural heritage which gave a significant contribution to the development of world civilization. In coming years the completion of the work towards the establishment of the *Turkish Cultural Heritage Foundation* and *Turkic Academy* in this field was supported by all member countries.

Cooperation in the field of information and communication technology is developing intensively and rapidly. For the first time in 2007 in Baku was held a meeting of the XI Friendship, Brotherhood and Cooperation Congress of Turkic states and societies on international relations, media and information technologies. In the virtual space "The prospects of cooperation between Turkic-speaking countries in the field of information technology" have been discussed the application and development of Turkic languages, as well as a number of reasons hindering the creation of a common information space between these nations. Some issues as the possibility to remove the existing difficulties between different Turkic speaking countries in use of written information resources of each other, understand each other's languages, communicate without the help of an interpreter were reviewed. It was also regretfully noted that Turkic nations use the electronic information sources of each other much less. The diversity of the alphabet and graphics, mismatch of terms and concepts were shown as a reason.

It was revealed that still more work has to be done in order to fully benefit from the

opportunities provided by Wikipedia, which is the world's largest electronic

encyclopedia and very important in terms of promotion of historical and cultural heritage of the Turkic speaking countries in the information space.

According to official statistics, the scientist mentioned that in Wikipedia were placed 8 976 628 articles, only 1% (132 571) of these articles pertain to the Turkic languages (here the share of Turkish language is 95 003 (71,66%), the share of Azerbaijani language is 17 398 (13,12%). This is not a positive indicator at all. Widespread cultural integration formats existing between our countries in the mentioned fields, should be in the centre of attention and further developed in the coming years.

While talking about the science and knowledge, one of the prior issues is the importance and place of the philosophic heritage of Turkic-speaking countries in the education system of modern philosophy, its promotion, in a word, the “integration of philosophies”. It is no secret that today the “Turkic philosophy” concept almost does not exist in the researches on the philosophic heritage of the world. “Its political and ideological reasons, factor of eurocentrism is generally known. It is a big task to study the philosophy of the Turkic people [Nisanbayev, Kurmangaliyeva 201: 9-20]. This area is also on the focus of the Azerbaijani scientists. In Baku there was held *The international scientific-practical conference on research and training of philosophical heritage of Turkic speaking countries in the context of world philosophy* which provided opportunity for the discussions on the status of the philosophic heritage of Turkic-speaking countries in the education system of modern philosophy, as well as the development of the history of philosophy in the modern world at the beginning of the XXI century and research problems of the history of philosophy of Islamic region. The Chairman of the Presidium of the Azerbaijan Association of Philosophy and Socio-Political Sciences, Corresponding Member of ANAS Salahaddin Khalilov put forward the idea of the establishment of the world’s Center for Philosophy [Fəlsəfə və sosial siyasi elmlər 2011, № 31]. In Baku was held International Scientific Conference on “Philosophical and spiritual values of the Turkic world in the conditions of the dialogue of cultures”. The priority tasks of the event was to establish relations between philosophers living in different regions of the world, solve some common problems by joint efforts, contribute to the development of universal philosophical thought, conduct research on national values, create a special commission to form a joint Turkic philosophical terminology, publish an international philosophical journal at the high level of scientific and practic standards in the future, finally, create a common philosophy society of Turkic world in order to implement all these objectives.

It was noted that the regularly coming the philosophers of the Turkic world together, resolution of the existing problems, development of universal philosophical thought, discussion of the ways of cooperation in research on national values are very important [Fəlsəfə və sosial siyasi elmlər 2011, № 31: 5].

The Great Silk Road project plays a crucial role in the historical and cultural development of states of its geography, as well as Azerbaijan, and it is an organic part of the strategy of integration. Azerbaijan plays an extremely important role of a bridge and an example between Turkey and the Turkic world with its activities in the field of integration. On September 8, 1998 in Baku there was held the International Conference called as “The restoration of the ancient Silk Road” with the support of the TRACECA of EU and at the initiative of Azerbaijan and Georgia’s presidents. Representatives of 32 countries and 12 international organizations attended the conference.

Azerbaijan’s integration experience and initiatives

Azerbaijan and Turkey are the countries of the Islamic world situated on its Western border. The mission of such a junction of civilizations gives them great responsibility. Azerbaijan historically was the territory of the synthesis and crossroads of cultures. President Ilham Aliyev’s initiative for the development of intercultural integration in modern societies characterized by diversity and pluralism, is in the centre of attention of the world. His initiative for the offering and implementation of the new dialogue infrastructure and platforms in the global venue are the main features of the new symbol of leadership. Taking into account the important role in strengthening of dialogue and confidence between the peoples, since 2011 every two years it will be held the World Forum on Intercultural Dialogue in the Republic of Azerbaijan in order to promote the tolerant culture of Azerbaijani people and its historical traditions to the world, as well as the establishment of a global platform for cooperation between different cultures.

The foundation of the philosophy of integration of Azerbaijan first of all, is creating more opportunities for communication, not making the differences absolute. The uniqueness of the Azerbaijani model is not based on postulate of an alternative to the existing practice and the continuity of historical tradition in this field, but on its consideration that the sensitivity towards them is important. After the independence of the Republic of Azerbaijan, it put forward the introducing its historically formed model of tolerance to the world against the ideas of “clash of civilizations” and “the failure of multiculturalism”, the mission to be a place of dialogue, an initiative to form the philosophy of dialogue of the XXI century together with joint efforts.

“Multiculturalism and tolerance have historically been a way of life of Azerbaijanis, and today has become a way of life of all the citizens of Azerbaijan regardless of their ethnic identity, language and religion. The practical steps are being taken by the government in order to achieve our president Ilham Aliyev’s specific goals to study the multiculturalism on the scientific basis and promote it to the world. In 2014 was established Baku International Multiculturalism Center and State Adviser Service of the Republic of Azerbaijan on multinational, multicultural and religious affairs in order to ensure the state provision of rights

and freedoms of national minorities living in the country, regulating the relations between state and religion in accordance with the requirements of legislation, promotion of Azerbaijani multiculturalism within the country and abroad as a state policy, protection of the multicultural traditions and its development according to the requirements of the modern era. International initiatives carried out to protect and promote the multiculturalism all over the world” [Abdullayev 2016].

Problems hindering the all-Turkic integration

Friendship, Brotherhood and Cooperation Congresses of Turkic States, Heads of State Summits of Turkic Speaking Countries, the meetings of the Cooperation Council of Turkic Speaking States, the meetings of TURKSOY, the sessions of the Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries and so on, which were constantly held from the beginning of our independence era, increases the activities aimed at the unifying of the great Turkic world day by day. These mutual contacts have political, economic, social and cultural nature and it gradually gain international significance.

While trying to characterize the results of the integration processes among the Turkic speaking countries up to date, we can say that: these processes are the phenomenon that differs with its extremely varied and colorful content. Analysis of just this complex content of integration necessitates its complex analysis in several – political, economic, legal, cultural, strategic and etc. areas. At the same time, the consideration of the experience and formats of integration requires the reveal of problems and work to be done in this field.

It was rightly stated in the III Summit of the Cooperation Council of Turkic Speaking States (CCTS) that the move of the global economic potential center from the Atlantic Ocean to the Pacific Ocean is undeniable truth. This situation has increased the importance of geo-economic nature of the Turkic world. The economic and demographic potential of Turkey, Azerbaijan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Uzbekistan is ranked 7th in the world as a whole with its 4.8 million square kilometer area, 9th with its population of 140 million, 13th with its \$ 1.5 trillion total production. In these rankings Turkic world has an economic indicator lower than the geographic and demographic potential that it has on a global scale. It also points to the need for a continuous expansion of economic development. It is well known fact that the Silk Road used to be the main line of world trade during the periods when Turkic states were strong and effective. When the Turkic world remained outside of the global economy and world trade routes, its impact on the political and cultural sphere decreased.

The mentioned thought shows once again that to achieve the transformation of integration level of the Turkic speaking countries into a full-fledged alliance is the requirement of the day. Conflict of interests of global powers in the region, preference of the Turkic speaking countries for real and pragmatic politics, not for

the ethnic and cultural factors, sometimes keep the intercultural acts behind.

While speaking about the factors hindering the consolidation it should be noted that from time to time the Turkic people had to live in the socio-political formations opposed to each other. However, values have the integrated nature, in principle.

While talking about the economic integration, we can say that this direction in particular between Azerbaijan and Turkey has reached its mature stage. It is necessary to mobilize the potential, wishes and plans of unit in order that cultural, moral and social integration will reach this stage. It is necessary to mobilize all opportunities to reach the “Brain drain” that has become a global feature of the modern era, as well as the potential of the Turkic scientists to serve this nations. One of the important issues is to achieve that Turkish language will have the status of an official language in international organizations.

It is very important to promote the qualities as the universal values, its inherent tolerance, humanism and morality which the Turkic world can present to the world. In terms of prospects, it is possible to distinguish directions of the integration relations as real political interests and humanitarian and cultural strategies. If we look at the historical experience, we will see that communities which were not built on the foundations as the language and culture, are not eternal, they are temporary. Europe that passed economic, political and social integration stages, today can not succeed in cultural integration.

Integration processes are one of the most important directions towards the development of the new world order. In the XXI century, these processes are transiting to superintegration model. The result of the process is always uncertain. Because, the disintegration tendencies always develops in parallel with the integration process. One thing is clear: integration, reintegration and disintegration are processes with objective content and at the result of these processes occurs the restructuring of political and economic, as well as cultural and social architecture of the modern world. Humanity should appropriately benefit from these processes for its sustainable development and future prospects.

Today the Turkic world increases its efforts to adapt to the new geopolitical order and the world economy. In its development, the Turkic world passes the new period, the next stage of integration into the world. Our country has many great purposes. All of these cover the integration factors not only into political, but also economic, scientific and information venues. Taking into account the geopolitical situation of the country, there is enhanced cooperation with international financial institutions, economic organizations and regional communities in order to provide the comprehensive economic and social development. In general, measures are being taken to speed up the process of cultural integration of the Turkic world.

Sources

Abdullayev K. Azerbaijani multiculturalism today: from Portugal to Indonesia. Journal of "Multiculturalism", Baku, 2016

"Azərbaycanın dünya birliyinə inteqrasiyası: Mədəniyyətlərin İpək Yolu" / Konfrans materialları, Bakı, Sabah, 2009.

Aslanova R. XXI əsr: Yeni mədəniyyət məkanına inteqrasiya. Bakı, 2007, «Nurlan» nəşriyyatı, 2007 - 440 səh.

Aslanova R. Qloballaşma və mədəni müxtəliflik. – Bakı, 2005.

Ədəbiyyat qəzeti. – 2012. – 29 sentyabr.

Feyziyev C. Türk Dövlətləri Birliyi: qlobal inteqrasiyanın Avrasiya modeli; elmi red. F.Q.İsmayilov. - Bakı : Şərq-Qərb, 2013. - 312 s.

Fəlsəfə və sosial siyasi elmlər. AFSEA-nın jurnalı, 2011, №31.

Heydər Əliyev. Müstəqilliyimiz əbədidir.8-ci kitab. – Bakı 1998.

Mehdiyev R. Azərbaycan: qloballaşmanın tələbləri. Bakı, 2005. XXI-Yeni Nəşrlər Evi, 464 s.

A.Nisanbayev, G.Kurmangaliyeva. Modern Turkish philosophy.// Philosophy and social and political sciences. Journal of AAPSPS, 2011. Number1(31).

Readings on the theory and practice of European Integration, 1994.

The political dynamics of European Economic Integration. – Stanford, 1973.

Барановский В. Политическая интеграция в Западной Европе: Некоторые вопросы теории и практики. – М., 1983.

Деягин М. Мировой кризис: общая теория глобализации. – Москва, 2003.

Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество Независимых Государств = Looking into the 21st century: the European Union and the Commonwealth of Independent States / РАН. Ин-т Европы; Ю. 15. А. Борко (отв. ред.) и др. – М.: Интердиалект+, 1998. 324 с.234

www.europarl.europa.eu/pdf/divers/EN_EP%20brochure.pdf

www.president.az/articles/9013

www.science.az

www.tursam.org/?p=382

10www.upu.int/en/the-upu/the-upu.html

**ТЮРКСКИЕ ЭТНОСЫ КАЗАХСТАНА:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ**

Невская Ирина Анатольевна*
Тажибаева Сауле Жаксылыкбаевна**
Козырев Тимур Анатольевич*

ABSTRACT:

The Turkic ethnics groups (apart from Kazakhs) constitute considerable part of ethnic and cultural landscape of Kazakhstan, and present great deal of interest for socio-linguistic and cultural studies. The linguistic and ethnographic data collected during the fieldworks (2014-2016), as well as the data of socio-linguistic research (2013-2016) present valuable material for the studies of ethnic and cultural situation in this country. The current situation of the Turkic diasporas, reasons of their migrations in Kazakhstan, as well as their activities aiming at preservation of their traditional cultures, along with civic integration into the Kazakhstani society, are being analyzed below.

KEY WORDS:

Turkic ethnic groups in Kazakhstan, social and linguistic situation, statistics, factors of migration, diasporas, cultures and traditions.

Республика Казахстан – полиэтничное государство, значительную часть населения которого составляют тюркоязычные этносы, родственные казахам. Одни только узбеки (подробнее см. ниже) на сегодняшний день являются третьим по численности этносом Казахстана – сразу после казахов и русских.

Сегодня в Казахстане проживают 24 тюркские этнические группы, языки которых распространены в Российской Федерации, Монголии, Китае, в Республике Узбекистан, в Азербайджанской Республике, в Туркменистане, в Республике Молдова.

Текущее положение этих языков различно – от полнокровно функционирующих государственных языков до миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Ниже проанализированы результаты международного исследования «Взаимодействие тюркских языков и культур в пост-советском Казахстане», которое проводилось с целью изучения взаимодействия тюркских языков и культур в Казахстане [<http://www.tuyrki.weebly.com>]. Особенности данного проекта и его цели были ранее подробно охарактеризованы в нашей публикации в международном журнале GLOBAL-Turk [Невская, Тажибаева, ...]

Как показало исследование, основными причинами переселения представителей тюркских этносов в Казахстан являются:

- насильственное переселение во время репрессий и коллективизации;
- депортации народов в 1940-е гг.;
- переселение в период индустриализации в СССР;

- освоение целины;
- межэтнические браки;
- миграционные процессы в поисках работы уже в годы независимости Казахстана.

Проживающие в Казахстане тюркские этносы можно разделить на следующие три группы с точки зрения их положения в казахстанском обществе и перспектив развития:

- крупные, активно развивающиеся диаспоры;
- относительно крупные диаспоры с отрицательным демографическим трендом;
- малочисленные диаспоральные группы.

Ниже мы рассмотрим каждую из указанных групп более подробно.

Крупные, активно развивающиеся диаспоры

К этой группе относятся такие этносы как узбеки, уйгуры, турки, азербайджанцы, кыргызы и каракалпаки. Их языки за пределами Казахстана имеют свою территорию, представляют численное большинство носителей, т.е. являются мажоритарными [Trudgill 2003: 43; Сулейменова 2007: 26]. Положение каждого из них будет подробнее описано ниже в соответствии с данными переписей населения за период 1970-2009 гг. [<http://www.stat.gov.kz>].

Узбеки. Динамика численности узбекского населения в Казахстане (термина «диаспора» мы в данном случае избегаем, поскольку казахстанские узбеки, как и узбекистанские казахи, в основной массе издавна проживают на территории современного Казахстана), судя по результатам переписей населения, такова:

1970 – 216340
1979 – 263295
1989 – 331042
1999 – 370663
2009 – 456997

Узбекский язык является государственным языком Республики Узбекистан, экзогенный язык узбекского населения Казахстана. Относится к карлукской группе.

Проведенный социолингвистический опрос показал, что не все представители узбекской этнической группы владеют достоверной информацией об истории семьи, то есть не могут точно сказать откуда и когда их предки были переселены в Казахстан. Все респонденты считают себя коренными жителями Казахстана.

При содействии узбекских этно-культурных объединений для проведения бесед были организованы встречи с представителями узбекского этноса. Все без исключения респонденты осознают важность соблюдения национальных традиций, религии и кухни, однако считают не важным проживание этноса на одной территории.

Анализ языковой ситуации в рамках проведенного исследования показал следующее:

- 177 (40,7%) – говорят только на узбекском языке;
- 67 (15,4%) – говорят только на русском языке;
- 54 (12,4%) – говорят на русском и узбекском языках;
- 44 (10,1%) – говорят на казахском и узбекском языках;
- 28 (6,4%) – говорят на казахском русском и узбекском языках;
- 16 (3,7%) – говорят на казахском и русском языках;
- 15 (3,4%) – говорят только на казахском языке; у 28-х (6,4%) – нет данных.

Язык, на котором говорят в семье с детьми-школьниками:

- 173 (39,8%) – только на узбекском языке;
- 74 (17%) – только на русском языке;
- 29 (6,7%) – на русском и узбекском языках;
- 38 (8%) – на казахском и узбекском языке;
- 44 (10,1%) – на казахском, русском, узбекском языках;
- 13 (3%) – на казахском, русском языках;
- 40 (9,2%) – только на казахском языке.

Язык, на котором говорят в семье со взрослыми:

- 205 (47,1%) – только на узбекском языке;
- 59 (18,6%) – только на русском языке;
- 44 (10,1%) – на русском, узбекском языках;
- 52 (12%) – на казахском, узбекском языках;
- 16 (3,7%) – на казахском, русском, узбекском языках;
- 16 (3,7%) – на казахском, русском языках;
- 19 (4,4%) – только на казахском языке, у 21-го респондента (4,8%) – нет данных.

данных.

Язык, который используется в общении с представителями других этносов:

- 14 (3,2%) – только на узбекском языке;
- 85 (19,5%) – только на русском языке;
- 8 (1,8%) – на русском и узбекском языке;
- 16 (3,7%) – на казахском, узбекском языках;
- 61 (14%) – на казахском, русском, узбекском языке;
- 144 (33,1%) – на казахском, русском языке;
- 34 (7,8%) – только на казахском языке, у 70-ти (16,1%) – нет данных.

В целом «языковой фактор» не является болезненным для казахстанских узбеков. Узбеки владеют государственным казахским языком в совершенстве или на достаточном уровне (14,6%), либо могут говорить и понимать разговорную речь на казахском (42,4%). Большинство опрошенных не фиксируют фактов ущемления их прав по языковому признаку.

Оценивая развитие языковой ситуации в стране, подавляющее число представителей узбекской этнической группы считает, что значение казах-

ского языка возрастает без ущерба для русского языка (63,3%). В качестве наиболее предпочтительной модели языковой политики казахстанские узбеки поддерживают модель «двуязычия», в рамках которой наряду с казахским языком сохраняется роль русского языка как языка официального и межнационального общения (67,3%), на втором месте по популярности — идея трехязычия (28,6%).

Для сохранения языка и развития литературного языка Ассоциацией узбеков «Дустлик» ежегодно проводится республиканский творческий конкурс «Назм юлдузлари» («Звезды поэзии»). А также, учреждена литературная премия «Аргумак». С 1992 года Узбекским Национально-культурным центром (НКЦ) Южно-Казахстанской области ежегодно проводится областной творческий конкурс «Офарин» («Браво»), который включает в себя 6 направлений: эстрадное и классическое пение, танцевальное искусство (отдельно и групповая), исполнение музыки на национальных инструментах, искусства «аския» (аския – жанр острословия узбекского народа, который включен в реестр «Всемирное нематериальное культурное наследие» ЮНЕСКО).

Доминирующее число казахстанских узбеков считает, что между казахами и другими этническими группами, проживающими в Казахстане, нет никакой напряженности, носящей системный характер. Результаты исследования показывают, что для казахстанских узбеков являются характерными две особенности: нулевой конфликтный потенциал и высокий показатель открытости к межэтническому взаимодействию.

На территории Южно-Казахстанской области расположены такие крупные села, как Сайрам, Карабулак, Карамурт, Манкент, Икан и другие с населением до нескольких десятков тысяч человек, состоящим на 95% из узбеков. Благодаря этому в Южном Казахстане сложилась определенная социально-культурная среда, основанная на традиционных формах узбекского бытового уклада и имеющая заметные отличия от окружающих регионов. Крупные группы узбеков живут сегодня в городах и пригородах Жамбылской области (около 30 тысяч, или 2,5% населения).

С 1972 года в городе Туркестан функционирует Узбекский народный театр с.Карачик (Карашык). Одним из главных событий в жизни узбеков Южного Казахстана стало открытие в 2003 году в древнем городе Сайрам Узбекского драматического театра. В церемонии открытия театра принимал участие Президент РК Н.А.Назарбаев.

На сегодняшний день в Южно-Казахстанской области издаются более 10 газет и журналов на узбекском языке: государственные – Южно-Казахстанская областная общественно-политическая газета «Жанубий Козоғистон» (гл.редактор Алишер Сатвалдиев), общественно-политическая газета акимата г.Туркестан «Туркистон» (Райимжан Алибаев); частные газеты - «Сайрам садоси» (Абдусаттор Умаров), «Сайрам сабоси» и «Жамият ва маърифат»

(Абдумалик Сарманов), «Адабиёт ва санъат» (Абдугаффар Махаммедов), «Жануб жарчилари» (Закиржан Моминжанов), «Исфижоб» (Эркиной Султанова), «Робита» (Фазлиддин Идинов), «Иқоним-иймоним» (Муталиб Юлдашев), а также, частные журналы - «Саодат сари» (Мухайё Бегматова), для детей «Бойчечак» и «Камалак», «Болажон» и «Болалар олами». На телеканале «Казахстан-Шымкент» выходит один раз (один раз с повтором) в неделю на эфир телепередача на узбекском языке «Юртимиз жамоли» (редактор Зебунисо Бекметова). На частном телеканале «Сайрам» имеются телепередачи на узбекском языке.

В настоящее время в республике функционирует 58 школ с узбекским языком обучения. Из них 57 школ функционирует в ЮКО, одна школа – в Джамбылской области (школа №4).

В 84 школах ЮКО уроки ведутся на двух языках (узбекском и казахском, узбекском и таджикском, узбекском и русском). Более 98 тысяч учеников обучаются в школах с узбекским языком обучения, им преподают более 8500 учителей.

Уйгуры. Результаты переписей населения демонстрируют следующую динамику численности этнических уйгуров в Казахстане:

1970 – 120881

1979 – 147943

1989 – 181526

1999 – 210365

2009 – 224713

Переселение значительной части уйгуров в Казахстан произошло на рубеже 1950-60-х гг. из-за голода в Китае, в т.н. «черные годы». Переселение чаще происходило из г.Кашкар, реже из г.Суйдун и г.Артуш. Первоначально переселение произошло в Талдыкурганскую область (ныне в Алматинскую), Панфиловский район (с.Ават, с.Жаркент, с.Шонжа).

Уйгурский язык является эндогенным языком уйгурской диаспоры Казахстана. В КНР уйгурский язык имеет статус миноритарного языка (Конституция 1982), распространен в основном в СУАР КНР. Относится к карлукской группе, в целом близок к узбекскому языку. Традиционная культура уйгуров также во многом близка к узбекской.

Уйгуры Казахстана, как правило, трехязычны, хорошо владеют русским и казахским языками. В Казахстане с советских времён сохранено преподавание на уйгурском языке в уйгурских в 14 средних школах. Издаётся газета на уйгурском языке «Уйғур авази».

В браке уйгуры, в основном, берут в жены уйгурок и выходят замуж за уйгура, но встечаются и преставители других этносов.

Анализ языковой ситуации показал следующее:

Язык, на котором говорят в семье с детьми-школьниками:

27 (14,4%) – только на уйгурском языке;

- 43 (23%) – только на русском языке;
- 43 (23%) – на русско-уйгурском языке;
- 2 (1,1%) – на русско-узбекском языке;
- 1 (0,5%) – на русско-турецком языке;
- 4 (2,1%) – на казахско-уйгурском языке;
- 22 (11,8%) – на казахско-русско-уйгурском языке;
- 13 (7%) – на казахско-русском языке;
- 14 (7,5%) – только на казахском языке, у 9-ти (4,8%) – нет данных.

Язык, на котором говорят в семье со взрослыми:

- 36 (19,3%) – только на уйгурском языке;
- 38 (20,3%) – только на русском языке;
- 46 (24,6%) – на русско-уйгурском языке;
- 1 (0,5%) – на русско-турецком языке;
- 2 (1,1%) – на русско-узбекском языке;
- 12 (6,4%) – на казахском языке;
- 12 (6,4%) – на казахско-уйгурском языке;
- 20 (10,7%) – на казахско-русско-уйгурском языке;
- 10 (5,3%) – на казахско-русском языке;
- 1 (0,5%) – только на узбекском языке, у 3-х (1,6%) – нет данных.

Язык, который используется в общении с представителями других этносов:

- 75 (40,1%) – только на русском языке;
- 69 (36,9%) – на казахско-русском языке;
- 3 (1,6%) – на русско-узбекском языке;
- 5 (2,7%) – на казахско-русско-уйгурском языке;
- 6 (3,2%) – только на казахском языке, по 1-му (0,5%) – на казахско-уйгурском и казахско-узбекском языке; у 20-ти (10,7%) – нет данных.

Для уйгуров доминирующим языком для общения с представителями других национальностей преобладает русский язык. Уйгуры владеют государственным языком в совершенстве или на достаточном уровне, либо могут говорить и понимать разговорную речь на казахском. Большинство опрошенных не фиксируют фактов ущемления их прав по языковому признаку.

Анализ проведенных бесед показал, что у представителей уйгурского этноса конфликтов с представителями других этносов нет. Все респонденты считают Казахстан своей родиной, а также считают, что их положение намного улучшилось, по сравнению с советским периодом. В Казахстане не нарушаются их права и есть все возможности для соблюдения национальных традиций.

Турки. Динамика численности населения турецкой диаспоры Казахстана по результатам переписи населения:

1970 – 18456

1979 – 25820

1989 –49475

1999 – 75933

2009 –97015

В настоящее время этноним «турки», помимо анатолийских турок, закреплён также за месхетинскими турками. Представители казахстанской турецкой этнической группы идентифицируют себя в качестве представителей четырех субэтнических групп: «ахыска йерли», «терекеме», «хемшили», «турки-лазы».

В настоящее время наиболее распространённое среди них самоназвание «ахалцихские турки» («ахыска тюрклері»).

Исторической территорией проживания месхетинских турок (ахыска) в границах бывшего СССР были земли Грузии. Подавляющее большинство турок месхетинцев проживало в Ахалцихском регионе, который занимает территорию между Аджарской автономной республикой на западе и Арменией на востоке вдоль современной границы Грузии с Турцией. В Казахстан ахыска турки были насильственно депортированы в ноябре 1944 года. После депортации турки месхетинцы фиксировались в документах как «турки» или «азербайджанцы».

Турки хемшили представляют большой интерес для исследователей, так как они по-прежнему остаются самой закрытой и малоизученной этнической группой. В конфессиональном отношении турки хемшили являются мусульманами-суннитами. До 1944 года хемшили проживали в Аджарии, откуда были депортированы вместе с греками, курдами, турками лазами решением ГКО СССР как «неблагонадежное население».

Их принудительно разместили малыми группами на положении так называемых «спецпереселенцев» в Южном Кыргызстане и Казахстане. Хотя, как и месхетинцы, хемшили в 1956 г. были освобождены от административного надзора по спецпоселению, но им не дали официального разрешения вернуться в те места, откуда они были высланы (рассказы информантов).

В Казахстане представители турецкой этнической группы проживают преимущественно в южных регионах страны.

На данный момент картина расселения представляется следующим образом: наибольшая численность турецкой диаспоры сосредоточена в Жамбылской области (47%), 18,8% респондентов проживают в Астане, 7,9% в Акмолинской области, 7,9% в Восточно-Казахстанской области, 4,5% в Алматинской области, 3,5% в Карагандинской области, 2% в Южно-Казахстанской области, 2% в Северо-Казахстанской области, 0,5% в Атырауской области. На вопрос «Была ли семья депортирована в Казахстан?» 23,8% респондентов ответили отрицательно, 18,8% опрошенных лиц подтвердили эту информацию.

Распределение по роду занятий на момент анкетирования показал, что 3% респондентов занимают государственную должность, учителя (преподава-

тели) составили 10,9%, работники сферы обслуживания - 9,9%, студенты - 16,8%, рабочие - 17,8%, школьники - 5,9%, оставшиеся 23,3 % опрошенных заняты в других сферах жизнедеятельности общества.

Проживая на территории Казахстана, представители турецкого этноса находились в тесном контакте с местным населением, но при этом сумели сохранить язык и традиции, культуру и национальные ценности. По результатам опроса мы можем заключить, что для данных этнических групп характерен билингвизм (русско-турецкий, казахско-турецкий), речевое поведение билингва определяется ситуацией, в которой он находится: родной язык используется в кругу семьи, для более тёплого, тесного общения. Также стоит отметить, что в сельской местности процент владения государственным казахским языком намного выше, чем в городах, где предпочтение отдается русскому языку.

14 апреля 1993 г. Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым был подписан закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в соответствии с которым были установлены льготы для реабилитированных граждан, в том числе, туркам, достигшим 60 лет, улучшилось пенсионное обеспечение.

В настоящее время для сохранения культурной идентичности и языка казахстанских турок в государстве функционирует ряд организаций и культурных центров, таких как Общество турок-ахыска Казахстана, имеющий свои региональные филиалы и молодежные организации, филиал Ватан, преимущественно направляющий свои усилия на репатриацию турок-ахыска и др.

С 2000 года Общество турок-ахыска Казахстана выпускает национальную газету «Ахыска» на турецком, русском и казахском языках, тираж которой достигает нескольких тысяч экземпляров. Большая часть номеров посвящена вопросам сохранения культурной идентичности и языка турок-ахыска в регионе.

Азербайджанцы. По результатам переписей населения, динамика численности азербайджанской диаспоры Казахстана такова:

1970 – 57 699

1979 – 73 345

1989 – 88 951

1999 – 78295

2009 – 85292

Причины проживания в Казахстане связаны с насильственным переселением во время коллективизации, переселением в военные годы, в годы сталинских репрессий, прибытие беженцев во время вооруженного конфликта в Карабахе, а также миграция в поисках работы. Казахстанские азербайджанцы владеют родным языком, однако в семье предпочитают говорить на трех языках: азербайджанском, русском и казахском языках.

Азербайджанский язык – государственный язык Азербайджанской Республики, один из государственных языков Республики Дагестан (РФ), экзогенный язык азербайджанской диаспоры Казахстан. Относится к огузской группе.

Более подробные данные по азербайджанской диаспоре предстоит собрать в будущем.

Кыргызы. Как показывают результаты переписей населения, динамика численности кыргызской диаспоры Казахстана нижеследующая:

1970 – 9612

1979 – 9352

1989 – 13726

1999 – 10897

2009 – 23274

Результаты социолингвистического исследования показывают, что кыргызское население стало выезжать в Казахстан на постоянное жительство, начиная с 1989 г. по 2006 годы. Причины переезда связаны “с поиском работы”, “по направлению в Казахстан, после окончания учебы”, “замужество” и др. Ответы респондентов свидетельствуют о том, что представители кыргызской диаспоры наиболее часто заключают браки с казахами, русскими, узбеками, уйгурами.

В большинстве случаев кыргызы предпочитают жениться на представительницах своего этноса, также как и женщины-кыргызки предпочитают выходить замуж за кыргызов, сохраняя тем самым этническую культуру, традиции, ментальность. Ответы респондентов свидетельствуют о том, что представители кыргызской диаспоры заключают браки с казахами, русскими, узбеками, уйгурами. Не возбраняется заключение брака “с разными этносами”, но все же кыргызы предпочитают создавать семью “с представителями тюркских национальностей”.

Кыргызская диаспора Казахстана бережно хранит народные традиции, связанные со свадебной обрядностью - “уйлену той”, “кыз узатуу” “кызды торкулетуу”, родильной обрядностью - бешик-туй, который устраивается на сороковой день после рождения ребенка, “тусоо кешу” - перерезание пут и др. Респонденты отмечают, что кыргызские народные традиции ”похожи на казахские. Казахстанские кыргызы отмечают гостеприимство в своей культуре, уважение к старшим”, знают название народных игр [<http://kazakh.tv.kz/ru/programms/viewArchive?id=12515>].

Кыргызский язык – государственный язык независимого государства Кыргызстан (Кыргызская Республика), получившего свою независимость 31 августа 1991 г., экзогенный язык кыргызской диаспоры Казахстана.

Относится к кыргызско-кыпчакской группе, наиболее близкородственный ему язык – алтайский (один из государственных языков Республики Алтай, РФ)

Анализ исследования состояния родного языка у кыргызов Казахстана показал следующее.

Язык, на котором говорят в семье с детьми-школьниками:

- 54 (38,6%) – только на киргизском языке;
- 12 (8,6%) – только на русском языке;
- 20 (14,3%) – на русско-киргизском языке;
- 4 (2,9%) – на казахско-киргизском языке;
- 7 (5%) – на казахско-русско-киргизском языке [таков ответ респондентов];
- 5 (3,6%) – на казахско-русском языке;
- 16 (11,4%) – только на казахском языке, у 22-х (15,7%) – нет данных.

Язык, на котором говорят в семье со взрослыми:

- 64 (45,7%) – только на киргизском языке;
- 10 (7,1%) – только на русском языке;
- 18 (12,9%) – на русско-киргизском языке;
- 17 (12,1%) – на казахском языке;
- 6 (4,3%) – на казахско-киргизском языке;
- 6 (4,3%) – на казахско-русско-киргизском языке;
- 5 (3,6%) – на казахско-русском языке, у 14-ти (10%) – нет данных.

Язык, который используется в общении с представителями других этносов:

- 31 (22,1%) – только на русском языке;
- 53 (37,9%) – на казахско-русском языке;
- 5 (3,6%) – на русско-киргизском языке;
- 8 (5,7%) – на казахско-русско-киргизском языке;
- 20 (14,3%) – только на казахском языке, 4 (2,9%) – на киргизском языке; у 19-ти (13,6%) – нет данных.

В целом для кыргызов доминирующим языком для общения с представителями других национальностей преобладает русский язык. При этом казахстанские кыргызы владеют государственным (казахским) языком в совершенстве, могут говорить и понимать разговорную речь.

Каракалпаки. Согласно результатам переписей населения, динамика численности каракалпакской диаспоры Казахстана такова:

- 1970 – 463
- 1979 – 620
- 1989 – 1358
- 1999 – 1497
- 2009 – 2828

По данным проведенного социолингвистического исследования, каракалпаки наиболее активно стали выезжать на постоянное жительство в Казахстан, начиная с 1989 г. по 2006 годы. В числе причин, связанных с переездом в Казахстан, респонденты указывают следующие: “учеба”, “в поисках работы”, “в связи со здоровьем”.

Каракалпаки наиболее компактно проживают в Мангыстауской, Южно-Казахстанской, Жамылской областях.

Представители каракалпакской диаспоры наиболее часто заключают браки с казахами, татарами, узбеками, русскими, подчеркивают, что разрешаются браки со всеми этносами.

Каракалпакская диаспора бережно хранит свои народные традиции, связанные со свадебной обрядностью (патия той); родильной обрядностью. После рождения ребенка проводится церемония укладывания ребенка в колыбель-бешик “бешик-той”. Эта церемония проводится на сороковой день после рождения ребенка и др. Указанные традиции строго соблюдаются и в современный период.

Каракалпакский язык – государственный язык Республики Каракалпакстан, экзогенный язык каракалпакской диаспоры Казахстана. Относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы.

Более подробные данные по азербайджанской диаспоре будут собраны в процессе дальнейшего исследования.

Относительно крупные диаспоры с отрицательным демографическим трендом

К данной группе относятся такие этносы как казанские татары, башкиры, чувашы, туркмены, балкарцы, крымские татары, карачаевцы. Положение каждого из них будет подробнее описано ниже.

Казанские татары. Динамика численности татарской диаспоры Казахстана по результатам переписей населения такова:

1970 – 285689

1979 – 312626

1989 – 320747

1999 – 248954

2009 – 204229

Татарский язык является государственным языком Республики Татарстан (РФ), экзогенным языком татарской диаспоры Казахстана. Относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы. Наиболее близок к башкирскому языку.

Татарская диаспора Казахстана очень открытая, легко вступает в контакты с исследователями, об этом свидетельствует и статданные проведенного социолингвистического анкетирования, в котором принял участие 621 представитель татарской этнической группы.

Татары проживают во всех регионах Казахстана. 23,8% респондентов местом проживания указали Акмолинскую, 17,9% - Актюбинскую области. Переселение казанских татар в Казахскую степь началось с 1816 года.

В числе причин переселения в Казахстан респонденты указывают следующие факторы: «были первыми переселенцами, которые заселяли г. Верный», «голод», раскулачивание, во времена индустриализация Казахстана

«строительство Свинцового завода (г. Шымкент)», во времена «сталинских репрессий», «депортация», «на заработки», «в поисках счастья», «освоение целины», «по собственному желанию, для улучшения благосостояния», «замужество», «благоприятные условия жизни» и др.

Респонденты отмечают, что наиболее часто браки заключаются с казахами, русскими, но принимаются браки со всеми этносами, для заключения брачных уз нет ограничений.

Респонденты знают татарский фольклор, народные традиции, отмечают, что хотели бы, чтобы «в Казахстане издавались книги на татарском языке», были «открыть побольше кружков по изучению татарского языка», чтобы «все говорили на казахском», «рады, что проживают в Казахстане».

Наиболее активной является татарская диаспора г. Семей.

Башкиры. По результатам переписей населения Динамика численности башкирской диаспоры Казахстана выглядит следующим образом:

1970 – 21 442
1979 – 32 499
1989 – 40 949
1999 – 23 225
2009 – 17 263

Башкирский язык – государственный язык Республики Башкортостан (РФ), экзогенный язык башкирской диаспоры Казахстана. Относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы. Наиболее близок к татарскому языку.

Причины проживания башкир в Казахстане связаны с переездом во время освоения целинных земель, различные семейные причины, для улучшения уровня жизни, работа и др.

Чуваши. Динамика численности чувашской диаспоры Казахстана по результатам переписей населения:

1970 – 22871
1979 – 22310
1989 – 21730
1999 – 11851
2009 – 7301

Чуваши проживают в различных регионах Казахстана. Как и в случае с казанскими татарами, переселение чувашей в Казахскую степь началось еще до революции 1917 г., и было вызвано во многом схожими причинами.

Туркмены. Динамика численности туркменской диаспоры Казахстана по результатам переписей населения – нижеследующая:

1970 – 3265
1979 – 2241
1989 – 3718
1999 – 1729

2009 – 2234

Туркменский язык – государственный язык Республики Туркменистан, экзогенный язык туркменской диаспоры Казахстана. Относится к огузской группе, но имеет ряд черт, присущих кыпчакским языкам.

Респонденты не указывают причины переезда в Казахстан, отмечено только, что переезд произошел по состоянию здоровья. На вопрос «Почему некоторые представители вашего этноса хотят уехать из Казахстана?» респонденты отвечают, что «никто не хочет уезжать», «по семейным обстоятельствам», либо это связано с желанием «вернуться на историческую родину».

Респонденты знают туркменский фольклор, знают и соблюдают традиции, а именно традиции, связанные со свадебной обрядностью, деторождением; отмечают, что принимаются браки с представителями разных этносов, в том числе – с казахами, русскими, татарами, русскими, узбеками. Как правило, дети из смешанных браков принимают национальность отца.

Респонденты отмечают, что многое делается для культурно-просветительской работы, Министерством культуры РК опубликован Туркменско-казахский словарь, туркменские сказки. Хотели бы, чтобы туркменские фильмы показывали с субтитрами на туркменском языке, рады, что в Казахстане интересуются Туркменистаном и туркменской литературой.

Балкарцы. Динамика численности населения балкарской диаспоры Казахстана по результатам переписи населения представлена следующим образом:

1970 – 2714 (балкарцев)

1979 – 2258

1989 – 2926

1999 – 2079

2009 – 1798

Балкарский язык – один из государственных языков Кабардино-Балкарской Республики (РФ), экзогенный язык балкарской диаспоры Казахстана. Относится к западно-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы. Нередко тюркологи говорят о едином карачаево-балкарском языке.

Балкарцы были насильственно переселены в Среднюю Азию и Казахстан 8 марта 1944 года. Этот день считается днем национального траура балкарского народа. Во время депортации традиционные семейно-родственные структуры были нарушены. Родственники оказались изолированными друг от друга. Произошел разрыв поколений, нарушились традиция передачи народных обычаев, обрядов, праздничная культура.

В конце 1950-х годов обвинения с депортированных народов, в том числе и с балкарцев, были сняты.

14 апреля 1993 г. Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым был подписан закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в соответствии с которым были установлены льготы для реабили-

тированных граждан, в том числе, балкарцам и карачаевцам, достигшим 60 лет, улучшилось пенсионное обеспечение.

В современный период Казахстане балкарцы компактно проживают в Алматинской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областях.

Балкарский язык используется в семье, а также между членами диаспоры наряду с казахским и русским. Наиболее часты браки с балкарцами, карачаевцами, казахами.

Балкарцы, проживающие в Казахстане, сохранили элементы свадебных традиций – «покрывать невесту тремя платками», «открывания лица невесты ножом»; традиция укладывания ребенка в колыбель (бешик), после сорока дней со дня рождения, праздник «первого шага».

В областных, городских, районных центрах функционируют этно-культурные центры карачаево-балкарцев. В Алматинской области активную работу проводит этно-культурный центр «Минги тау», при центре функционирует танцевальный фольклорно-этнографический ансамбль «Минги тау». Карачаево-Балкарский этно-культурный центр «Минги тау» имеет филиалы в городах Талды-Курган, Астана, Тараз, Шымкент, Шербактинский и Успенский районы Павлодарской области. С 2009 года издается журнал «Минги Тау».

Крымские татары. Динамика численности населения крымско-татарской диаспоры Казахстана по результатам переписи населения:

1970 – 2023

1979 – 834

1989 – 3125

1999 – 1007

2009 – 1532

18 мая 1944г крымские татары были депортированы в Казахстан (4286 человек), в Узбекистан (151136), в Марийскую АССР, Таджикистан. До 1989 г. крымские татары де-факто были лишены права возвращения на историческую родину.

14 апреля 1993 г. Президентом Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым был подписан закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в соответствии с которым были установлены льготы для реабилитированных граждан, в том числе крымским татарам, достигшим 60 лет, улучшилось пенсионное обеспечение.

Крымско-татарская диаспора Казахстана наиболее компактно проживает в г.Алматы, Жамбылской области. 22 апреля 2009 г. В г. Алматы создано Алматинское общественное объединение «Ватандаш», целью которой является объединение крымских татар, проживающих в Казахстане, изучение крымско-татарского языка, народных традиций, танцев, обрядов.

Карачаевцы. Динамика численности населения карачаевской диаспоры Казахстана по результатам переписи населения:

1970 – 2447

1979 – 2082

1989 – 2038

1999 – 1400

2009 – 995

Карачаевский язык – государственный язык Карачаево-Черкесской Республики (РФ), экзогенный язык карачаевской диаспоры Казахстана. Относится к западно-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы. Нередко тюркологи говорят о едином карачаево-балкарском языке.

7 ноября 1943 г. карачаевцы были насильственно переселены в Среднюю Азию и Казахстан и реабилитированы в конце пятидесятых годов прошлого столетия.

Сокращение численности карачаевцев в Казахстане определяется миграционными оттоками населения на историческую родину. В ответах респондентов отмечается, что возвращение связано “с ностальгией по Родине”, “потому что родственники уехали на Кавказ”, “тем, кто переселяются в Россию возвращают землю, которая осталась и считается их”.

14 апреля 1993 г. Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым был подписан закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», в соответствии с которым были установлены льготы для реабилитированных граждан, в том числе и карачаевцам, достигшим 60 лет, улучшилось пенсионное обеспечение.

В Казахстане карачаевцы компактно проживают в Алматинской, Павлодарской, Жамбылской и Южно-Казахстанской областях. Представители карачаевской диаспоры наиболее часто заключают браки с казахами, татарами, киргизами, чеченцами, русскими.

В Казахстане родному карачаевскому языку обучаются в воскресных школах при этнокультурных центрах гг. Тараз, Алматы, в Южно-Казахстанской области. Карачаевский язык используется в семье, среди представителей диаспоры.

Вместе с балкарцами карачаевцы организовали этно-культурный центр «Минги тау», при котором функционирует танцевальный фольклорно-этнографический ансамбль – «Минги тау», с филиалами в гг. Талды-Курган, Астана, Тараз, Шымкент, Шербактинский и Успенский районы Павлодарской области. С 2009 года издается журнал «Минги Тау» (см. выше).

Малочисленные диаспоральные группы

К указанной группе относятся такие этносы как гагаузы, кумыки, ногайцы, караимы, хакасы, алтайцы, якуты, шорцы, тувинцы, крымчаки, долганы. Положение каждого из них будет подробнее описано ниже.

Гагаузы. Динамика численности этнических гагаузов в Казахстане:

1970 – 772

1979 – 752

1989 – 954

1999 – 678

2009 – 493

Гагаузский язык – государственный язык наряду с молдавским и русским языками в автономном территориальном объединении Гагаузия в Республике Молдова. Относится к огузской группе.

В период проведения исследования по проекту никакой информации о крымчаках не удалось найти. В связи с этим анкетирования с представителями крымчакской диаспоры проведено не было.

Кумыки. Динамика численности кумыкской диаспоры Казахстана, согласно результатам переписей населения:

1970 – 354

1979 – 873

1989 – 1700

1999 – 643

2009 – 481

Кумыкский язык – один из четырнадцати государственных языков Дагестана, экзогенный язык кумыкской диаспоры Казахстана. Относится к западно-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы.

Основная причина переселения кумыков в Казахстан произошло в 1937 г. из-за “раскулачивания”, в 1940-е годы “в поисках работы” (судя по ответам респондентов). Казахстанские кумыки владеют родным языком. Кумыки наиболее часто заключают браки с русскими, казахами, чеченцами.

На вопрос “Знаете ли вы образцы устного народного творчества”, респонденты отвечают отрицательно. Респонденты также отметили, что не знают народных традиций.

Кумыкская диаспора компактно проживает в Жамбылской области, в Мангыстауской области.

Ногайцы. Динамика численности населения ногайской диаспоры Казахстана по результатам переписи населения:

1970 – 155

1979 – 236

1989 – 539

1999 – 350

2009 – 276

Ногайский язык является одним из пяти государственных языков Карачаево-балкарской республики, а также одним из четырнадцати государственных языков Дагестана, экзогенный язык ногайской диаспоры Казахстана. Относится к ногайско-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы.

Не менее 2 млн. этнических ногайцев проживает также в Турции.

Ногайская этническая группа не была депортирована, но территория их исторического проживания неоднократно подвергалась изменениям, поэтому ногайцы проживают в Дагестане, Чечено-Ингушетии. Ставропольском крае.

В Казахстане ногайцы компактно проживают в Атырауской области, в Жамбылской областях. На вопрос «Назовите причину переселения в Казахстан» респонденты ответили, что они не знают или же не имеют никакой информации об этом.

Казахстанские ногайцы в семье говорят на русском, казахском, ногайском языках. Наиболее часто вступают в брак с казахами, татарами, русскими. Респонденты отмечают, что ногайская культура имеет много общего с казахскими традициями, поэтому национальные мероприятия проводят в соответствии с казахскими традициями и обрядами, при этом знают ногайские сказки, песни, легенды.

В июле 2008 года в Астане было создано общественное объединение «Ногайский культурный центр». Председателем является Султанбеков.

Целью культурного центра является сохранение, развитие культуры, языка и этнической самобытности ногайцев, проживающих в Республике Казахстан; содействие возрождению и укреплению историко-культурных связей ногайского и казахского, а также других народов, проживающих в Казахстане; удовлетворение культурно-просветительских потребностей на основе приобщения их к традициям ногайского народа.

На базе объединения функционирует художественный коллектив – хор «Янбике» под руководством Султанбекова Арсланбека Сеитовича.

Караимы. Динамика численности караимов в Казахстане по результатам переписей населения:

1970 – 50

1979 – 33

1989 – 33

1999 – 28

2009 – 231

Караимский язык относится к западно-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы.

В период проведения исследования по проекту никакой информации о караимах, проживающих в Казахстане, не удалось найти. В связи с этим не было проведено анкетирование с представителями караимской диаспоры.

Вызывает удивление резкое увеличение численности караимского населения в период последней переписи 2009 г.

Хакасы. Согласно результатам переписей населения, динамика численности хакаской диаспоры Казахстана по представлена такова:

1970 – 401

1979 – 475

1989 – 575

1999 – 355

2009 – 223

Хакасский язык – государственный язык Республики Хакасия (РФ), экзогенный язык хакасской диаспоры Казахстана. Относится к уйгуро-огузской группе, согласно классификации Н. Баскакова.

Представители хакасского этноса прибыли в Казахстан по собственному желанию, большинство из них – вследствие заключения межэтнических браков.

25 марта 2016 г. официально признан в Казахстане Днём культуры хакасского народа. Президентом Общественного объединения хакасов «Тасхыл» является Топоев Алексей Никанорович – член корреспондент АМР РК [<http://khakaschiry.ru/news/detail.php?ID=380>].

Алтайцы. Динамика численности алтайской диаспоры Казахстана по результатам переписей населения представлена следующим образом:

1970 – 575

1979 – 630

1989 – 675

1999 – 462

2009 – 221

Алтайский язык – государственный язык Республики Алтай, экзогенный язык алтайской диаспоры Казахстана. Относится к кыргызско-кыпчакской группы, близок кыргызскому языку..

Основная причина переезда этнических алтайцев в Казахстан – межэтнические браки.

Казахстанские алтайцы владеют родным языком, знают образцы устного народного творчества.

Якуты. Общая численность населения якутской диаспоры Казахстана, по результатам переписей населения:

1970 – 175 (якутов)

1979 – 438

1989 – 303

1999 – 115

2009 – 119

Якутский язык – государственный язык Республики Саха (Якутия), РФ, экзогенный язык якутской диаспоры Казахстана.

Представители якутского этноса прибыли в Казахстан по собственному желанию, как правило, вследствие заключения межэтнических браков.

Кроме того, следует отметить, что с Казахстаном тесно связана биография выдающегося сына якутского народа, видного государственного деятеля Максима Кировича Аммосова [http://polis.mypiter.kz/istoria_goroda/2016/06/05/ammosov-mk-na-postu-pervogo-sekretarya-severo-kazahstanskogo-obkoma-

vkpb.html], который в начале 1930-х годов был направлен в Казахстан, и в марте 1934 года избран на пост секретаря Карагандинского и Северо-Казахстанского областных Комитетов ВКП (б).

29 июля 1936 г. Карагандинская область была разделена на Карагандинскую (Караганда) и Северо-Казахстанскую (Петропавловскую). М.К. Аммосов был назначен первым секретарем Северо-Казахстанского обкома ВКП(б).

В 1937 году М.К. Аммосов был репрессирован. Арестован по ложному обвинению 16 ноября 1937 года в городе Фрунзе. М.К. Аммосов был расстрелян 28 июля 1938 г. в Москве.

Реабилитирован посмертно 28 апреля 1956 года Военной коллегии Верховного суда СССР.

Шорцы. Динамика численности шорской диаспоры Казахстана, судя по результатам переписей населения:

1970 – 215

1979 – 381

1989 – 382

1999 – 212

2009 – 96

Шорский язык – эндогенный язык шоркой диаспоры Казахстана. Относится к уйгуро-огузской группе, согласно классификации Н. Баскакова.

В Казахстане шорцы проживают в Павлодарской, Кокшетауской, Акмолинской областях.

Представители шорской этнической группы не владеют родным шорским языком. Родной язык был утерян ими до переезда в Казахстан.

Тувинцы. Динамика численности тувинской диаспоры Казахстана, согласно результатам переписей населения:

1970 – 85

1979 – 182

1989 – 129

1999 – 35

2009 – 37

Тувинский язык – государственный язык Республики Тыва (ТВ), экзогенный язык тувинской диаспоры Казахстана. Относится к уйгуро-огузской группе, согласно классификации Н. Баскакова.

Следует отметить, что в 2009 г. в Генеральном консульстве РФ (г. Алматы) в должности консула-советника работала Кара-Сал Е.В. – этническая тувинка [<https://thenews.kz/themes/world/>].

Крымчаки Численность крымчаков в Казахстане, судя по результатам переписей населения, очень мала:

1970 – 42

1979 – 87

1989 – 61

1999 – 20

2009 – 35

В период проведения исследования по проекту никакой информации о крымчаках не удалось найти. В связи с этим анкетирования с представителями крымчакской диаспоры проведено не было.

Крымчакский язык относится к западно-кыпчакской подгруппе кыпчакской группы.

Долганы. Численность этнических долганов в Казахстане, по результатам переписей населения, чрезвычайно мала:

1970 – 17

1979 – 18

1989 – 56

1999 – 25

2009 – 3

Долганский язык – один из местных официальных языков Республики Саха (Якутия), РФ.

Во время проведения международного проекта не удалось найти информации о долганах, проживающих в Казахстане.

* * *

Как можно видеть, тюркский мир Казахстана чрезвычайно богат и разнообразен. В настоящее время тюркские этносы в Казахстане в целом успешно решают задачу сохранения своего культурного наследия, активно участвуя при этом в процессе общегражданской интеграции. Казахское государство создает для этого все необходимые условия.

Языки и культура тюркских этносов являются предметом глубокого интереса и дальнейшего исследования как для научного сообщества Казахстана, так и в целом для мировой тюркологии.

Литература

<http://www.turki.weebly.com>

Невская И.А., Тажибаева С.Ж., Шаймердинова Н.Г., Тусупов Дж. А., Schönig C. Тюркский мир Казахстана: исследование языков и создание базы данных // GLOBAL-Turk, #1-2, 2016.

Сулейменова Э.Д. Шаймерденова Н.Ж. Аханова Д.Х. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник. – Астана: Изд-во «Арман-ПВ», 2007. – 304 с.

Trudgill P. Glossary of Social Linguistics. – Edinberg University Press, 2003.

<http://www.stat.gov.kz>

<http://kazakh-tv.kz/ru/programms/viewArchive?id=12515>

<http://khakaschiry.ru/news/detail.php?ID=380>

http://polis.mypiter.kz/istoria_goroda/2016/06/05/ammosov-mk-na-postu-pervogosekretarya-severo-kazahstanskogo-obkoma-vkpb.html

<https://thenews.kz/themes/world/>

**CAVAD CAVADLI-90:
QAZAXISTAN ONUN İKİNCİ VƏTƏNİ OLMUŞDUR**

Abbas Hacıyev*

ABSTRACT:

The article is devoted to the biography of Cavad Cavadlı (1926-2014), the founder of Azerbaijani dissident literature in the Soviet people. Especial attention is paid to his life in exile, in Kazakhstan which became second Homeland for him. The biography of Cavad Cavadlı plays a great symbolic role binding together the two brotherly nations.

KEY WORDS:

Cavad Cavadlı, dissident literature, Soviet rule, repressions, exile, Kazakhstan.

Azərbaycan dissident ədəbiyyatının yaradıcısı Cavad Cavadlının (1926-2014) dost türk eli Qazaxıstan Respublikasını özünə ikinci Vətən hesab etmişdir. Atasını Molla Ələsgər Molla Cavad oğlu Qasımov (1888-1938) sovet quruluşunun düşməni kimi Qazaxıstan sürgünündə dünyasını dəyişmiş, anasını Keysu xanım beş azyaşlı uşağı ilə Şimali Qazaxıstana sürgün olunmuşdur. Hamilə qadın bətnindəki oğlan uşağını Şimali Qazaxıstanın Alqabas xutorunda dünyaya gətirmiş və ona Əkbər adı vermişdir. Körpə üç-dörd aylığında ikən sürgün həyatının çətinliklərinin qurbanı olmuşdur. Sürgündən birtəhər qaçıb Azərbaycanın Naxçıvan Muxtar Respublikasının Şərur rayonundakı Dəmirçi kəndinə qayıdan ailə evlərinin uçub-dağıldığını görmüş və DTK-nın rayon rəhbəri Qazaryan tərəfindən ikinci dəfə təkrar sürgün yerlərinə qaytarılması hesabına körpələrinin yeni itkilərinə məruz qalmışlar...

İncidilən və bu itkiləri verən ailənin övladı Cavad Ələsgər oğlu Qasımov (şair-jurnalist Cavad Cavadlı) yaşadığı çətinlikləri yaradıcılığının çoxsaylı nümunələrində təsvir etmiş, onları "Qazaxıstan dəftəri" adı altında yazıb və 1990-cı illərdə qoruyub saxlaya bilmişdir. Böyük siyasətçi Heydər Əliyevin ikinci dəfə Müstəqil Azərbaycan Respublikasına rəhbərliyə gəlməsi və ölkədə söz, mətbuat və nəşriyyat azadlığını tam bərqərar etməsindən sonra üzə çıxarıb "Sürgün" ("Qazaxıstan kitabı") adlı 455 səhifəlik kitabında oxuculara çatdırmışdır. Akademik İsa Həbibbəylinin "Vətənin əbədi harayı" adlı geniş ön sözü, iyirmi şeir, on poema, öz həyatını təsvir etdiyi "Cəhənnəmdən qaçmış uşaq" adlı böyük mənzum roman və "Anamın sürgün bayatıları" adı ilə beş yüzə qədər bayatı, layla və ağıları daxil etmişdir. "Sürgündə gördüyüm analar", "Canlı şəhidlər", "Qeyrət", "İtkin bacılar" və başqa əsərləri həyəcənsiz oxumaq mümkün deyildir.

"Azərbaycanda dissident ədəbiyyatı" seriyasından buraxılan kitab çox maraqla qarşılanmış və yayılmışdır. Elə buna görə də "Sürgün" kitabı 1996 və 1997-ci illərdə kiril qrafikalı və ölkədə latın qrafikalı əlifbaya keçid nəzərə alınaraq 2010-

* Naxçıvan Dövlət Universitetinin baş müəllimi, filologiya üzrə fəlsəfə doktoru. E-mail: abbashaciyev@box.az

cu ildə üçüncü dəfə nəşr olunub yayımlanmışdır.

1937-ci il repressiyasının Azərbaycan xalqına – xüsusən onun tanınmış ziyalılardan verdiyi əzab və qırğınlar nəzərə alınaraq bu sətirlərin müəllifi tərəfindən “Azərbaycan dissident ədəbiyyatı və zaman (Cavad Cavadlının həyat və yaradıcılığı əsasında)” mövzusunda fəlsəfə doktorluğu dissertasiyası yazıldı.

Azərbaycan xalqının ümummilli lideri Heydər Əlirza oğlu Əliyev hakimiyyətdə olduğu zaman 1937-ildən fərqli olaraq vətənpərvər – dissident ziyalıları qoruyub saxladığını bildirmiş və 1969-cu ildən 1984-cü ilədək hakimiyyətdə olduğu dövrdə özünün də bir nömrəli dissident olduğunu demişdir.

SSRİ hökuməti sözdə saxta xalqlar dostluğu şüarını car etsə də ölkənin türk-müsəlman xalqları incidilmiş, kütləvi deportasiyalara və həbs, sürgün, güllələnmələrə məruz qalmışdır.

1926-cı ildə Bakıda çağırılmış I Türkoloji qurultayın nümayəndələrinin, demək olar ki, hamısı məhv edilmişdir.

Əlli nəfərdən artıq tanınmış yazıçı və alim islamçı və türkpərəst adı ilə eyni aqibəti yaşamışdır. Böyük filosof-şair Hüseyn Cavidin cənazəsinin qalıqları 1982-ci ildə Heydər Əliyevin səylə doğulduğu Naxçıvan şəhərinə gətirilmiş və 1996-cı ildə onun məzarı üzərində möhtəşəm ailə sərdabəsi ucaldılmışdır. Sərdabədə şairin özü (1941), xanımı (1974), oğlu (1944) və 2003-cü ildə dünyasını dəyişən Turan xanım uyumaqdadır...

XX əsrin I yarısından başlayaraq sovet rejiminin incitdiyi-məhv etdiyi kənd ziyalısı ailəsinin övladı Cavad Cavadlı qələmini dissident ruhda kökləmişdir. O, 1974-cü ildə Qazaxıstanda ezamiyyətdə olmuşdur. Cambul vilayətindəki Uzunnağac kənd orta məktəbində direktor Raxim Dautov böyük xalq akını Cambulun bağışladığı tomburani çalarkən keçirdiyi hissləri özünün “Tomburani danışdır” adlı yetmiş misralıq şeirində oxucuya çatdırmışdır.

Cavad Cavadlı doğma qazax xalqını özünün xilaskarı kimi bir çox əsərlərində tərənnüm etmişdir. O, XXI əsrdə də Qazaxıstana getmək arzusu ilə yaşayırdı. 75-80 yaşlarına təsadüf edən bu vaxtında həkimlər buna icazə vermirdilər.

İstərdik ki, Cavad Cavadlının Qazaxıstanda olduğu yerlərə xatirə lövhəsi vurula və onun “Sürgün” kitabının qazax dilində nəşr olunması nəzərdə tutula. Bu iş şairin 90 illiyinə böyük töhfə və ruhuna hörmət olar...

КАЗАНСКИЙ ХАН МАХМУД И ВАСИЛИЙ II

Несин Михаил Александрович*

ABSTRACT:

This article examines the relationships of the Kazan Khan Mahmud and Grand Prince of Moscow Basil II, as well as the foreign policy of Ivan III with respect to the Kazan Khanate during the reign of Mahmud. This research is rather helpful to trace the main lines of the diplomatic relationships between the Kazan Khanate and the Grand principality of Moscow, the attempts by the latter to impose its political influence over Kazan.

KEY WORDS:

Mahmoud, Basil II, Ivan III, Kazan Khanate, Grand principality of Moscow.

Введение

Данная работа посвящена взаимоотношениям царевича, а затем казанского хана Махмуда с великим московским князем Василием II. Прежде эта тема не была предметом специальных исследований, хотя в трудах по истории Руси и Казанского ханства отдельные эпизоды упоминались. Но общей характеристики их отношений в историографии практически не давалось. М. Г. Худяков несколько упрощенно охарактеризовал правление Махмуда в качестве “мирной эпохи, в течение которой войн между русскими и казанцами не происходило” [Худяков 1991: 33]. В действительности эта характеристика скорее применима к периоду московского княжения Василия II. Ведь в 1446 г., когда московский стол был захвачен Дмитрием Шемякой, Мамотьяк послал 700 татар своего двора в поход на тянувший к Москве г. Великий Устюг, выражая свое недружелюбие к Шемяке и заодно стремясь внушить уважение устюжанам к своему ханству, на севере граничившего с устюжской округой. Кроме того, в 1462 г. в первые месяцы правления Ивана III был еще один военный конфликт между Московским княжеством и Казанским ханством. Инициатором его стал сам молодой великий московский князь, пославший войска на проживавших на севере ханства черемисов, за что те вместе с татарами в свою очередь напали на земли Великого Устюга.

В данной статье мной будут комплексно рассмотрены взаимоотношения

* Независимый исследователь. Выпускающий редактор журнала “История военного дела: исследования и источники, ответственный редактор и составитель V специального выпуска “Стояние на реке Угре 1480-2015” http://www.milhist.info/spec_5/ В 2015 г. окончил аспирантуру НовГУ им. Ярослава Мудрого. E-mail: petergof-history@yandex.ru.

Махмуда с Василием II, а также внешняя политика Ивана III по отношению к Казанскому ханству при жизни Махмуда.

При этом, мне кажется целесообразно рассматривать не только период правления Махмуда в Казани, но и более раннее время, когда был жив его отец, хан Улу-Мухаммед. Ведь, как будет видно ниже, Махмуд еще при жизни своего отца официально был признан его соправителем (а может быть осенью 1445 г и вовсе стал фактическим правителем при умирающем, или сходящем с политической сцены родителе). Тогда же во многом определились его отношения с Василием II, которого тот отпустил из плена, так как хотел видеть его московским правителем.

Помимо непосредственных сношений Махмуда с московским князем будут рассматриваться и московско-казанские торговые отношения, а также развитие военного дела Московского княжества, на которые Махмуд на мой взгляд, по-видимому оказал некоторое влияние.

Царевич Махмуд и Василий II (1437-1445 гг.)

В историографии отмечалось, что согласно летописям, Махмуд в конце 1437 г. вместе со своим отцом Улу-Мухаммедом принимал участие в “Белевщине” - войне под г. Белевом между посланными Василием II русскими войсками и татарами Улу Мухаммеда [Худяков 1991: 32]. К этому времени относятся самые ранние упоминания Махмуда в источниках.

Данной кампании посвящена специальная статья Р. А. Беспалова. В ней исследователь рассматривает ход и топографию боевых действий [Беспалов 2005: 31-55]. Война окончилась 5 декабря 1437 г. разгромом русских войск. Согласно московскому великокняжескому летописанию, в ходе переговоров с русскими воеводами ханские послы передавали “слово” Улу-Мухаммеда, что тот обещает стеречь русские земли и не просить за это никакой платы, в подтверждении чего отдает русским в заложники своего сына “Мамутяка” [ПСРЛ 1959: 193; ПСРЛ 1962: 106]. Впрочем, по видимому это было сказано не всерьез: когда русские вновь отказались мириться с татарами, ханские послы спросили их, мол не этого ли они хотят что у них позади происходит. Когда те обернулись, то увидели своих бегущих воинов [ПСРЛ 1959: 193; ПСРЛ 1962: 106]... Софийская II летопись обвиняет в поражении русских войск мценского воеводу Григория Протасьева, призвавшего татар напасть на русских [ПСРЛ 1853: 150]. В Устюжском своде сказано, что татары с его помощью пошли на хитрость — неожиданно воспользовавшись утренней мглой незаметно выехали из своего острога и внезапно напали на русский лагерь так что их не заметила стража и нанесли русским войскам тяжелое поражение [ПСРЛ 1982: 43, 87]. Таким образом, хан Улу-Мухаммед вовсе не собирался безвозмездно оборонять русские рубежи и давать в заложники своего сына Махмуда. Это было удачный отвлекающий маневр: во время этих

утренних переговоров татары (с ведома тех же ханских послов) неожиданно напали на русский лагерь.

Но личные взаимоотношения Махмуда с Василием II начались уже в 1445 г.

В конце 1444 Улу-Мухаммед занял входивший в состав Московского княжества Нижний Новгород, а 6 января 1445 — на Крещение — сел в Муроме.

В ту зиму русские войска Василия II смогли выгнать татар из Мурома. Хан побежал в Нижний Новгород, где его войска также понесли урон. В одной из нижегородских крепостей сели великокняжеские воеводы Долголов и Драница. Но татары так и остались сидеть в “Старом” городе. По данным летописной “повести о суздальском бою” (иногда известной также под заголовком “повести о побоище суздальском”), встречающейся в ряде летописных сводов XV и XVI ст., уже весной до Москвы дошли слухи, что Улу-Мухаммед отправил в поход на Московское княжество своих сыновей Махмуда и Ягупа. (Ермолинская летопись поясняет, что хан обрадовался большой военной добыче, захваченной в зимнем походе на Черкасы, и теперь захотел умножить свои богатства за счет грабежа Московских земель [ПСРЛ 1910: 151]. Но не ясно, опирался летописец на факты, или на молву и личные догадки — М. Н). Как отметил Я. С. Лурье, эта повесть восходит к тому же летописному своду, что и последующие повести о московском пожаре, отпущении Василия II из Курмыша, и его ослеплении [Лурье 1994: 78-79]. Иногда ее относят к великокняжескому своду начала 1450-х гг, отраженном в Музейном летописце, доведенном до этих лет. Но Я. С. Лурье усмотрел в этом памятнике заимствования из Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей, [Лурье 1994: 16] содержащих свод 1472 г. Отметим, что повесть о Суздальском бою представлена в Музейном летописце в том же виде, что и в вышеуказанных летописях. В них же она приведена не полностью, там отсутствуют важные детали весеннего похода татар к Суздалю и ухода из Меньшого города Нижнего Новгорода великокняжеских воевод. Как добавляет Никоновская летопись, где эта повесть приведена наиболее подробно, татары вышли “из Нижнего Новгорода из Старого где сядеше” [ПСРЛ 1901: 64]. В историографии в этой связи нет единого мнения о времени отхода татар из Нижнего Новгорода. Можно выделить три полярные точки зрения. Одни исследователи, явно опираясь на данную летописную повесть, пишут, что татары сидели в городе до весны [Мельников 1884: 185; Кирьянов 1961: 34; Кучкин 1976: 231; Чеченков 2002: 115; Филатов 2003: 80-81; Грибов 2005: 75]. В тоже время, А. А. Зимин, явно отдав предпочтение известию Ермолинской летописи, о том, что еще зимой русские войска били их в Нижнем Новгороде, представил это, как полную победу над ними [Зимин 1991: 102]. А Н. М. Карамзин высказал оригинальное мнение,

что зимой русские выгнали татар из города, а к весне те вновь воротились [Карамзин 2003: 174]. Но о втором набеге татар нет данных, и надо думать, что если бы они захватили город снова, это бы отразилось в источниках. В летописях сказано лишь, что татар в Старом городе били, а не то, что их вместе с ханом оттуда выгнали. О пребывании татар в Старом Городе до весны говорит далее та же повесть о Суздальском бою. Когда на Петров пост Василий II вышел навстречу татарам с войсками в Юрьев Польской, к нему пристали бежавшие из Нижнего Новгорода воеводы Федор Долголдов и Юрий Драница, которые изголодались в Меньшем городе, подожгли город и пошли прочь [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1962: 108]. Причину столь странного деяния поясняет Никоновская летопись: они устали обороняться от татар, потому зажгли город среди ночи и бежали [ПСРЛ 1901: 64]. И так, в Старом городе в течении нескольких месяцев подряд до весны остались татарские войска, с которыми у русского гарнизона Меньшего города было напряженное противостояние. Иначе Василий II не простил бы воеводам такое неслыханное дело, как поджог охраняемого ими города. Василий не наказывал воевод за неудачи, случавшиеся по объективным причинам. Но бывал суров, если видел за ними вину. Известно, что в 1456 г. такие прославленные воеводы, как Ф. В. Басенок и И. В. Стрига Оболенский полагали, согласно официальному великокняжескому летописанию, что князь казнит их за “корысть”, если они отступят из Руси. Ведь они, заняв ее, послали основные силы с награбленным добром назад к князю, а сами с маленьким отрядом остались грабить промешкав до прихода более крупной новгородской рати. И они решили пасть в бою, а не от руки палача, но разбили врагов, решив исход кампании в пользу великого князя, искупив проступок. Но когда Долголдov и Драница изнемогали от голода и не могли обороняться от сидящих в окрестной крепости татар, то вины за ними не было. Более того, подпалив город, они лишили врагов возможности надежно укрыться здесь на случай русской осады. А примкнув к Василию, воеводы обрели шанс одолеть их в бою. Другое дело, что жизнь судила иначе.

Полагаю, что актовъй материал способен пролить свет на маршрут движения татарского отряда. Речь идет о жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю от 19 мая 1481 г. В этом документе упоминается, что “татары казанские” в Гороховце и Ярополче “земли воевали и выжгли и людей развели” [Каштанов 1970: 398]. Эти строки иногда упоминались историками, но без привязки к событиям интересующего нас похода [Грибов 2006]. Между тем, на наш взгляд, есть немалые основания отнести их именно к интересующему нас весенне-летнему походу сыновей Улу-Мухаммеда. Гороховецкие земли могли пограбить и войска самого Улу-Мухаммеда движущиеся по пути от Нижнего Новгорода в Муром еще за несколько месяцев до этого, в период с конца декабря 1444 г., по начало января 1445.

Гороховец — в старину важный город Нижегородского края — расположен недалеко от р. Оки, в низовьях р. Клязьмы. И если двигаться примерно параллельно Оке, он оказывался на пути татар, грабящих в те зимние дни все по дороге между двумя вышеуказанными поокскими городами. Когда в январе 1445 г. Улу-Мухаммед не желавший вступать в открытый бой с подходящими москвичами, спешно оставил Муром и поскакал “бегом” назад к Нижнему Новгороду, его войска двигались в том числе и через Гороховец, откуда их выбивали русские воины.

Тем не менее, через Ярополч они по дороге в Муром, на наш взгляд, не шли. Ярополч Залесский лежал явно не по пути к Мурому, на правом берегу р. Клязьмы примерно к 35-40 км выше Гороховца, к западу от него, близ нынешних населенных пунктов Вязники и Пирово Городище. Большой ценности для грабежа он тоже не представлял, ибо, как свидетельствуют археологические исследования, этот город был уничтожен еще во время Батыева нашествия 1239 г., и археологи лишь в качестве предположения допускают вероятность, что жизнь на его месте в Средневековье сохранялась где-то за пределами городища [Седова 2008: 177]. Трудно себе представить, чтобы все татарское войско зачем-то сделало тогда до него крюк. И даже отдельный отряд, отделившийся во время грабежей местного населения от основных сил едва ли туда бы заехал. Тем более, что это запустевшее место лежало в опасной близости от такого крупного московского города, как Владимир на Клязьме, из которого навстречу татарским интервентам могли подоспеть русские войска.

Поэтому, на наш взгляд, Ярополч с округой был разорен лишь весной, или в начале лета 1445 г. вышедшим из Старого города Нижнего Новгорода татарским отрядом во главе с сыновьями Улу-Мухаммеда Махмудом и Ягупом. Именно они, очевидно, и были теми самыми “казанскими татарами”, упомянутыми в вышеуказанной грамоте. При этом, Ярополч удобно лежал на их пути в сторону Суздаль — от него вверх по Оке удобно было прийти к устью р. Нерль. Пройдя, как видно, параллельно Нерли на север, татары в день битвы под Суздалем и переправились через нее против Спасо-Ефимьева монастыря. Правда, в то время Махмуд еще сам не стал ханом, а его отец Улу-Мухаммед, при своей жизни, или до ухода с политической сцены в конце 1445 г, еще, вероятно, не успел основать Казанское ханство. В памятниках русского летописания XVI в существуют разные версии о том, кто стал первым ханом в Казани. Согласно одной из них — Улу-Мухаммед, а по другой — Махмуд. Одни исследователи придерживаются первой из них, а другие считают более достоверной вторую [Беспалов 2012: 50] Во всяком случае, Улу-Мухаммед был еще в конце 1430-х гг. вытеснен из Сарая на север, и, хотя в Среднем Поволжье он определенно не встретил серьезных конкурентов, большую часть времени он тратил на организацию и осуществления грабительских

военных походов (прежде всего на Русь), а первым казанским правителем, возможно сделался уже Махмуд [Вельяминов-Зернов 1863: 5-7; ПСРЛ 1901: 251] в конце 1445 г*.

Тем не менее, весенне-летний татарский поход к окрестностям Суздаля отождествлялся у современников именно с Махмудом (в русских источниках именуемого Мамутяком). Согласно правой грамоте Ивана III по спорным делам Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1476-1490 гг., тамошние монахи упоминали, что их обитель сгорела в “мамотяковщину” [Сб. Муханова 1866: 561].

Таким образом, весной-летом 1445 г. татарская рать во главе с Махмудом и Ягупом, очевидно, двигалась из Нижнего Новгорода на запад параллельно Оке, затем - Клязьме через Гороховец и Ярополч, а потом — параллельно Нерли, на север. По дороге они, вероятно, все время занимались грабежами — Путь от Нижнего Новгорода к пригородной Суздальской обители, составлявший ок. 240 - 260 км, они прошли как минимум более, чем за месяц, с мая, и до начала июля. Соответственно, средняя в среднем, в сутки они в среднем продвигались вперед менее, чем на 8 км.

Уже накануне битвы под Суздалем, к вечеру 6 июля они, вероятно, были примерно напротив лежащего к северу от Суздаля Спасо-Ефимьевского монастыря: для того, чтобы нервировать ставшего в этот день у обители неприятеля неприятеля они вечером изобразили переправу через Нерль, но потом так и не стали на деле переправляться и нападать на заночевавших на берегу р Каменки у монастыря москвичей, отложив это до утра [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1962: 109]. Что касается Василия II то он, узнав в тот вечер что тревога была напрасная, успокоился и на радостях долго пировал, в результате чего не выспался и на рассвете после заутренней молитвы “всхоте” доспать - “опочинуть еще” [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1962: 109] (что опровергает встречающуюся в историографии трактовку о его похмельном состоянии [Зимин 1991: 104] — ведь в нем человек не засыпает и не ощущает такой потребности).

Однако, спать ему не довелось – пришла весть, что татары Махмуда и Ягупа першли Нерль, протекавшую в нескольких км к востоку от монастыря. Судя по контексту повести, на сей раз татары не заставили себя ждать и как только русские войска подготовились к бою и вышли со знаменами на “поле” к монастырю, вступили с ними в бой. Бой произошел утром 7 июля “слева” от Спасо-Ефимьевского монастыря [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1962:

* Р.А. Беспалов допускает, что Махмуд и в 1447 не всеми воспринимался в качестве полноправного правителя Казани. Об этом, по его мнению, говорит тот факт, что в послании иерархов Шемяке 1447 г. он назван “царевичем” [Беспалов 2012: 64]. Однако, так он именуется и в новгородской летописи под 1456 г. [ПСРЛ 1889: 194] Видимо, некоторые летописцы XV в. называли казанских ханов “царями”, но некоторые признавали таковыми лишь правителей Большой Орды, а ханов новых государственных образований именовали “царевичами”

109]. Слева — не относительно нынешнего южного входа, т. е, с запада - там очень узкий участок вдоль р. Каменки, а по отношению к северным вратам, выходящим на старинный тракт от Юрьева Польского, т. е, к востоку от монастыря на пространстве от ул. Ленина в сторону р. Нерли. Бой закончился победой Махмуда и Ягупа. Их трех с половиной тысячное татарское войско разгромило более малочисленную, наспех собранную полуторатысячную великокняжескую рать. [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1962: 109]. Согласно тому же источнику, татары применили ловкий тактический маневр: в какой-то момент они будто бы начали отступать, и когда москвичи стали снимать доспехи с убитых, незаметно развернулись, напали на них и разгромили. [ПСРЛ 1959: 197-198; ПСРЛ 1962: 109-110] Сам Василий II – единственный из всех московских князей за всю историю – попал в бою в плен. С ним захватили верного союзника Михаила Верейского и некоторых служилых людей. Из татар в сражении погибло 500 человек [ПСРЛ 1959: 198].

После этого Махмуд и Ягуп остановились внутри монастыря, где с пленного Василия II сняли нательные кресты-“тельники” и отправили их в Москву к его семье [ПСРЛ 1959: 198]. Не исключено, что того же монастырь был сожжен. Как отмечалось выше, его монахи жаловались при Иване III, что обитель сгорела в “Мамотяковщину” [Сб. Муханова 1868: 561].

Во всяком случае, поход татар под Суздаль и битву под Суздалем в народе помнили в течении десятилетий и называли ее по имени предводителя татарского войска – старшего сына хана Улу-Мухаммеда “Мамотяка”.

Затем татары направились обратно в сторону Нижнего Новгорода мимо Владимира через Муром. Согласно вышеупомянутой повести о московском пожаре, всходившей к великокняжескому летописанию, 25 августа татары с пленниками выехали из Нижнего Новгорода в сторону Курмыша [ПСРЛ 1959: 198], крепости, расположенной к юго-востоку от него на границе русских земель. От Нижнего Новгорода с ними ехал сам Улу-Мухаммед [ПСРЛ 1959: 197] (учиненный прежде великокняжеским воеводами поджог города не устроил его, ибо москвичи были разбиты под Суздалем и бояться ему было некого. Потому он, видимо спокойно дождался возвращения сыновей и выехал уже с ними). А в Москву к Дмитрию Шемяке хан отправил посла Бегича [ПСРЛ 1959: 198]. Цель этой миссии источники не называют, но Шемяка, замещавший как старший в роду Василия на московском княжении решил заполучить у хана ярлык на него и стал возводить на Василия хулу. Впрочем, это до хана не дошло. На обратном пути в Курмыш посла перехватили люди Василия II.

И тут начинаются загадки. Речь идет не о том, кто именно по разным летописным версиям схватил Бегича, или даже, сколько должен был уплатить Василий II татарам за свое освобождение. А о более важном моменте, имевшем место в Курмыше – истинной причине освобождения Василия II

и других русских пленников. На первый взгляд все кажется ясным. Обычно считается, что хан отпустил Василия и его соратников при условиях выплаты выкупа. Но все оказывается не так просто. Начнем с того, что в пределах “той же осени” - до 25 декабря 1445 г. Улу-Мухаммед сходит с политической сцены, и в Казань из Курмыша прибывает править его старший сын Махмуд [ПСРЛ 1859: 114]. Есть версия, что Махмуд убил своего отца [ПСРЛ 1903: 222]. Другие источники это ни опровергают, ни подтверждают. Отметим, что рассказ Казанского летописца об отцеубийстве не лишен противоречий — зарезан с отцом почему-то оказался и младший брат Ягуп [ПСРЛ 1903: 222], который с 1446 г. как и Касим, верно служил Василию II. Как бы то ни было, но уже в октябре в Курмыше Махмуд был соправителем своего отца, принимал вместе с ним важные политические решения, а возможно и фактически взял власть в свои руки. Об этом намекают известия Ермолинской летописи и летописная повесть об отпущении из Курмыша, которая, как уже сказано, относится к великокняжескому летописанию. Согласно Повести, хан “жаловал” и отпустил князя не один, а вместе с Махмудом. Сын участвовал также в отправке с князем на Русь татарских послов, а кроме того, вместе с отцом привел его к присяге на кресте, что тот уплатит деньги [ПСРЛ 1959: 199]. Последнее обстоятельство весьма значимо: Махмуд уже официально считался соправителем отца и ему тоже наряду с ханом, должен был торжественно присягать побежденный русский великий князь. Ермолинская летопись и вовсе пишет, что Махмуд отпустил князя единолично [ПСРЛ 1910: 151]. Значит, в освобождении Василия был заинтересован не только хан, но и Махмуд.

По летописям, Василий II был отпущен с условием выплаты выкупа. Существуют три основные версии — московская, новгородская, псковская. Московскую точку зрения отображает известие Ермолинской летописи и Московская летописная повесть об отпущении Василия II из Курмыша. Согласно ней, князя пустили вместе с татарскими послами, приказав ему выплатить за себя выкупа “сколько может” [ПСРЛ 1959: 197; ПСРЛ 1910: 151]. Повесть об отпущении с Курмыша уточняет, что это произошло 1 октября и указывает имена послов, а также добавляет что князя заставили поцеловать крест [ПСРЛ 1959: 199]. Согласно псковскому летописанию, князь “посулив на себе окупа от злата и сребра, и от портища всякого, и от коней, и от доспехов пол 30 тысящ” — 25 тыс. р, после чего был отпущен, а с ним выехало на Русь 500 татар. По псковским данным это произошло уже на Рождественский пост [ПЛ 1995: 47; ПЛ 1955а: 75] — не ранее 28 октября, что противоречит московским сведениям. Но стоит учесть, что в те времена современных СМИ не было, и жители центра другой русской земли, расположенного в сотнях км от Москвы могли знать не дату освобождения из Курмыша, а день приезда в Москву, куда он, по данным московской повести

об отпущении с Курмыша, в самом деле прибыл на Филиппов пост, 17 ноября [ПСРЛ 1959: 198]. По версии новгородского летописания, князя отпустили на “Русскую землю”, потребовав с него целых 200 000 р! Но далее летописец прибавил: “а иное Бог весть да он” [ПСРЛ 2000: 426].

Но, во всяком случае, выкуп Василий до своего пленения и ослепления в феврале 1446 г. так и не выплатил. Шемяка, призывая своих сторонников свергнуть его, по Ермолинской летописи, обещал далее денег татарам не платить [ПСРЛ 1910: 152]. Но, вероятно, выкуп перестал выплачивать еще сам Василий. Несмотря на то, что по Тверской летописи, прибывшие с ним татары собирали дань с населения [ПСРЛ 1863: 492], по Псковским данным он выслал их из Руси еще до роковой февральской поездки на богомолье [ПЛ 1995: 47; ПЛ 1955а: 75], во время которой на год потерял вкняжние и на всю жизнь зрение. Любопытно, что в тот год, когда великое княжение переходило из рук в руки, татарских послов Улу-Мухаммеда на Руси источники не упоминают. И позже тоже. И неизвестно, что Дмитрий Шемяка, как и вновь вернувший себе великое княжение Василий Темный, выплатили Махмуд обещанный выкуп.

Тем не менее, у Василия II с Махмудом были относительно мирные отношения. Скорее всего, выкуп не был на самом деле главным условием амнистии русского полона. Махмудом при своем отце не подобало прямо сказать князю, что он его отпускает даром, да и вообще такие слова уронили бы его достоинство победителя. Но как видно, дело было не в деньгах, а в том, что Махмуд уже готовился занять место отца и хотел видеть по соседству со своим Средним Поволжьем великого московского князя, с которым можно было поддерживать долгосрочные мирные взаимоотношения. И Василий на эту роль, по его мнению, вполне подходил, даже при неуплате обещанного выкупа. Видно, великий князь сам это понимал — поэтому он вскоре после своего возвращения, когда Махмуд стал ханом, и отослал с Руси татарских послов, собиравших деньги. Другое дело, что официально возложенные на князя обязательства выплаты большой контрибуции татарам послужили отличным поводом Шемяки составить против Василия заговор и свергнуть его с великого княжения. Василий почти на год лишился власти, и на всю оставшуюся жизнь дара зрения.

Казанский хан Махмуд и Василий II

Захват московского княжения Шемякой в феврале 1446 по-видимому вызывал сильное неудовольствие Махмуда. Уже на Пасху 1446 г. казанские татары осадили тянувший к Москве Устюг, но не взяли его, однако получили от устюжан щедрый откуп [ПСРЛ 1982: 46, 82]. Другое дело, что на обратном пути на р. Ветлуге многие татары на плотках утонуло и из 700 воинов двора Махмуда в Казань по оценкам устюжского сводчика вернулось лишь

40. [ПСРЛ 1982: 45, 87-88]. В тоже время важно учесть, что Устюжская округа примыкала с юга к землям Казанского ханства. (На той же Ветлуге проживали черемисы, подчинявшиеся хану). Поэтому Махмуд не только выражал недружелюбное отношение к Шемяке (что тоже безусловно имело место). Он вполне целенаправленно отправил свои войска именно на Устюг, чтобы внушить своим северным соседям к себе уважение и обить намерения промышлять на территории своего ханства.

После того, как в 1447 г. Василий II вернул себе великое княжение его отношения с Махмудом в целом были мирными

Правда, согласно великокняжескому летописному своду 1472 г., на Филиппов пост (ноябрь-декабрь – М.Н.) 1447 г. Махмуд, уже ставший казанским ханом, выступил с войском в поход на Московское княжество – Муром, Владимир и иные города [ПСРЛ 1959: 204; ПСРЛ 1962: 114]. Дело было, очевидно, в недавнем недоразумении — согласно посланию иерархов Галицкому князю Дмитрию Шемяке, тот, желая настроить Махмуда против Василия, послал ему на того всевозможные жалобы, а когда хан прислал из Казани к Шемяке посла, тот его арестовал и заковал, не дав поговорить с Василием Темным. А казанский хан, видимо, не дождавшись посла, но не ведая о коварстве Шемяки подумал на Василия, и заковал, в свою очередь, его “киличей” [АИ 1841: 81-82]. И теперь, как видно, решил совершить поход на Московское княжество, дабы заставить Василия себя уважать. Но едва Василий II отправил против казанских татар свои войска [ПСРЛ 1959: 204; ПСРЛ 1962: 114], те, вероятно решили не связываться с ними и ушли восвояси, так как летопись на этом прекращает рассказ об этом конфликте и даже не сообщает о грабежах татар на Руси, как это обычно бывает в летописных известиях о татарских набегах. Вероятнее всего, татары так тогда и не вторглись на Русь или, во всяком случае, определенно не пограбили крупных городов и не захали далеко в глубь страны.

Кроме того, не исключено, что Махмуд понял, что Василий не виноват в аресте ханского посла, или во всяком случае, что Шемяка не внушает доверия. В последствии казанский хан никогда не выказывал Дмитрию Шемяке никакого сочувствия, в том числе когда тот был лишен своего Галицкого удела.

Так или иначе, данный инцидент не оказал отрицательного влияния на дальнейшие добрососедские отношения между московским и казанским правителями.

Исследователи давно ссылаются на письмо митрополита Ионы казанскому вельможе Шапотяку с просьбой уговорить хана дать право митрополичьему слуге вести в Казани беспошлинную торговлю “рухлядью” (шкурами, мехами — М. Н.) [Загосин 1895: 39]. Кроме этого до сохранился текст аналогичного письма Ионы самому казанскому хану [Русский

феодальный архив, 2008: 165]. Оба письма следует отнести к 1448-1461 гг. - периоду, когда Иона занимал в Москвы митрополичью кафедру [Русский феодальный архив 2008: 165-166]. При этом, Иона ссылается на то, что в Казани “нашим” (русским) купцам “шкоты (шкоды, пакости) и убытковъ неть никоторыхъ” [Русский феодальный архив 2008: 165]. Это безусловно говорит о том, что Московское княжество с Казанским ханством находились в достаточно хороших торговых отношениях. И политических тоже, раз московский архиепиеей просит хана лично и через вельможу дать его слуге право вести беспошлинную торговлю “рухлядью”, считавшейся в Казани весьма ценным товаром. Известно, что весной 1446 г. казанские татары взяли с Устюга в качестве откупа помимо “11 000 денег всякой рухляди” [ПСРЛ 1982: 45, 87-88].

Согласно новгородскому летописанию, в начале В 1456 г. Махмуд вместе с Василием II участвовал в походе на Новгород [ПСРЛ 1889: 194]. А “татары” вместе с войском великокняжеского воеводы Басенка были отправлены к Русе (г. Старая Руса Новгородской обл). 2 февраля пятитысячное русско-татарское воинство захватило город и пограбило, а на другое утро разбило подоспевших новгородцев в решающем бою под ним у “поля” [ПСРЛ 1889: 194-195], определив исход кампании. Правда, согласно московскому летописанию, великокняжеские воеводы поступили неосмотрительно -незадолго до прихода пятитысячного новгородского войска отправили основную часть служилых людей в ставку к Василию II с награбленным в Русе добром, а сами задержались пограбить еще. В итоге ко времени приезда новгородцев в городе оставалось по оценке летописца около 200 служилых людей, не считая боевых холопов и союзных казанских татар, которые в московском источнике не сосчитаны [ПСРЛ, 1959: 215; ПСРЛ, 1962: 119].

Как мы недавно выяснили на основе сопоставления данных новгородских и московских источников, вместе с русскими войсками татары совершили хитроумный маневр, разбившись на два отряда, в каждом из которых были и москвичи и татары. Одна часть приняла первый бой у въезда в город, а затем заманила новгородцев по улицам и дворам в условленное место, к непреодолимой на конях преграде. А пока новгородцы стали собирать доспехи с убитых неприятелей, с “поля” внезапно налетела “иная” рать москвичей и татар. Она окружили новгородцев с двух сторон, обстреляли их коней, а затем накинута на них и разгромила. [Несин 2014: 104-109; Несин 2015: 136-139]. Кроме того, мы отмечали сходство тактики Басенка под Русой с похожим маневром казанских татар того же Махмуда в битве с москвичами под Суздалем 1445 г. В ней татары тоже как будто начали отступать, а покуда воодушевленные своим триумфом москвичи стали снимать доспехи с убитых недругов, неожиданно развернулись и пошли в наступление, в итоге одержав победу над русскими. Не исключено, что москвичи заимствовали подобную

тактику оттуда, испытав ее действие на собственном опыте и теперь вместе с тем же Махмудом предприняли нечто подобное против новгородцев.

Несмотря на то, что в источниках есть сведения о применении русскими войсками засадной тактики в предшествующие века, в те времена она была значительно менее сложная, и как правило сводилась к тому чтобы выскочить из укрытия и напасть на противника с боков или с тыла. Здесь же москвичи наряду с казанскими татарами Махмуда перед самым подходом новгородцев быстро разбились на две части, одна незаметно засела в засаде за “полем” а другая совершила сложное тактическое отступление к условленному месту. (Не менее сложный маневр в последствии был осуществлен московскими войсками и в 1471 г. во время Шелонской битвы: там москвичи совершили тактическое отступление назад через реку, а затем снова напали на новгородцев с фронта, в то время как с тыла на тех внезапно в нужный момент ударил засадный полк мешерских татар [Несин 2014а: 464-482]. Из этого видно что, в середине XV в. московская служилая конница научилась свершать более сложные маневры чем в более раннее время).

Это стало возможно в связи с эволюцией развитие служилой конницы, профессионального обученного и дисциплинированного войска, ставшего способного на быстрое и слаженное осуществление таких сложных маневров.

Еще в конце XIV столетия неотъемлемыми участниками войн в Москве считались ополченцы. Хорошо известно, что в 1389 г. московский великий князь Дмитрий Донской в договоре с Владимиром Андреевичем Серпуховским постановил: “а московьскага рать, хто ходил с воеводами, Те и нонеч(а) с воеводами, а наж ихъ не приимати”. Но при Дмитрий старался ограничить служилое сословия от пополнения выходцами из торгово-ремесленного городского населения. В следующей фразе он распорядился: “а гости, и суконьниковъ, и городьскихъ люд(и)и блюсти ны с одиного, а въ службу ихъ не приимати” [ДДГ 1950: 31]. В отличии от служилых людей, ополченцы не были профессиональными воинами, в мирное время воинской службы не несли. И поэтому были способны в нужное время напасть на противника с тыла, или из укрытия, не на столь хитрый маневр, как тот, что был продемонстрирован служилым войско под Русой.

Однако, уже в первой четверти XV в. служилое войско вытесняет ополченцев.

Уже в 1425 г. согласно московскому великокняжескому летописанию, митрополит Фотий посмеялся над галицким ополчением, заявив, что “не видах столика народа въ овчих шерстехъ” [ПСРЛ 1959: 184; ПСРЛ 1962: 101]. Но этого видно, что в отличии от Галицкого удела, в Москве к тому времени уже в основном от его привлечения отказались, отдавая предпочтение профессиональному служилому войску. Впрочем это неудивительно, ведь в XIV в. Москву разоряли чаще чем тот же Галич, что обусловило относительно

более быстрый процесс развития профессионального служилого войска, заместившего старинное ополчение. Конечно, в XV в. в Московском княжестве как и в Московской Руси XVI-XVII вв, ополченцев эпизодически мобилизовали в помощь служилым людям. Кроме Первой Казани 1469 г (где они играли вспомогательную роль, и в их задачу не входило участие во взятии Казани), они упоминаются в 1433 г. Когда Юрий Дмитриевич Галицкий вместе со своими сыновьями пошел в поход на Москву, 18-летний московский великий князь Василий II спешно собрал небольшое войско и встретился с неприятелем в 20 верстах от Москвы на р. Клязьме. Согласно тому же источнику, в составе московской рати по мимо служилого контингента “людей”, “воев” и ополченцы “москвичи”, “гости” - купцы специализирующие на внешней торговлей и “прочие”. Однако, примечательно, что “москвичи” здесь дважды противопоставляются “воем”, “людям” [ПСРЛ 1959: 189; ПСРЛ 1962: 104]. Из этого очевидно, что ополченцы к тому времени в Москве за воинов и людей на войне не считались, их мобилизовали в отдельных случаях в “помощь” профессиональному служилому войску. Москвичи сражение проиграли, Василий II потерял московское княжение и получил удел в Коломне. Однако Ермолинской летописи, в том же году “Москвичи же вси, и князи, и бояри, воеводы, и дети боярские, и дворяне” [ПСРЛ 1910: 147], не желавшие служить Юрию, отъехали в Коломну к Василию. Это встревожило Юрия, который не мог теперь себя чувствовать в Москве в безопасности, поэтому он предпочел вернуть племяннику княжение. Здесь наоборот, москвичами названы именно служилые люди. Однако, примечательно, что они с точки зрения летописца составляли “всех” боеспособных “москвичей”.

В сражении на Листвянке в 1442/1443 гг^{□*}, в сражении в бою на Оке с татарами в середине 1450-х гг действовал именно великокняжеский “двор” [ПСРЛ 1853: 180; ПСРЛ 1901: 61; ПСРЛ 1910: 147, 155; ПСРЛ 1959: 184; ПСРЛ 1962: 101].

Тоже было и в сражении под Суздалем 1445 г. - московские горожане остались дома и узнав о поражении великокняжеского войска затворились в кремле в осаде. Там во время большого скопления народа вспыхнул пожар, нанеший большой вред городу, его жителям.

Таким образом, ко времени сражении под Русой 3 февраля 1456 г. московское войско представляло собой профессиональную служилую конницу способную к более сложным и быстрым маневрам, нежели включавшие ополченцев русские рати предшествующих веков. Но подобной

* В отличии от летописных памятников XV в, Никоновская летопись помещает это событие под 6952 (1443/1444 г.) Исследователи к ее версии иногда относятся с доверием. Вместе с тем, согласно повести о Мустафе, дошедшей до нас в Никоновской летописи, во время боя с ним, в Рязанской земле была очень холодная и суровая зима (ПСРЛ 1901: 62). Вместе с тем, в источниках XV в о такой погоде в тот год на Руси и в Восточной Европе ничего не сообщается. А вот зима в 1442/43 согласно памятникам Русского летописания в Средней полосе России была студеная, в том году подорожало сено [ПСРЛ 1851: 267; ПСРЛ 1883: 492.; ПСРЛ 1910: 151].

тактике оно по-видимому обучилось уже под влиянием своего поражения под Суздалем от Махмуда. И в дальнейшем использовали ее не только в бою под Русой (где вместе с ними воевал тот же Махмуд) но и в других сражениях второй половины XV в.

Вероятно, после “Мамотяковщины” 7 июля 1445 г. москвичи под влиянием татар также более интенсивно стали использовать лучный бой.

Известно, что еще в бою на Листани зимой 1442/1443 гг с татарским “царевичем Мустафой” московский великокняжеский двор, наряду с мордвой и казаками использовал сулицы, рогатины и сабли, в то время как татары Мустафы были вооружены луками [ПСРЛ 1901: 62]. Из лука, надо полагать, был ими “застрелен” в челюсть московский служилый человек Григорий Васильевич Глебов [ПСРЛ 1910: 47].

Но уже по крайней мере начиная с 1450-х гг москвичи также стали широко применять луки, очень удобные в маневренном конном бою.

Как уже говорилось выше, в сражении под Русой они вместе с татарами Махмуда перед тем как приблизиться в плотную к новгородцам, обстреляли их коней.

Про это упоминается и в новгородском и московском летописании, в первом оно приписывается татарам, во втором - москвичам [ПСРЛ 1889: 194; ПСРЛ 1959: 215; ПСРЛ 1962: 119]. Из этого следует что и московские служилые люди наряду с татарами были массово вооружены луками и отменно владели техникой лучного боя. (Другое дело, что московский летописец поясняет, что на новгородцах были крепкие доспехи, которые в отличии от коней обстреливать было нецелесообразным [ПСРЛ 1959: 215; ПСРЛ 1962: 119]. Тем не менее подобный прием был москвичами применен и в Шелонской битве 1471 г, хотя тогда у новгородских воинов столь прочных доспехов не упоминалось. Более того, тогда на Шелони стреляли не только по коням как это было под Русой, но и по самим новгородцам [ПСРЛ 1959: 238; ПСРЛ 1962: 133; ПСРЛ 2000а: 190] Но обстрел вражеских коней был сам по себе очень выгодным, так как существенно ослаблял противника в конном бою). Лучный бой широко применялась москвичами и в других сражениях XV в. В 1459 г. сын Василия II Иван впервые в русской истории смог на переправе через Оку остановить ордынское войско, не дав перебраться на другой берег. Надо полагать для этого в борьбе с ордынскими татарами, которые сами были отменными лучниками, московские служилые люди использовали луки — если бы они надеялись спихнуть ордынцев с берега копьями, саблями, или даже сразить метательными копьями сулицами, то бой ими был бы проигран. Татары бы их обстреляли из луков с более дальнего расстояния.

Из сражений времен Ивана III помимо Шелонской битвы стоит также упомянуть стояние на Угре, когда великокняжеское войско в течении

нескольких дней подряд не давала ордынцам форсировать Угру, используя по мимо пищалей, стрелы.

Как видно, в середине XV в московском войске луки получили достаточно скорое и существенное распространение, и лучный бой весьма эффективно использовался в различных сражениях второй половине века.

Таким образом, взаимоотношения Василия II и Махмуда по-видимому поспособствовали развитию московского военного дела — использованию относительно сложной засадной тактики, а также вероятно более широкому применению лучного боя.

Не исключено, что согласно версии Софийской II летописи, в 1460 г, новгородский архиепископ Иона имел ввиду казанского “царя” Махмуда [ПСРЛ 1853: 150] Ведь тогда Иона отговаривал новгородцев от покушения на гостившего на Городище Василия Темного, уверяя, что в таком случае оставшийся в Москве сын Иван вместе с “царем” сильно проучат Новгород. А с каким еще ханом московские войска ходили в военные походы на русские земли, если служившие Москве касимовские ханы в русских источниках носили титул не “царей”, а “царевичей”, равно как и такие безземельные московские союзники как “царевичи” Бердедат и Муртоза.

В 1461 году Василий II хотел воевать с Казанским царем, и пошел на него с войском. Но согласно великокняжескому летописанию, во Владимире на Клязьме их встретили ханские послы от Махмуда и заключили мир [ПСРЛ 1959: 219; ПСРЛ 1962: 122]. Это произошло в конце марта, или самом начале апреля. Согласно великокняжескому своду и Софийской I летописи, Великий князь Василий II вместе с сыном Иваном были во Владимире 31 числа, когда в Москве умер митрополит Иона [ПСРЛ 1851: 273; ПСРЛ 1959: 219; ПСРЛ 1962: 122]. Не исключено, что переговоры с ханскими послами были в тот же самый день. Согласно формулировке Владимирского летописца, Василий II тогда во Владимире “переведывался с Казанским” [ПСРЛ 1965: 135]. О причине размирья источники не сообщают. В Софийской I летописи сказано, что Василий II был во Владимире с сыном “за некую нужу, належашую тогда отъ Казани” [ПСРЛ 1851: 273]. Однако, инициатором военного конфликта был Василий II По предположению Ю. Г. Алексева, дело было в том, что он готовил служившего “царевича” Касима в будущие казанские ханы [Алексеев 1992: 75], чтоб он сменил Махмуда на казанском престоле в качестве московского ставленника. Однако, в отличии от своего сына Ивана Василий II не проявлял подобных намерений и наоборот, поддерживал с казанским ханом Махмудом союзнические отношения. Не исключено, что Василий II подозревал Махмуда в фактическом пособничестве большеордынской рати, осаждавшей в прошлом году город Рязань, находившийся в те годы уже фактически в сфере московского влияния.

Кроме того, Москва распространяла в те годы свое влияния на

расположенные вблизи от казанского ханства земли. В 1459 г. по приказу Василия II его воеводы совершили поход на вятскую землю, взяли два города — Орлов и Котельнич, а самих вятчан привели к присяге на верность ему, поставив их в вассальную зависимость от Московского княжества. Верный московской митрополии пермский епископ Иона укреплял свое влияние в Перми (что дало знать о себе в 1462 г, когда он окрестил местный княжеский род и поставил по всей епархии своих иереев). Не исключено, что к началу 1461 это привело к некоторому охлаждению отношению московского князя с казанским ханом. Однако, Махмуд не был заинтересован в военном конфликте с Василием II и через своих послов смог во Владимире добиться перемирия. И до самой своей смерти московского князя в марте 1462 г. между Московским княжеством и Казанским ханством сохранялись мирные отношения.

Политика Ивана III по отношению к казанскому ханству в период правления Махмуда

Вместе с тем, в марте 1462 г. Василий II умер от туберкулеза. Московское великое княжение досталось его старшему сыну Ивану. Согласно Устюжскому своду, молодой князь в “то же лето” послал устюжан, галичан и вологжан на черемисов, проживавших на севере Казанского ханства в бассейне р. Ветлуги. По словам Ю. Г. Алексева, московское княжество перешло к “стратегическому наступлению” на Казанское ханство. [Алексеев, 2011: 20]. В ответ черемисы вместе с казанскими татарами совершили нападения на устюжскую землю но устюжане догнали их и отбили полон [ПСРЛ 1982: 48-90]. Впрочем, поход русских войск на черемисов также не привел к значимым политическим результатам — Ивану III не удалось подчинить их своему влиянию и ослабить в Поветлужье ханскую власть. Таким образом, Иван III в первые же месяцы своего правления стал оказывать давление на приграничные земли Казанского ханства, но не добился в этом заметных успехов. Может быть поэтому известия об организованном им военном походе на черемисов не нашли отражения в современном московском и среднерусском летописании. (Согласно гипотезе Ю.Г. Алексева, это произошло потому что в Москве не было специального разрядного “ведомства”, “регистрававшего все походы” великокняжеских воевод [Алексеев 2009: 20]. Вместе с тем, стоит иметь ввиду, что великокняжеском летописании XV в отражались все военные кампании, имевшие с точки зрения московских властей существенное значение*. Кроме того, этот поход мог восприниматься современниками как закономерный результат

* Фактически забытым оказался в нем набег татар большой Орды на Коломенские окрестности 1454 г., отбитый великокняжеским воеводой Басенком, так как в сознании современников он был заслонен следующим татарским вторжением в те же края в 1455 г., отраженным на сей раз другим великокняжеским полководцем – князем Патрикеевым [Несин 2015: 126-132]

укрепления московского влияния в приграничных с Казанским ханством областях — Вятке, Перми.

Однако, в отличие от своего отца, Василия II Иван III в первые же годы своего правления не поддерживал с Казанским ханством мирных отношений а стремился подчинить его своему влиянию. Это выразилось не только в попытке подчинить себе его подданных - черемисов. В 1467 г. после смерти Махмуда он попытался посадить на казанском престоле своего ставленника — Касима. Из этого можно заключить, что, в отличие от своего отца он с самого начала был настроен к Махмуду враждебно и стремился подчинить себе его земли. Возможно это было связано с личными вкусами собирателя русских (и не только русских) земель. Но важно также иметь ввиду, что в отличие от своего отца, значительную часть жизни боровшегося за великое княжение, молодой великий князь не имел на Руси серьезных соперников, способных отнять у него московский стол, и поэтому мог увереннее приступать к подчинению своей власти сопредельных нерусских земель. К ним безусловно, не в последнюю очередь, относился такой сильный сосед как Казанское ханство.

Заключение

Таким образом, отношения казанского хана Махмуда с Василием II были в целом мирными. Пока Махмуд не стал ханом, он вместе со своим отцом Улу-Мухаммедом участвовал в грабительских походах на приграничные русские земли. В 1445 г. он по приказу отца совершил вместе с младшим братом Ягупом поход вглубь московских земель и в сражении под Суздалем победил войско Василия II под Суздалем. Василий был взят в плен и доставлен в Курмыш. Однако Махмуд, ставший к тому времени соправителем отца (а вероятно и фактическим правителем при умирающем, или сходящим с политической сцены родителе) через некоторое время отпустил московского князя. Формально с него была взята большая контрибуция, которая так и не была выплачена, что, впрочем не испортило их отношений. Махмуд, которому предстояло вскоре занять Казанский престол, очевидно, прежде всего хотел иметь по соседству со своим ханством правителя, с которым можно было поддерживать мирные отношения. Василий II на эту роль подходил по его мнению больше всего.

И в дальнейшем до самой смерти Василия Темного в 1462 г. между ними не было войн. Лишь дважды — в 1447 и 1461 г. дело чуть не дошло до военного столкновения. Но в оба раза они помирились (причем во второй раз инициатором перемирия был сам казанский хан). В 1456 г. Махмуд вместе со своими татарами в качестве московского союзника участвовал в походе на Новгород.

В 1460 г. по мнению одного летописца новгородский архиепископ даже,

по-видимому, пугал новгородцев новым московско-казанским вторжением, если те причинят вред гостившему у них на Городище Василию II.

Взаимоотношения Василия II с Махмудом также по-видимому поспособствовали развитию военного дела в московском служилом войске. В 1456 г в сражении под Русой москвичи вместе с татарами Махмуда совершили наиболее сложный маневр за всю военную историю Руси, при этом их тактика во многом напоминала ту, которую по отношению к ним самим за 11 лет до этого в сражении под Суздалем применил тот же Махмуд. И на собственном горьком опыте они поняли ее эффективность.

Между Московским княжеством Василия II и Казанским ханством Махмуда существовали хорошие торговые отношения. Между 1448 и 1461 гг московский митрополит Иона даже надеялся получить у казанского хана для своего слуги право на беспошлинную торговлю в Казани “рухлядью”, которая там считалась ценнейшим товаром.

Однако, новый московский князь Иван III в первые же годы своего правления стремился подчинить своему влиянию Казанское ханство. В 1462 г он отправил рать в поход на черемисов, но сделать их своими вассалами, или ослабить над ними ханскую власть он не смог. Этот поход впрочем, мог восприниматься современниками как закономерный результат усиление московского влияния в прилегавших к Казанскому ханству северных землях — Вятке и Перми. Однако, отличии от своего отца Иван III стремился посадить на казанский трон своего ставленника и, воспользовавшись смертью Махмуда, отправил в 1467 г в Казань служилого “царевича” Касима.

Литература

Алексеев, Ю.Г., Под знаменами Москвы. М.: Мысль, 1992.

Алексеев, Ю.Г., Походы русских войск при Иване III. СПб.: Издательство СПбГУ, 2009.

АИ, Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою комиссією. Т. 1. Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841.

Беспалов, Р. А., Белёвское побоище 1437 г. в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. Белёвские чтения. Вып. № 5. М., стр: 31-55, 2005.

Беспалов, Р.А., Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437-1445). В сб.: Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. № 5. Казань, – С. 53-70, 2012.

Вельяминов-Зернов, В.В., Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб.: Типография императорской академии наук, 1863.

Грибов, Н.Н., Русское городище второй половины XV в. из Нижегородской

округи. В сб.: Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. № 9. Н. Новгород, стр: 75, 2005.

Грибов, Н.Н., 2006. Нижний Новгород в XV веке. 2006 <http://www.rusarch.ru/gribov1.htm>

ДДГ, Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., Л.: Издательство АН СССР, 1950.

Загосин, Н.П., Спутникъ по Казани. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895.

Зимин, А.А., Витязь на Распутье. М.: Мысль, 1991.

Карамзин, Н.М., История государства Российского в 3-х книгах. Книга. II. СПб: Кристалл, 2003.

Каштанов, С. М., Очерки русской дипломатики. М.:Наука, 1970.

Кирьнов, И.А., Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький: Книжное издательство, 1961.

Кучкин, В. А., О Нижних Новгородах – “старом” и “меньшом”. В сб.: История СССР. Вып.. № 5 М, Стр: 231, 1975.

Лурье, Я.С., Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994.

Мельников, П.И., О старом и новом городах в Нижнем Новгороде. Труды IV археологического съезда в России. Т. I. Казань, стр. 185, 1884.

Несин, М.А., 2014. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. 18.06.2014 http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1

Несин, М.А., 2014а. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати. 12.03.2014 <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>

Несин, М.А., 2015. Воевода Федор Васильевич Басенок. 28.08.2015 http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4

ПЛ, Псковские летописи. Вып. № 1. М.: Наука, 1955.

ПЛ, Псковские летописи. Вып. № 2. М.: Наука, 1955а.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб.: Типография Леонида Демиса, 1863.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 16. СПб.: Типография Ф. Елеонского и К°, 1889.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 23. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 26. М., Л.: Издательство АН СССР, 1959.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 27. М., Л.: Издательство АН СССР, 1962.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.: Наука, 1965.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1982.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.: Языки русской культуры, 2000.

ПСРЛ, Полное собрание русских летописей. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000а.

Русский феодальный архив, Русский феодальный архив XIV - первой трети XVI века. М.: Языки славянских культур, 2008.

Сб Муханова, Сборник Муханова. Издание 2-е дополненное. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1866.

Седова, М.В., Ярополч-Залесский. М.: Наука, 1978.

Филатов, Н.Ф., Нижегородский край в русском летописании. Н. Новгород.: Издательство ННГУ, 2003.

Худяков, М.Г., 1991. Очерки истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань, 1923) М.: Инсан.

Чеченков, П.В., 2002. Нижегородский кремль XIV-XV веков. Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы второй областной научно-практической конференции 5-6 декабря 2001 года. Н. Новгород, стр: 115.

İSLAMİYET'TEN ÖNCE KUZEY HİNDİSTAN'DA ESKİ TÜRK VARLIĞI: KABİL TEGİN-ŞAHLARI VE ZABULİSTAN RÜTBİLLERİ

Feruz Cumaniyazova*

ABSTRACT:

The article considers the evidence of historical presence of Turks in Borth India, paying the main attention to the Tegin-Shah dynasty of Kabul, as well as to the Rutbils of Zabulistan. The data of Chinese sources are widely used. The author finally comes to conclusion, that the both dynasties were originating from the West Turkic Qaghanate, most probably through the Yabgu of Toharistan (620-750).

KEY WORDS:

Turks, North India, Tegin-Shahs of Kabul, Rutbils of Zabulistan, documents, evidence.

“Tarihi Kuzey Hindistan” tabiri tarihe ait literatürde muayyen bir coğrafi bölge adı geçmekte olup, burası hudutça bugünün Pakistan’ı, Kuzey-Doğu Afganistan ve Keşmir bölgesini kapsamaktaydı. Gandhara, Kabilistan ve diğer tarihi vilayetler bu bölgenin siyasi ve kültürel tarihinde başlıca yer tutmuştur. Bölge çok eski dönemlerde, özellikle, milattan önceki bin yıllığın sonlarına doğru ve miladin ilk yüzyılları, hem de Erken Orta Çağlarda çeşitli etnik topluluklar (esas olarak yerli Hint ve İranî, kısmen ise Türk toplulukları)nın kaynaştığı hudut olarak bilinir. Nitekim, Kuşanlar (m.ö. 2–m.s. 3 yy.), Kidaritler, Hionitler (4.-5. yy.) ve Eftalitler (5.-6. yy.) gibi Orta Asya asıllı, büyük ihtimalle, Türk menşeli hanedanların hükümlerinde dönemde bölgede adı geçen topluluklar arasında kültürel kaynaşmaların daha da hızlandığı görülmektedir.

Özellikle, 6. yüzyılın sonu – 7. yüzyılın başlarına doğru Hindikuş hem de ona komşu ve yakın hudutlarda, yani, Kabul vadisi, Zabulistan, Gazne, Gandhara, Keşmir gibi tarihi-kültürel bölgelerde yüz gösteren siyasî ve etnik süreçlerde Türklerin faal olmaya başladığı görülür [Esin 1972: 17-21]. Bu süreç, adı geçen bölgelerde kendi hakimiyetini yaymış bir Türk asıllı hanedan olan Kabul Tegin-Şahları (640-843) ve Zabulistan Rütbilleri (680-?) döneminde yine de hız kazanmıştır.

Konuya geçmeden önce meseleye çözüm getirecek mahiyetteki bir konu üzerine durmak yerinde olacaktır. Öncelikle, bu iki adı geçen hanedanın oluşumu, menşei ve siyasî tarihi ile ilgili pek çok biri diğerinden farklı görüşler öne sürülmüştür. O yüzden ilk önce bölgede Köktürk Kağanlığı hakimiyetinin yayılması meselesi üzerinde durmayı lazım görmekteyiz.

* Taşkent Devlet Şarkiyat Enstitüsü, Şark Elyazmaları Merkezi araştırma görevlisi, Özbekistan, Taşkent.
E-mail: feruza-j84@mail.ru

Bır kısım toprakları Kuzey Hindistan'ın bazı bölgelerini kapsayan Toharistan ve ona güney-doğudan komşu bulunan Kabül vadisindeki etnik süreçlerde Eski Türkler (özellikle, Köktürkler)'in faal katılımı daha çok onların buralarda siyasi yönden üstünlüğü ve onun doğurduğu göçler ile sıkı sıkıya bağlıydı. Bilhassa, Köktürkler 580'li yıllarda Toharistan, Kabülistan ve Horasan'ın büyük bir kısmındaki bir çok vaha devletçiklerini el atlına almıştı. Ama, adı geçen bölgelerin Kağanlık egemenliği altına alınmasına dair bilgiler kaynaklarda az veya dağınık halde kaydedildiği ve fazla incelenmediği için bu konuda sabit bir görüş yoktur.

Nitekim, Çin yıllıklarında Köktürk Kağanlığı'nın ilk askeri hareketleri beyan edilirken, Tu-jüe (Köktürk)ler buralarda egemen olan İ-ta (Eftalit)ler devletine galip geldiğine kısaca dokunulur ve mağlup devlete bağlı bölgelerin Kağanlık eli altına geçtiği kaydedilir [Бичурин 1950-1953: 229]. Orhun yazıtlarında ise Kağanlığın kuruluş yıllarının ilk dönemlerinde (6. yüzyılın son çeyreği) Köktürklerin güney-batıdaki toprakları Temir-Kapıg'a (Amuderya'ya) kadar ulaştığı dile getirilir [Tekin 2003: 38-39, 62-63].

Aynı tarihlerde olup biten olaylar hakkındaki bu tür bilgiler Arapça ve Pehlevi (Orta Fars) dilli kaynaklarda da mevcuttur*. Eğer yukarıda sunduğumuz delillere dayanırsak, bu durumu Köktürk Kağanlığı'nın Kabül ve ona bitişik bölgeleri kendine katmak için yaptığı askeri hareketleriyle bağlantılıdır, diye sayılabilir.

Tibetçe kaynaklarda da konuya dolaylı veya dolaysız olarak bazı ilişkili bilgiler bulunmakta olup, onlar arasında birer etnik ve coğrafi terim olarak geçen Drugu-Yul, yani "Türkler ülkesi/Türkistan" adı altında Batı Köktürk Kağanlığı'nın merkez toprakları – Yedisu ile beraber Toharistan ve Kabülistan'ın da anlaşıldığı ilgi çekicidir. Tarihi Kuzey Hindistan'ın bir kısmı olan Kabül vadisi ve ona kuzey-batıdan komşu olan Toharistan'ın bu dönemde Tibetlilerce "Türkler ülkesi" olarak tanıtılması herhalde buralarda Batı Köktürklerle bağlantılı iki hanedan – biri Toharistan Yabguları (620-750) ve ikincisi Kabülistan Tegin-Şahları (640-843) yönetiminde bulunması, her iki hanedan aracılığıyla bu toprakların Batı Köktürk Kağanlığı'na bağlı bulunması ve buralarda ahalinin belirgin bir kısmını Türk toplulukları oluşturduğu başlıca amili yatmaktadır [Uray 1979: 281].

Kabül Tegin-Şahları ve Zabulistan Rütbilleri tarihi en çok Çin kaynakları (T'ang

* Bu cümleden, Macaristanlı İranist J. Harmatta 569-570 yıllarında Köktürk Kağanlığı ve Sasanlılar İran'ı ortasında yüz gösteren anlaşmazlıklar hakkında yazarken, 575-580 yılları arasında Kabül ve Gandhara çevrelerinde Türk ordularının da hareket ettiğini vurgulayarak, buna delil olarak Arap şairi el-°Aşa (vefatı 622 yılı) tarafından 575-580 yılları arasında yazılan şirdé görülen 'Turkun wa Kābulu' (Türkler ve Kabül [halkı]) tabirini örnek gösterir. *Janos Harmatta, Boris Litvinsky, "Tokharistan and Gandhāra under Western Türk Rule (650-750)", History of Civilizations of Central Asia, Part III, Paris 1996, p. 368.* el-°Aşa (vefatı 622) kalemine mensup olan işbu şiir 7. yüzyılın başında en-Nebiğa ez-Zübeyni tarafından hazırlanmış divanında yer almıştır. *Şiirin tum metni Bak. Gerhard Doerfer, Türkische und mongolische Elemente in Neupersichen, Band II, Wiesbaden 1965, s. 490.* Örneğin, Sasanlılar İranı'nın ilk hükümdarları faaliyetini anlatan yarı masalsı "Karnameg-i Ardaşir-i Papagân" ("Ardaşir Papak oğlunun faaliyeti hakkında kitap") adlı eserde şu gibi bilgi geçmektedir: "O Rum ve Hindistan'dan vergi ve haraç talep etti ve İranşehr'i daha güzel ve daha ünlü yaptı. Ve Rum kayseri Şehriyar, Kabül ve Hindistan padişahi Tegin, Türk kağanı ve diğer ülkelerin hükümdarları onun sarayına lütuflu selamlar ile geldiler". *Книга деяний Ардашира сына Папака. Транскрипция текста, перевод со среднеперсидского, введение, комментарий и глоссарий О. М. Чунаковой, Москва 1987, с. 62-63, 83.*

Shu, Hsüen Tsang (629-645), Huei Chao (726), Wu-Kung (751-790)) bilgileri aracılığıyla öğrenilegelmiştir. Konuyu ilk araştıran J. Marquart, E. Chavannes gibi ünlü bilim adamları esas olarak işbu Çin kaynaklarına ve Müslüman (Arap, Fars) tarihî eserlerine dayanmışlardır [Marquart 1901; Chavannes 1903]. Özellikle, Çin yıllıklarında Wu-san Te-chin Shai şeklinde geçerek, Horasan Tegin-Şah şeklinde yeniden kurulan bu sülale yıllıklarda hep Tu-jüe (Köktürk) asıllı gösterilmiştir. Üstelik, sikkelerde Baktri yazısıyla uorsano takino þao, Pehlevi yazısıyla hwls'n tkyn MLK' şekillerinde geçer ve Çincedeki gibi Horasan Tegin-Şah olarak kurulmaktadır [Harmatta, Litvinsky: 377-378].

Son yıllarda Kuzey Afganistan'dan bulunan Baktrî yazılı onlarca dokümanların İngiltereli ünlü İranist N. Sims-Williams tarafından çözümlenmiş ve onların büyük bir kısmı Kabül bölgesine ait olduğu belirtilmiştir [Sims-Williams 2000: 346]. Özellikle, Baktrîce dokümanlarda Elteber, Tudun, Tarhan gibi Köktürk Kağanlığına özgü Türkçe ünvanların görülmesi onların Kabül Tegin-Şahları tarihi açısından araştırılmasını gerektirmektedir. Ayrıca, daha 1960'lı yıllarda Kabül ve civarlarından bulunan Baktrîce, Pehlevîce ve Eski Hintçe yazılı sikkelerde Tegin, Elteber, Tudun, Tarhan gibi Eski Türkçe ünvanların R. Göbl [Göbl 1967: 346] tarafından belirtilmesi ilgi çekicidir. Ancak, Göbl bu sikkeleri Türkler'le ilişkilendirmeye fazla eğilim göstermediğini de belirtmeliyiz. Bunun aksine E. Esin, S.G. Klyaştorıny, J. Harmatta Kabül sikkelerini Köktürklerle bağladığı görülmektedir [Esin 1972: 56-57; Kljashtorıny 2006: 450; Harmatta, Litvinsky: 377-378; Бобоëпов 2010: 32]. Sims-Williams'in bulguları ise bu konunun bir daha incelenmesini güncelleştirmektedir [Sims-Williams 2011: 15-26].

Kabül Tegin-Şahları tarihini aydınlatacak bilgiler Eski Hint dilli kaynaklarda da yer almıştır, ancak, onlar şimdiye kadar ilim alemine yeterince ulaştırılamamıştır. Örneğin, erken orta çağlarda toplanmaya başlayıp XIII. yüzyılda bir eser haline sokulan Keşmir bölgesi tarihine ait "Rajatarangini" (XII yy.) eseri Hint dilinde yazılmış bölgeye ait tek tarihî eser olup, eserde Türk yönetimi üzerine de bilgiler bulunmaktadır [Kings of Kashmira... 1879: 172, 177]. Bundan başka Ganeşa yazıtları diye bilinen ve son yıllarda çözümlenmeye başlayan Sanskrit (Eski Hint)çe yazılı epigrafik buluntular da adı geçen sülalelerle ilgili bilgileri barındırmaktadır [Kuwayama 1999: 68-70].

Kuzey Hindistan'ın Köktürkler'in eline geçmesine dair bilgiler en çok Çin yıllıklarında yer almaktadır. Örneğin, "Tang-shu" yıllığında kaydedildiğine göre, Batı Köktürk yöneticisi Tun Yabgu-Kağan (618630) döneminde Po-ssu (Fars / İran) ve Ki-pin / Kapisa (Kabül'ün kuzeyi) [Kuwayama 1999: 68-70] bölgesi Köktürkler tarafından işgal edilmiştir [Chavannes 2007: 52; Ekrem 2003: 161]. 627/629645 yıllarında Orta Asya üzerinden Hindistan'a giden Çinli rahip Hsüan-tsang 630'lu yıllarda Toharistan'dan Kabül vasıtasıyla Hint topraklarına ayak basarken, burada Tu-jüe (Aşina Türkleri/Köktürkler) hakimiyetinin yayılmakta olduğuna şahit olmuştur. 640'lu yıllarda rahip Hindistan'dan dönerken Kuzey Hindistan'daki vaha

devletçikleri arasında sadece Fu-li-shih-sa-t'ang-na (Kabülistan)'ın yöneticisi Tu-jüe (Köktürk)ler'den olduğunu şu tarzda dile getirmektedir:

“Fu-li-shih-sa-t'ang-na memleketinin 弗栗特薩儻那 çevresi doğu batı yönü olarak iki bin Li genişliğindedir. Kuzey güney yönü ise bin küsür Li genişliğindedir. Başkentinin adı Hu-pi-na'dır 苾那.

*Çevresi yirmi küsür Li dir. Toprak mahsulleri ve gelenekleri Jaguda memleketiyle 漕矩吒國 aynıdır, dili ise farklıdır. Havası soğuk iklimi ise serttir. İnsanların karakteri kaba ve saldırgandır. Hükümdarı Köktürk soyundandır. Triratna'ya 三寶 çok inanırlar, Budist kural ve ahlakını biraz öğrenmişlerdir” [Ekrem: 180-181].

İşbu kayıtlara ve diğer bölgelerdeki siyasi duruma dair Hsüan-tsang'ın notlarından belli olduğu gibi aynı sıralarda yakın ve komşu bölgelerden Gazne, Bamiyan, Kapisa ve Gandhara gibi birer vaha devletçikleri arasında sadece Kabülistan'da Köktürk asıllı yönetim bulunmakta, diğerlerinde ise yerel hanedanlar hüküm sürmekte idi.

Durum böyle olmakla beraber “Tang-shu” yıllığında ve mezkur Çin rahibinin kayıtlarında Kabül ve onun çevresinin Köktürk Kağanlığı eli altına geçmesine dair sunulan bilgiler arasında çelişki ortaya çıkmaz mı?” anlamında bir soru oluşur. Çünkü, buraların Kağanlığa katılması “Tang-shu” yıllığında Tun Yabgu-Kağan (618630) faaliyetiyle ilişkilendirilirse, Hsüan-tsang kayıtları 640'lı yıllarda tüm bölge değil, sadece Kabülistan civarında Köktürk hakimiyeti yayıldığından haberdar eder. Bizce, “Tang-shu” yıllığındaki bilgiler daha sonradan toplandığı için anakronizme yol açılmıştır. Yani, Tun Yabgu-Kağan'ın nesilleri, daha doğrusu Toharistan Yabguları (620-750) tarafından Kuzey Hindistan'da gerçekleştirilen istila hareketleri onun işi gibi gösterilmiş olabilir.

Halbuki, mezkur huduttaki Ki-pin / Kapisa, Gazne ve diğerleri yönetiminde bulunan yerel hanedanlar üzerinden Tun Yabgu-Kağan kendi nüfuzunu (hegemonluğunu) yaymış olmasına rağmen, işbu devletçikler daha Kağanlığ'ın birer vasallarına dönüşmemiş, aksine, belli bir süre kendi yerel yönetimini korumuş gibi görünmektedir. Nitekim, Hsüan-tsang “Fu-li-shih-sa-t'ang-na memleketinin ... Hükümdarı Köktürk soyundandır” şeklinde sunduğu kayıt adı geçen rahibin Kuzey Hindistan topraklarına ayak bastığı tarih – 630'lu yılların ilk senelerine değil, 645 senesine denk gelir. Bilhassa, mezkur rahip Kuzey Hindistan topraklarına yetiştiği tarih – 630 yılında Tun Yabgu-Kağan vefat bulmuştu. Demek, Köktürk Kağanlığı'nın Kabülistan ve çevresini Kağanlığa ilhak hareketlerine 640'lı yıllarda başlamıştır ve bu hareketin başında Tun Yabgu-Kağan'ın Toharistan'daki nesilleri

* Bu şehrin adını St. Martin, Hupian veya Opian şeklinde çevirirken, Cunningham ise Kophene olarak tercüme etmiştir ve Kabil olduğunu ortaya koymuştur. Julien bu şehri Gazne'nin 40 mil kuzeyinde bulunan Vardak veya Wardak olduğunu tespit etmektedir. Hupian bugünkü Charikar (K. 35°2', D. 69°1') adlı bölgenin biraz kuzeyindedir ve Pamguan dağının kuzeydoğu geçidinin girişindedir. Chou Lien-k'uan bu görüşlerin Hsüan-tsang'ın bahsettiği mesafe ile uymadığını ortaya koyarak bu şehrin Kabil nehrinin yukarısında bulunan Kastam Khel olduğunu iddia etmektedir (Erkin Ekrem, a.g.e., s. 180, not. 3).

– Yabgular hanedanı bulunmuştur dememizde esas vardır. Aynı bu tarihlerde Batı Köktürk Kağanlığı'nın merkez hudutları olan Yedisu'da taht kavgaları başlamış, Batı Köktürk yöneticilerinin kendileri ise Kuzey Hindistan ve Horasan'daki toprakları ele geçirme hareketında doğrudan doğruya önderlik yapmaya imkan bulamadığı bir durum ortadaydı.

Buna benzer durum Gandhara'da da göze çarpar. Özellikle, bazı araştırmacıların vurguladıklarına göre, Batı Köktürk Kağanlığı tarafından yapılan ilhak hareketleri sırasında, yani, 625 yılında buranın Xingil hanedanına mensup II. Narendra Tun Yabgu-Kağan'ın üstünlüğünü kabul ettiği için kendi tahtını koruyabilmiştir [Harmatta, Litvinsky: 373]. Araştırmacıların bu görüşü daha çok delillere mühtaç olduğunu vurgulayarak şunu belirtmek isteriz ki, Hsüan-tsang Hindistan'ın iç bölgelerinden dönerken Gandhara'da yerel hanedanın mevcut olduğuna şahit olmuştur. Böylece, bu sıralarda Kabülistan müstesna, buraya komşu devletçiklerde, özellikle, Kapisa ve Gandhara'da Batı Köktürk Kağanlığı üstünlüğünü kabul eden yerel hanedanlar yönetimi kısa bir süre devam etmiştir.

Gerçi bu durum uzun sürmese de çoğunluk araştırmacılar arasında Kuzey Hindistan'daki siyasi durum, yönetici kesimin menşei, nerelerde yerel hanedanlar, nerelerde Köktürk asıllı hanedanlar hüküm sürdüğü konusunda biri diğerini reddeden görüşleri bildirmişlerdir [Gibb 1930: 4-9; Göbl.: 346]. Özellikle, birçok araştırmacının 640-843 tarihleri arasında Kabil merkez olarak hemen hemen tüm Kuzey Hindistan'ı yöneten hanedan – Kabil Tegin-Şahları'nin etnik menşei üzerine yaptığı iddiaların çelişkili olduğunu söyleyebiliriz. Keza, bazı araştırmacılar işbu hanedanı Kuşanlar'a, bir kısım araştırmacılar Eftalitler'e, diğerleri ise yerel topluluklara ve s. bağladığı göze çarpmaktadır [Dani 1995: 71; Давыдов 2001: 17].

Kıyası, Eftalitler döneminde Tegin ünvanlı bir prens tarafından yönetilen Kuzey Hindistan'da 640'lı yıllara gelince, merkez olarak Kabül'de kendi hanedanını kuran Köktürk asıllı bir prenslik oluşmuş ve onun yöneticileri de Tegin veya bir Türk-Fars ünvanlarının karışması olan Tegin-Şah ünvanını taşımışlardır. Adı geçen hanedan temsilcileri işbu ünvanı Eftalitler'den doğrudan doğru almış veya tersi olduğu gelecekte halledilmesi gereken bir meseledir.

Dönemin Çince, Pehlevi, Arapça, Hintçe ve Baktrîce kaynaklarında Tegin-Şah, Türk-Şahı, Kabil-Şahı, Horasan Tegin-Şahı ve diğer adlarla bilinen işbu hanedan bölgede ta 843 yılına kadar, yani, hanedana yerel Hintliler son verinceye kadar yaklaşık 200 sene zarfında siyasi üstünlük sağlamıştır. Böylece, Kuzey Hindistan'daki Köktürk varlığını adı geçen hanedan faaliyetiyle ilişkilendirebiliriz.

Kabil Tegin-Şahları hanedanı mensupları Kabilistan ve çevrelerinde bir çok mimari inşaatler, özellikle, Budist tapınaklar yaptırmışlardır. Çinli seyyah Huei-ch'ao 727 yılında buradan geçtiğinde Gandhara'daki Köktürk hükümdarının babası ve onun ordusu Kapisa'lı olduğuna tanık olduğunu kaydeder [Бернштам 1952: 189; Esin 1978: 243]. Başka bir Çinli rahip Wu-k'ung 753 yılında burada

bulunduğu sıralarda buranın Budist Köktürk hükümdarı tarafından inşa edilen T'e-ch'in Şa (Tegin-Şah) tapınağı ve Köktürk asıllı prenses Ko-ho-tun (Hatun) tarafından inşa edilen Hatun tapınağını görmüştür [Бернштам: 189; Ekrem: 161].

Tegin-Şah hanedanının kültürel faaliyetiyle ilişkili bugünün Pakistanı'nın kuzey-batısından ve Kunduz (Kuzey Afganistan)'dan bulunan Toharistan Yabguları (630-750) dönemine ait olup, J. Haskin tarafından “çekik gözlüler” (Mongoloid) adı verilen heykeller grubu [Esin: 47] da Eski Türkler, daha doğrusu Köktürklerle bağlantılı kültürel yadigarlıklardır. İlginç tarafı Kabil Tegin-Şahları tarafından yaptırılan mimari abideler ve heykellerin bir kısmı geçen yüzyılda yeniden keşfedilmiştir. Örneğin, Kabil şehri yanında 6.-8. yüzyıllardan kalma Top-dara stupası, gene Kabil etrafında aynı yüzyıllara ait Musai stupası ve Şevaki'deki minareye benzeyen Budist abidesi (Minar el-Çakari) bunun örnekleridir [Esin, a.g.e., Levha XII]. Kabil kuzeyinde 689 senesinden sonra inşa edilen Fundukistan Budist manastırında Orta Asya tarzında boyalı toprak ve duvar resmi bulunmuş, heykelin Eski Türk kıyafetindeki bir ileri gelen ve Hintli kıyafetinde bir hatun tasviri yan yana oturduğu anlaşılmıştır [Esin, a.g.e., Levha XIII].

Şimdiki Afganistan'ın merkez toprakları, daha doğrusu, güney-batı istikametinde yaslanan ve Gazne, Kandehar gibi eski tarihi şehirleri içererek, çok kadim tarihlerin Yunanca Arahosia, Arap kaynaklarında Ar-Ruhac adlarıyla maruf olan Zabul veya Zabulistan bölgesinde 7. yüzyılın sonu – 8. yüzyılın başlarında Türk asıllı hanedanın yönetimde bulunduğu ve Kabül'ün Tegin-Şahları'na soyca bağlı olduğunu pek çok yazılı kaynaklar teyit etmektedir. Çince ve Arapça kaynaklardan hem de nümismatik malzemelerden yola çıkarak işbu hanedan yöneticilerinin Köktürkçe Rütbil/Elteber ünvanına sahip olduklarını öğreniyoruz. Buna dayanarak adı geçen hanedanı Zabulistan Rütbilleri sülalesi diye adlandırmayı makbul buluyoruz.

Buna rağmen bazı edebiyatlarda işbu hanedanın menşei ve taşıdıkları ünvanın asıl şekli konusunda farklı görüşler ortaya atılmışlar ve bu tartışma hala devam etmektedir.

Mezkur meseleye duraklamadan önce Zabulistan Rütbillerinin yönetime başlamaları hangi tarihe denk geldiği ve işbu hanedanın oluşumu ne gibi bir süreçlerin eseri olduğu sorununa dokunmak istiyoruz. Yukarıda da belirttiğimiz gibi işbu hanedan Kabülistan Tegin-Şahları'nın bir dalı olduğunu gösteren deliller bulunmaktadır. Nitekim, Arapça kaynaklarda 680 yılında Kabil tahtı için sürtüşmeler sürdüğü bir sırada şehzadelerden birinin Kabül'den güneyde bulunan Zabul'a kaçtığı kaydedilir [Inaba 2005: 2]. Bu bilgi ve diğerlerinden yola çıkılırsa, Kabülistan Tegin-Şahların'dan olan işbu şehzadenin sonuçta bağımsız bir yönetim kurması sağlanmıştır. Başlangıçta Kabül'e bağlı olan Zabulistan hanedanı zaman geçtikçe müstakil bir prenslik makamına ulaştığı, hatta, Tegin ünvanı alma davasında olduğunu ve bunu başardığını kanıtlayan bilgiler görülür. Demek, 7. yüzyılın son çeyreğinde Zabulistan'da Köktürk asıllı bir hanedan kurulmuştur

dememiz için kaynaklar kafi gelmektedir. En zirveye ulaştığı sıralarda işbu hanedan eli altında Seistan, Ar-Ruhaj (Arahosia), Ed-Davar ve Bust vilayetleri bulunmuştur.

Tarihi Kuzey Hindistan coğrafi yönden ne kadar bağımsız bir ülke olmasına rağmen siyasal ve kültürel yönden hep komşu bölgelerle irtibatlı olmuştur. Özellikle, Kabul ve Zabulistan'ın adı geçen Türk asıllı hanedanları Toharistan Yabgularıyla sıkı sıkıya bağlı bulduklarını gösteren deliller vardır. Bilhassa, bir Çin ansiklopedisi olan Ce-fu Yüan-kui adlı eserde Toharistan'ın Türk yabgusu eli altındaki küçük prenslikler arasında Si-yü (Zabulistan)'ın adı geçer [Harmatta, Litvinsky: 371; Chavannes: 259]. Bununla beraber, 719 yılında Çin sarayına giden Toharistan Yabgusu'nun biraderi Aşina Te-le Pu-lo (Tegin Buğra)'nın imparatora arz mektubunda da Si-yü (Zabulistan) hükümdarı iki yüz bin süvari ve askerlere önderlik yaptığı ve bu memleketin de onun cetlerine ait olduğu söylenmiştir [Chavannes: 259].

Zabulistan'ın Türk asıllı yöneticileri Arapça ve Farsça kaynaklarda Rütbil veya Znbil/Zunbil biçimlerinde olarak geçer. Burada işbu terim üzerine kısaca durmak istiyoruz. Çoğunluk araştırmacılar adı geçen terimi dönemin siyasi durumundan yola çıkarak Rütbil veya Znbil/Zunbil teriminin nokta değişimine ya da diğer özelliklerine dayanarak Kağanlığa özgü Eski Türkçe Eltabâr ünvanının değişime uğramış bir versiyonu sayarlar [Bombaci 1970: 59; Rehman 1988 : 180].

Araştırmacılar arasında işbu sülale ile ilişkili gene bazı sorunlar vardır. Xing Tang-shu ("Yeni Tang hanedanı Tarihi") eserinde görüldüğü gibi Xian-tsin saltanatı döneminde (656-660) [Zabulistan] adı He-to-lo-çi olarak değiştirilir [Ekrem: 177]. Yaklaşık iki yüzyıldır işbu terim üzerine araştırmacılarca pek çok görüşler bildirilmiş olsa da hala kesin bir karara varılmamıştır. Örneğin, 20. yüzyılın başlarında konuya eğilen E. Chavannes He-to-lo-çi terimini Müslüman kaynaklarındaki Ar-Ruhac ile denkleştirmişse, L. Petech onu bir Türk boyu adı olan Halaç etnonimiyle birleştirir [Chavannes 1903: 132; Petech 1964: 287-294]. Son yıllarda Japon bilgini Y. Yoshida adı geçen kelimeyi Nizek-Şah sikkelerinde yer alan Hintçe "kharalāca" sözü ile bağlamayı ve onu Türk boy adı Halaç'ın Hintleşmiş versiyonu olarak nitelendirir [Inaba: 1-19.]. Bu görüş sonradan gene bir Japon bilgini M. Inaba tarafından geliştirilmiş ve birkaç delil ortaya atılmış ise de, ancak, hala tam bir destek bulamamıştır.

Bu konu üzerinde duran J. Harmatta ve B.A. Litvinskiy He-to-lo-çi teriminin Ar-Ruhac ile birleştirilmesine karşı çıkarlar ve ilk terimin 656 ve 660 yılları arasında Tang sarayı ile bağlantılı kayıtlarda görüldüğünü, Arap kaynaklarındaki Ar-Ruhac'a ise 10. yüzyıldan önceki dönemlerde rastlanılmadığını öne sürerler. Böylece, onlar Ko-ta-lo-chih adının Türklerin hükümdar sülalesinin adı olarak nitelendirdikleri *Qarılacî biçimini makbul bulurlar [Harmatta, Litvinsky: 378 -379]. Ancak, onların bu görüşünü destekleyecek herhangi bir delil bulunmuyor. Özellikle, onların yeniden kurdukları *Qarılacî adına kaynaklarda

denk gelinmiyor.

Bu bilgilerden de görüleceği gibi az araştırılmış olması ve kaynakların yetersizliği yüzünden bu dönem Zabulistan tarihinin pek çok yönleri karanlık kalmaktadır. Bu durum nümismatik malzemeler için de geçerlidir. Mesela, R. Göbl'ün incelediği Hindukuş dağının güney bölgelerinden bulunan nučky MLK'=Nizek-Şah sikkelerinde pek kıymetli bilgilere rastlanılmaktadır [Babayarov, Kubatin 2013: 109-120]. Onlardan birinde şu gibi Brahmi (Eski Hint) yazılı cümle bulunmaktadır:

Śrī hitivira kharalāva pārameśvara śrī vahi tigina devakāriṭaṃ

İşbu tabirlerdeki ikinci kelime hitivira H. Humbach'a göre, Türkçe ünvan Elteber (iltābār)in Orta Hintçe şeklidir. Eğer Eski İran dilleri ve yazıları uzmanı N. Sims-Williams'in Kağanlık dönemi Baktrî dilli belgelerde bulunduğu υλιτοβηρο (hilitber) kelimesini iltābār biçiminde okuduğuna bakılırsa Humbach'ın bu görüşünün büyük bir ihtimal olduğu ağırlık kazanır.

Xin Tang-shu geçen bilgilere göre, Si-yü (Zabulistan) hükümdarına xie-li-fa ünvanı verilmişti. İşbu ünvanı Mori Baktrîce belgelerdeki υλιτοβηρο ve Brahmi yazılı sikkelerdeki hitivira ile birleştirmekte ve onları Eski Türkçe Elteber ünvanının diğer dillerdeki biçimi olarak kabul etmektedir. Adı geçen araştırmacıya göre, işbu ünvan sahibi Ho-to-lo-çi Elteberi ile aynı şahistir.

Bununla beraber, Ce-fu Yuan-gui eserinin 971 bölümünde Zabulistan'dan da Kai Yuan çağının 9. ayında (720 yılı) Çin sarayına gönderilir. İşbu eserin diğer bir bölümünde 964. bölümde ise Tang imparatoru Gi-bin'e elçi gönderdiği ve imparator Gi-bin prensine Karadaçı Tegin ünvanını sunduğu ve Zabulistan hükümdarını Karadaçı Tegin olarak tayin ettiği hakkında kayıtlar görülür [Kuwayama: 54.].

Tang-shu yıllığının Zabul bölümünde Tu-jüe (Köktürkler), Kapisalılar ve Toharlar Zabulistan'ın merkezinde beraberce yaşamaktadırlar diye geçer [Chavannes: 216]. 710'lu yıllarda Gi-bin Zabulistan ile mühkem ilişkide olup, o kendi topraklarını Araplar'dan korumak için askeri yardım almaktaydı. 710 yılından sonra ise Zabulistan hükümdarı Gi-bin'den bağımsız yönetimi elde etmiş gibi gözüküyor. Çünkü, Çinli rahip Huei-Chao'ya göre, 726 yıllarına doğru Gi-bin ve Zabulistan'ın hükümdarı ve ordularının tümü Tu-jüe (Köktürk)ler'den müteşekkildi. Zabulistan yöneticisi Gi-bin hükümdarının yeğenydi hem de her iki prensliğin yöneticilerinin babaları kardeşlerdi.

Kaynaklardaki tam olmayan bilgilere dayanarak şu gibi görüşe varılabilir: Gi-bin'in yöneticisi kendi yeğenini ancak 710 yılından sonra Zabulistan prensi olarak tayin etmiş, onlar arasındaki anlaşmazlık ise 726 yılında çıkmıştır. "Tongdian" eserindeki bilgiler ise Kai-Yüan çağının on ikinci yılı onuncu ayında (724 yılında) Zabulistan'dan Çin sarayına elçiler gönderildiği vakit burayı Tegin ünvanlı hükümdar yönettiğine delalet eder [Chavannes: 264].

Kuzey Hindistan'daki her iki Türk asıllı yönetici hanedanlar arasındaki Çin yıllıklarında geçen bilgileri diğer dillerdeki kaynaklar da tespit etmektedir. Örneğin,

et-Taberi'ye göre, ağabeyi olan Kabül-Şah ile aralarında nifak yüz gösterince, kardeşi Rütbil Zabulistan'a kaçmış ve bu olay Halife Muaviye döneminde (661-680) olup bitmiştir [Kuwayama: 62]. Görülüyor ki, onun verdikleri bilgileri Hüei-Chao'nun kaydettiği bilgiler de doğrulamaktadır. Diğer bir Arap tarihçisi Belazuri de aynı yıllarda Rütbil Zabulistan, Ar-Ruhac ve Bust üzerinden hüküm sürdürdüğünü yazmaktadır.

Böylece, işbu bilgilerden şu gibi kısaca bir sonuca ulaşılabilir: Rütbil Kabül-Şah'ten kaçır ve yaklaşık 680 ve 683 yılları arasında bir ara Arap kumandanı Selim Bin Ziyad eline geçtikten sonra 683 yılından sonra o Kandeher topraklarında bağımsız bir yönetim kurmayı başarır.

Belazuri'nin kayıtlarına göre, Zabulistan hükümdarı Rütbil Seistan valisi Abu el-Efra tarafından 686/687 yılında öldürülür. Yakubi'ye göre ise onu Abdullah İbn Umeyye öldürür. 693/694 yılında Rütbil Abdullah Bin Umeyye'ye karşı savaşmıştı. Rütbil yedi veya sekiz yıl sonra öldürülmüştü. Demek, adı geçen Arap tarihçilerinin kaydettiği Rütbil aslında işbu ünvanı taşıyan ve farklı yıllarda hüküm sürdüren ayrı ayrı hükümdarlardı.

Birinci Rütbil 686/687 ve 693/694 yılları arasında yönetimde bulunmuşsa, işbu senelerden sonra bir diğeri hükümdarlık yapmıştır. Yukarıdaki bilgilere dayanarak şu gibi sonuca varılabilir. 7. yüzyılın son çeyreğinde Kabül-Şah ve Birinci Rütbil kardeşlerdi, Kabül-Şah ise İkinci Rütbin amcası idi. Yani, 726 yılına doğru Kabül-Şah Zabulistan hükümdarının amcasıydı. İkinci Rütbil, Birinci Rütbil vefatından sonra 690'lı yıllarda tahta çıkmıştı. Maalasef, 720 yıllarına kadar Zabulistan tahtına tam olarak gelip giden yöneticilere dair tatmin edici kesin bilgiler bulunmamaktadır. Sadece, 720 yılında Tang imparatoru Zabul prensi Karadaç Eltebere (elçi?) gönderdiğine ait bilgiler bulunur. Büyük ihtimalle, Karadaç Elteber İkinci Rütbil ile aynı şahıs olabilir.

Ce-fu Yuan-kui eserinde sunulan bilgilere göre ise Kai-Yüan çağının 26. yılı 10. ayında imparator Huan-Zong Shi-yu (isimli) (Zabul) hükümdarının oğlunu babasının ölümünden sonra buranın yeni yöneticisi olarak tayin eder. İşbu fermanla Zabulistan'ın yeni prensi Rumofuda olarak dile getirilmiş olup, onun ismi araştırmacılar tarafından *djawul-fradar>djawul-frataraka şeklinde asıl halinde yeniden kurulur. Y. Yoshida işbu tabir altında "Zabul naibi" anlamı saklanır diye yazmaktadır [Kuwayama: 64]. Demek, burada biz iki Zabul prensi ismine rast ediyoruz: 720 yılında imparatorun fermanına göre adanan Shi-k`u-erh (büyük ihtimalle II. Rütbil) ve 738 yılındaki Shiyu. İlginç tarafı, her iki ad da yerel aslı Zabul (<*dhayul/dhawul) adına eşit olan isimlerdir. Böylece, adı geçen ve Shi-k`u-erh shiyu ve II. Rütbil aynı şahıslar olmalıdır.

Böylece, kısaca dokunduğumuz yazılı kaynaklar bilgilerine ve araştırmacıların görüşlerine dayanarak, Erken Orta Çağlarda Kuzey Hindistan ahalisi Hint ve İranlı topluluklarla beraber belirgin bir şekilde Türk topluluklarından oluştuğu ve onların burada daha çok yönetici ve askeri güç olarak kendini hissettirdiği,

yönetici hanedanlar kurarak yaklaşık iki yüzyıl boyunca bölge halkları arasında yüz gösteren siyasi, etnik ve kültürel hayatta önemli bir rol oynadıklarını bir daha tespit etmiş bulunuyoruz.

Özellikle, 640-843 yılları arasında Kabül Tegin-Şahları adıyla bilinen hanedan Kabil merkezli bir yönetim kurarak, ayrı bir prenslik sıfatıyla Gandhara, Keşmir, Zabulistan ve s.leri el altında bulundurmıştır. Zabulistan Rütbilleri diye adlandırabileceğimiz ikinci bir hanedan ise Kabil Tegin-Şahları'nın bir kolu olarak Zabul, Kandeher, Gazne, Bust ve s. topraklarda yönetimde bulunmuştur.

Her iki hanedan menşece Batı Köktürk Kağanlığı'na bağlanmaktadır. Büyük ihtimalle bu bağlantı Aşina asıllı Toharistan Yabguları (620-750) aracılığıyla. Yani, menşeci Batı Köktürk hükümdarı Tun Yabgu-Kağan'a ulaşan Toharistan Yabgularının Kuzey Hindistan'da sürdürdüğü istila hareketleri sonucunda Kabil'de bir hanedanlar kurulmuş ve onlar Köktürk hanedanından geldikleri için Tegin ("şehzade") ünvanını miras almışlardır. Bu hanedanların Köktürk asıllı olduklarını yazılı kaynaklar, nümismatik malzemeler ve taşıdıkları Kağanlığa özgü ünvanlar (Tegin, Elteber, Hatun, Tarhan ve s.) da ispat etmektedir.

Литература

Esin, E., "Tös and Moncuk. Notes on Turkish flag-pole finials", *Central Asiatic Journal*, Vol. XI, Wiesbaden, 1972.

Бичурин, И., *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. Т. I. Москва-Ленинград, 1950-1953.

Tekin, T., *Orhon yazıtları*. Kül tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk, İstanbul, 2003

Uray, G., "The old Tibetan sources of the History of Central Asia up to 751 A.D.: Survey", *Prolegomena. The sources of history of Pre-Islamic Central Asia*, Edited by J. Harmatta, Budapest, 1979.

Marquart, J., 1903. *Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci*, Berlin 1901; Edouard Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux* (Сборник трудов Орхонской экспедиции, Вып. 6), Санкт-Петербург.

Harmatta, J., Litvinsky, B., a.g.m.

Sims-Williams, N., *Bactrian Documents from Northern Afghanistan I. Legal and Economic Documents*, Oxford, 2000.

Göbl, R., 1967. *Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*, Band I. Wiesbaden 1967.

Esin, E., "Butan-I Halaç (M.VIII.-X yüzyıllarda Halaç kültürünün sanat eserlerinde akisleri)", *Türkiyat Mecmuası*, Cild XVII, İstanbul, 1972.

Kljashornyj, S.G., "Al-Bīrūnī's version of an Old Turkic genealogical legend. On the semantics of Turkic baraq", *Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии*, Санкт-Петербург, 2006.

Бобоёров, Г., «Бактрий хужжатларида Турк хоқонлиги тарихига доир

янги маълумотлар», Ўзбекистон тарихининг долзарб масалалари Ёш олимлар нигоҳида: асосий йўналишлари ва ёндашувлар, Республика Ёш олимларининг анъанавий иккинчи илмий конференцияси материаллари тўплами, Тошкент, 2010.

Sims-Williams, N., 2011. “Turks and other peoples in the Bactrian documents”, Ötüken’den İstanbul’a Türkçenin 1290 Yılı (720-2010) – From Ötüken to İstanbul, 1290 Years of Turkish (720-2010). 3-5 Aralık, İstanbul / 3th – 5th December 2010, İstanbul.

Kuwayama, Sh., “Historical notes on Kapisi and Kabul in sixth-eighth centuries”, Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, 1999, No. 34. Part 1, Kioto.

Hsüan-tsang’ın sunduğu Jia-pi-shi (Kapisa) tüm Kafiristan (Nuristan / Afganistan) toprakları ve Gurbend ile Pançşir nehri hududunu kapsar. Şimdiki Begram topraklarında Kapisa ülkesinin başkenti yer almıştır. Çin’de Tang imparatorluğu dönemine gelince işbu ülkenin adı Ji-pin / Ki-pin olarak adlandırılmaya başlamıştır (Анатолий Малявкин, Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования, Новосибирск 1989.

Chavannes, E., Çin yıllıklarına göre Batı Türkleri, İstanbul, 2007.

Ekrem, E., Hsüan-Tsang Seyahetnamesi’ne göre Türkistan, Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü (Basılmamış doktora tezi), Ankara, 2003.

Gibb, H.A.R., Orta Asya’da Arap fütuhâtı, İstanbul, 1930.

Dani, A., Peshawar: Historic city of the frontier, Lahor, 1995.

Давыдов, А.Д., «Топонимика Афганистана как исторический источник», Восток (Oriens), №2, Москва, 2001.

Бернштам, А.Н., «Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726)», Вестник Древней истории, № 1, Москва, 1952.

Esin, E., İslâmiyetten önceki Türk Kültür târîhi ve İslâma Giriş, İstanbul, 1978.

Inaba, M., “The Identity of the Turkish Rulers to the South of Hindukush from the 7th to the 9th Centuries A.D.”, Zinbun. Annals of the Institute for Research in Humanities, 2005, No. 38, Kioto.

Bombaci, A., 1970. “On the ancient Turkic title *Eltäbär*”, Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, Ravello 26-30 september 1966, Napoli.

Rehman, A., The Last Two Dynasties of the Şâhis, New Delhi, 1988.

Petech, L., “Notes su Kapisi e Zabul», Rivista degli Studi Orientali, Vol. 39(4), Roma, 1964.

Babayarov, G., Kubatin, A., 2013. Coins of the Turkic Tegin-shah dynasty of Kabul and Gandhara // Altaistics and Turkology, 4/2013.

ХРИСТИАНСКОЕ ВОИНСТВО КРЫМСКОГО ХАНСТВА
CHRISTIAN ARMIES OF THE CRIMEAN KHANATE

Пилипчук Ярослав Валентинович*

ABSTRACT:

This paper deals with the issue of Christians in the history of the Crimean Khanate. The novelty of this study lies in the fact that the researcher gives a general overview of the state of the Christian troops in the service of Gherays. The task of this étude is characteristic of relations between the Cossacks and the Christian minority of Crimea with Gheray dynasty. Greeks, Goths and Armenians were perceived as subjects of Crimean Khanate and the militia of them convened in the case of necessary danger. They were foot militia armed with firearms. Don Cossacks maintain close ties with the most Gherays. During the uprising of Stepan Razin he corresponded with the Crimean khans. On the territory of the Crimean Khanate migrated Russian Staroobryadtsy after Nikonian split. Russian immigrants settled in Kuban. The Cossacks were organized in otdelnoe army of Ignat Nekrasov. Crimean Tatars and the Turks called the Kuban Cossack as Ignat. Nekrasovtsy took part in the raids Crimean Tatars on Russian lands and in the wars in the North Caucasus. The outcome of the Russian population has strengthened nekrasovtsev during Kondrat Bulavin rebellion. Nekrasovtsy and Bulavintsy faithfully served Giray. Right-bank Cossacks were Giray Khan on the territory of Ukraine in the XVII century. After Karlovitski peace capital of Khanska Ukraine was in Dubossary in Transnistria. Until 1709 number of Ukrainians in territories of Gherays was negligible. Russian invasion in Hetmanshchina and the destruction of Zaporizhzhya Sich in 1709 led to the migration of a significant number of Ukrainians on the territory of the Crimean Khanate. Ukrainians-Mazepians and Zaporizhzhya Cossacks took Swedish citizenship, and with 1712-1713 years become subjects to the Crimean Khanate and the Ottoman Empire. Don Cossacks, Nekrasovtsy, Zaporizhzhya Cossacks were in a similar position Nogai hordes. They took part in the wars of Gherays and paid tribute. The policy of the Russian Empire during the reign of Anna Ivanovna to the Ukrainians were more loyal than under Peter I. Restoration of Hetmanshchina during the reign of Elizabeth I sympathy of Zaporizhzhya Cossacks led to the Russian authorities. Anti-Russian sentiment among the Cossacks have appeared during the reign of Catherine II. This is due to the transition to the side of Russian Cossacks. On the Crimean khanate found shelter Haidamaks, as well as on the side of the Crimeans passed some Zaporizhzhya Cossacks.

KEY-WORDS:

Gherays, Zaporozhian Cossacks, Nekrasovtsy, Don Cossacks, Crimean Khanate.

Одним из интереснейших аспектов истории Крымского ханства является история христиан в государстве в целом и войске крымских татар, в частности. В данной статье предметом исследования является служба запорожских, донских, булавинских и некрасовских кубанских казаков в войске Крымского

* Младший научный сотрудник Отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук. E-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

ханства, а также история участия греков и готов в войнах Крымского ханства.

Вопросам истории булавинцев и некрасовцев посвящены многочисленные статьи Д. Сеня [Сень а; Сень б; Сень 1999; Сень 2006; Сень 2008а; Сень 2008б; Сень 2009а; Сень 2009б; Сень 2010; Сень 2011а; Сень 2011б; Сень 2011в; Сень 2013а; Сень 2013б]. А.Середа, О. Кульчинський, В. Мильчев [Середа 2008; Кульчинський а; Кульчинський б; Кульчинський 2013; Мильчев 2005; Мильчев 2009; Мильчев 2011] и Т. Чухлиб [Крим 2014; Чухліб 2008; Чухліб 2011] же занимаются преимущественно вопросами истории Ханской Украины и запорожцев под властью Крымского ханства. Касательно истории так называемых татов в Крымском ханстве есть исследование О. Бубенка [Бубенок 2013: 5-15].

Необходимо отметить, что сторонниками Крымского ханства были еще в 1660-х гг., в частности, С. Опара и П. Суховиенко. Им противостоял П. Дорошенко, который присягнул на верность Османам. Однако сама идея зависимости от мусульман среди украинцев не была популярна, да и на территории, вассальной по отношению к туркам и татарам, не было стабильности. После перехода П. Дорошенко к русским, правителем был назначен Ю. Хмельницкий. Однако его правление оказалось настолько одиозным, что Украиной доверили управлять молдавскому господарю Георгию Дуке. Через некоторое время его снова сменили украинцами.

Нужно отметить, что часть казаков находилась под властью крымского хана. Летом 1684 г. после вытеснения Г. Дуки с Правобережной Украины султан назначил гетьманом Т. Сулименко. Этот гетьман не смог взять Немиров, хотя и овладел некоторыми селами и городами на Правобережье. В 1685 г. 20 тыс. татар вместе с гетьманом Ханской Украины Т. Сулименко осаждали Немиров. Во время осады гетьман погиб, и новым правителем стал С. Лозинский, известный также как Стэцьк. С 1686 г. он рассылал к украинскому населению Правобережья универсалы с требованием признать татарский и турецкий протектораты. Летом 1689 г. он с 10 тыс. татар взял Немиров. В 1690 г. султан отдал дело назначения гетьманов крымскому хану, и тот провозгласил гетьманом С. Лозинского, который с помощью татар взял Сороки и Цекановку в 1692 г.

В 1695 г. пропольские казаки С. Паляя и С. Самуся под Дубоссарах разбили протатарских казаков. В 1698 г. хан поставил гетьманом И. Багатого, который рассылал к левобережным украинцам воззвания с призывом отречься от русского подданства. Когда в 1699 г. поляки объявили о ликвидации казачества на Правобережной Украине, местные полковники Т. Маяцкий и Ф. Швачка попросили крымского и турецкого подданства. С возвращением Османами полякам Подолья и района рек Ягорлык и земель на север от Саврани, столица Ханской Украины переехала из Ягорлыка в Дубоссары, а С. Палий поднял антипольское восстание на Киевщине, и контролировал ее

часть до 1704 г. [Крим 2014: 153-156; Чухліб 2008: 100-115, 129-140].

В 1709 г. запорожцы были готовы выступить на стороне шведов. Однако позиция Девлет-Гирея не позволила им поднять открытое восстание. Разгром шведов под Полтавой и капитуляция у Переволочной вынудила многих запорожцев искать защиты во владениях Османов и Крымского ханства. К моменту, когда Петр I направил свои войска на Запорожскую Сечь на Чертомлыке, К. Гордиенко, который предугадал такое развитие событий, вывел несколько тысяч запорожцев вне зоны досягаемости русской армии. В ноябре 1711 г. турецкий комендант Озю (Очакова) помог казакам продовольствием. В османском документе 1711 г. указывалось на пребывание в местности Кардашим Орманы округа Ози, а также упоминалось о помощи продовольствием. Среди бежавших запорожцев упомянуты гетьман Хиречко (Гирченко), Ишкренсеке, Кошсет, Андрей толмач. Они были названы «буткалийскими казаками». Нужно отметить, что документ был подписан османскими предводителями в районе Очаковско-Силистрийского эялета [Чухліб 2011: 224-229; Середа 2008: 337-350].

Касательно этнонима «буткал», то среди украинских ученых распространено убеждение, что у этого этнонима была татарская этимология и он буквально обозначал «смешанный народ, сброд». По мнению О. Кульчинского, название «буткал» происходило от османского названия каши, похожей на украинский кулиш. Он также не исключал, что это обозначение относилось и к внешности казаков, и могло косвенно указывать на чупрыны (казацкий чуб) запорожцев. Также турки называли украинских казаков «Барабаш» - очевидно, по фамилии одного из полковников или кошевых. Также они назывались казаками желтого тростника. В «Истории Каменца» Али-эфенди сказано, что казаки желтого тростника беспокоили поляков, и их правитель Дорошенко претендовал на равенство с самим польским королем. В этом же источнике по отношению к владениям Дорошенко использовалось название «страна Украина». Осман-эфенди в письме 1757 г. упоминал, что Киев находится на границы Украины и Лехистана. Киев был назван оплотом Малой Руси. Кроме того, Эвлия Челеби отмечал схожесть языков урусов (русинов-украинцев) и московитов. Эвлия Челеби и Мустафа Наима упоминали о братьях-казаках, то есть о казаках, которые склонялись к крымскому и турецкому подданствам [Кульчинський а; Кульчинський б; Кульчинський 2013: 71-76]

Османский хронист Мехмед Рашид сообщал о бегстве Барабашей (так турки называли казаков из Гетьманщины). Они остановились в местности Кардашым-Орманы в 1709 г. В. Мильчев считает, что говорить о переходе запорожцев и других казаков под власть Гиреев будет неправильным. 5 апреля 1710 г. в г. Бендеры состоялся совет с участием К. Гордиенко, П. Орлыка и делегации от запорожцев, остановившихся в Олешках. Эта местность и

была Кардашым-Орманы.

Во время Прутского похода, находясь в окружении, Петр I был вынужден признать переход казаков в крымское подданство. В 1714 г. П. Орлык договорился с турками о том, что Сечь является татарским протекторатом. Сама позиция крымцев была разной. В 1711 г. они были готовы воевать против запорожцев, и были настроены враждебно. Войне воспрепятствовал только «Прутский поход» русских. В 1711 г. большинство украинских казаков переселилось из Бессарабии на нижнее течение Днестра. Запорожцы обосновались в Олешках, и построили там Сечь. Она просуществовала 19 лет, пока ее не уничтожили пророссийски настроенные запорожцы И. Малашевича и И. Гусака. Кроме того, в 1728-1729 гг. запорожцы оказались втянуты в усобицу между Менгли-Гиреем и Адиль-Гиреем. В 1727 г. Адиль-Гирей собрал 2 тыс. запорожцев с Южного Буга и повел в Буджак, где сделал попытку совершить мятеж, подняв на восстание местных ногайцев. Однако бунт был подавлен, а запорожцы Адиль-Гирея были проданы на галеры. Хан репрессировал запорожцев, и те были вынуждены искать нового места для поселения на Каменке. Она находилась на территории сел Республиканец и Каиры. Они принимали участие в военных действиях на Северном Кавказе против черкесов и ногайцев в 1714-1715 и 1732-1733 гг. В 1733 г. запорожцы были наняты старостой Речицы для борьбы за польский престол. В 1731 г. запорожцы участвовали в походе на Кабарду, но вернулись из него немногие. Крымцы позволяли запорожцам свободно исповедовать православие и вести промыслы. Им предоставлялись территории для расселения на условиях, аналогичных положению ногайцев, то есть они были вассалами ханства со своей администрацией, и должны были помогать хану во время войн. В первые годы поселения запорожцы получали денежное и хлебное жалование, однако после стабилизации отношений крымцев и Османов с русскими выплата жалования прекратилась, и запорожцы на Олешках и Камянки жили за счет солеварения и контроля за переправой [Мильчев 2009: 170-178; Галенко 2010: 263-295].

Касательно же отношений с запорожцами, то, согласно Адрианопольскому договору, заключенному в 1713 г., Запорожская Сечь переходила под контроль Крымского ханства. В 1730 г. Каплан-Гирей издал ярлык запорожским казакам жившим на Каменке. С ханом казаки общались через Ор-Бея. Также они общались с заместителем Дубоссар. Также хан сообщал, что к нему пришел Пылып Орлык, один из старых мазепинцев. До этого крымский хан избегал контактов с ним, поскольку видел в нем конкурента за влияние на запорожцев. Мазепинцы просили о возобновлении союза с Крымским ханством, и хотели принести шерт хану. Кайрский договор, подписанный калгой Мехмедом, признавал Запорожье протекторатом Швеции. Турецкий султан издал два привелея Войску Запорожскому в 1711-1712 гг. В 1712 г. Девлет-Гирей II

провогласил П. Орлыка гетьманом, в то же время К. Гордиенко провозгласил себя кошевым атаманом.

Во время событий, известных как «калабалык», гетьман заявил, что не признает крымский протекторат. В 1714 г. Карл XII передал Запорожскую Сечь под татарский протекторат. С того времени гетьман в эмиграции не имел никакой власти, а землями Сечи руководил кошевой атаман. Довольно частыми были противоречия между крымцами и запорожцами. Гирей использовали принцип коллективной ответственности. За угнанный кем-то из запорожцев скот отвечал целый курень, на который налагался штраф. Сближение между Крымским ханством и запорожцами было возможно только благодаря тому, что и запорожцы, и крымцы с ногайцами были враждебно настроены по отношению к русским.

Однако в 20-30-х гг. XVIII в. начали нарастать антитатарские и антитурецкие настроения среди запорожцев. В одном из донесений ногайский мирза писал, что во время похода на русских запорожцы могут напасть на Крым. Летом 1732-1733 гг. много запорожцев выселились с южного берега Крыма и Горного Крыма. Много запорожцев в качестве райя жили на Великом Луге около Очакова и Газикермена. Также они жили у Бахчисарая, Гезлёва, Кеффе. П. Орлык был возвращен Каплан-Гиреем в большую политику, дабы сделать невозможным переход запорожцев на сторону русских. Однако это было скорее отчаянной попыткой предотвратить неизбежное [Скальковский 1882; Мильчев 2009: 170-178].

Запорожцы находились под властью крымского хана. Решения относительно их могли, кроме хана, принимать калга, нуреддин, а также ор-бей (перекопский каймакам, который был родственником Гиреев). Также принимать решения имели полномочия и беи, однако только на заседаниях ханского дивана. Кроме крымского протектората, запорожцы находились и под властью турецких сановников. Очаковский и бендерский паши контролировали лояльность казаков, выдавали им порох. Запорожцы, таким образом, находились в двойном подданстве – у Гиреев и Османов. Возрождение протурецких настроений среди казачества было вызвано политикой централизации в Российской империи. В 1762 г. императрица окончательно ликвидировала Гетьманщину. Войну против Османов запорожцы вели без особенного желания. В 70-х гг. XVIII в. состоялось восстание Е. Пугачева, в котором яицкие казаки и башкиры, поддержанные крепостными крестьянами, восстали против правительства. Среди татар и казахов тоже были волнения. В этом контексте неудивительно, что Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь. В 1774 г. запорожцы начали массово переходить в турецкое подданство, и получили право расселиться в Буджаке. В 1778 г. они оказались под властью Очаковского бея. Запорожцы проживали на территориях ногайских орд – Едисана и Буджака около городов Озю

(Очаков), Аккерман, Измаил, Килия. У турков эти казаки получили название буткальских казаков, и они несли дозорную службу, совершали диверсии во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. В 1779 г. казаки поселились в дельте Дуная [Мильчев 2011: 62-69].

В 1733 г. запорожцы обратились у губернатору фон Вейсбаху принять их в русское подданство. Весной 1734 г. сечевики числом более 7 тыс. оставили Сечь на Каменке и поселились на реке Подпольной, основав Новую Сечь. Мигрировали не только сечевики, но и запорожцы, жившие в зимовниках. Правительство Анны Иоановны и Бирона позволило переселиться всем казакам, желающим этого. В 1734 г. запорожцы получили аудиенцию у императрицы, а губернатор фон Вейсбах в том же году принял присягу на верность от казаков, вернувшихся на Гетьманщину. Дальнейшее потепление русско-украинских отношений и возобновление гетьманства императрицей Елизаветой I сделали запорожцев и иных казаков более лояльными к русским. Однако, тем не менее, кошевой атаман В. Сыч поддерживал активные отношения с крымцами. Русские в правление Елизаветы подозревали его в намерении перекинуться к татарам. В 1755 г. 119 казаков бежали к крымцам, и просили их принять под власть Гиреев. Поляки информировали о наличии подобного желания у 400 казаков, а может быть, и у всей Сечи. Однако более вероятно, что угрозу перейти в крымское подданство казаки использовали как средство давления на правительство.

Связи между Крымским ханством и Запорожской Сечью были тайными. В 1738-1758 г. в Крыму с миссиями находился И. Мирович, а его братья прибывали из Речи Посполитой в Крым. В Крымском ханстве находились мазепинцы-эмигранты. Они поддерживали активные контакты с французскими резидентами в Бахчисарае, которые не оставляли намерения использовать крымцев против русских. В 1756 г. прокрымски настроенные запорожцы подняли бунт, который, однако, был подавлен. Бунтовщики также были настроены дружелюбно по отношению к гайдамакам, периодически восстававшим в Речи Посполитой. Часть из них находила убежище в землях Османов и Гиреев. Кырым-Гирей, став ханом, поддерживал активные отношения с запорожцами, и благодаря этому восстания ногайцев не получили поддержки извне. Кош Запорожской Сечи не позволял ногайцам находить укрытие на землях запорожцев. В 1764 г. крымцы с позволения запорожцев получили позволение кочевать на землях Коша. В 1768 г. снова состоялся протатарский бунт на Сечи. Ш. де Пейсонель сообщал об активной торговле крымцев с запорожцами. Запорожская Сечь поддерживала активные отношения с крымцами и в области экономики и в политике [Мильчев 2009: 170-178; Андреева 2010: 98-108].

К крымцам после подавления Петром I восстания К. Булавина бежали 8 тыс. казаков-некрасовцев. Хурреми Челеби Акай и Халим-Гирей сообщали

о набегах крымцев на русских и о принятии крымцами бежавших казаков. Предварительные переговоры крымцев со шведами были возможны благодаря помощи И. Мазепы. Но проявить активность в 1708 г. крымцы не могли, так как им приходилось оглядываться на Османскую империю [Негри 1844; Халим-Гирей 2004].

Необходимо отметить, что в 1689-1690 гг. отдельные группы донских казаков прибыли на Кубань и перешли под юрисдикцию крымского хана. Это была группа казаков, которая была побеждена в борьбе за власть на Дону. Это были те казаки, которые негативно восприняли никонианскую церковную реформу. Они также были сторонниками С. Разина, который в 70-х гг. XVII в. хотел вступить в переговоры с Крымским ханством. Он вел активные переговоры с другими врагами Москвы – П. Дорошенко и персидским шахом. Часть донцев, мигрировавших на Куму, были готовы с кабардинцами и другими горцами совершить поход на Черкасский городок. В 1692 г. аграханские казаки переселились на Кубань. Уже переселившиеся на Кубань казаки агитировали переселиться население двух донских городков. Хан Девлет-Гирей II предоставил им привилегии своим фирманом. В 1693 г. Кубек-ага построил для перебежчиков городок. В 1702 г. к крымцам хотели перебежать жители Бурлацкой и Черногайской станиц. К. Булавин находился в дружественных отношениях с вождями кубанских казаков – Савелием Парфомичем, Федором Васильевичем, Мироном Никитичем, Иваном Астафьевичем, Ершом Аристом. Кубанцы сообщали донцам о положении дел в регионе. С кубанскими казаками К. Булавин поддерживал контакт через Антона Дорофеева из родни Пахомова, который возглавлял кубанских казаков. Нужно отметить, что контакты с крымцами и турками булавины и кубанские казаки поддерживали через Хассана-пашу и Сарталана-мирзу. Намерения К. Булавина перейти на сторону турков изменило позицию русских по отношению к восстанию донцев, и обусловило более жесткую позицию, приведшую к разорению земли Войска Донского русскими войсками. В 1708 г. на помощь булавицам пришли 2 тыс. кубанских ногайцев и кубанских казаков [Сень б].

Нужно отметить, что протурецкие и протатарские настроения были достаточно давними на Дону. Еще в 1626 г. донцы грозили перейти к туркам. В 80-х гг. XVII в. на Дону были распространены убеждения, что лучше перейти под власть хана. Первые перебежчики появились в 1689-1690 гг. В 1692 г. донцы запросили разрешения на переход на Кубань от хана. В 1709 г. крымский хан Девлет-Гирей II отказался выдавать Петру некрасовцев с Кубани. До 1709 г. кубанские казаки были малочисленны. Массовая миграция донцев была в 1708 г. Зверские расправы правительственных войск и гонения на старообрядцев обусловили массовый отток населения в крымские владения. Донцы были недовольны нововведениями Петра I – в частности,

бритьем бород и централизацией в России. Миграция разбитых донцев обусловила создание организации войска Кубанского (ханского). В русской историографии эти казаки известны как некрасовцы, поскольку основателем этого войска был Игнат Некрасов. Турки и татары называли этих казаков «Игнат», по аналогии с «Богдан» для обозначения казаков Молдавии (по имени основателя социума). Даже француз барон Де Тот в 1769 г. называл некрасовцев «Игнат-казаками». Жили некрасовцы в поселениях Кара-Игнат и Хан-Тобе. Они также жили в районе Ени-Копыла и Эски-Копыла.

Во время очередной русско-турецкой войны в 1735-1739 гг. русские правительственные войска уничтожали казачьи поселения. Основные поселения некрасовцев находились на Правобережье Кубани. Расселение их в этом регионе датировано 1712 г. В 1710-1711 гг. некрасовцы принимали активное участие в русско-турецкой войне. Ожидалось появление некрасовцев в наступлении по направлению на Киев. Кубанское казачье войско пополнялось за счет старообрядцев, бежавших из России. Количество славянского населения было настолько большим, что была организована старообрядческая епископия во главе с Анфимом. Под татарской властью некрасовцы имели возможность вести прежний образ жизни. Им оставляли их прежнюю администрацию и веру. Один из турецких хронистов предлагал разъединить их, расселить около Минтана и Ор-капы (Перекопа). Он не считал их верными подданными, однако это было ошибкой. После того как русские завоевали Прикубанье, некрасовцы в XIX в. переселились в Анатолию и в дельту Дуная [Сень 2010; Сень 2011б; Сень 2009а; Сень 2008а; Сень 2013б; де Тот 1883].

Проблемы Крымскому ханству создавали гайдамаки. В 1705 г. много казаков осело на Ингульце и Южном Буге. В письме гетьмана Сенявского очаковскому паше Абди сообщалось о том, что бунтовщики приходили в Речь Посполиту с территории Едисана. Возвращение Речи Посполитой Правобережной Украины и ликвидация там казаческого устройства обусловили большие волнения. Уже с 1717 г. против польской администрации действовали гайдамаки. Во время польского междуцарствия в 1733 г. украинцы восстали во главе с прежними сотниками надворных казаков – Верланом и Чалым. Восстание охватило Брацлавщину и южную часть Киевщины. В 1734-1735 гг. русские и польские войска совместно разгромили гайдамаков, однако в газете «Курьер польский» за 1737 г. упоминалось, что гайдамаки продолжают разбойничать в пограничье. Они действовали в тех же Брацлавщине и Южной Киевщине. В 1750 г. русские зафиксировали новое гайдамацкое восстание в этом регионе. Крымские татары предпочитали селиться в Едисане. В 1750-х годах в Южное Побужье бежало много казаков из сиромы и люмпенизированных крестьян. В 1753-1755 гг. они основали стационарные поселения. Центры гайдамаков находились в местности

Агримекали и в устье Южного Буга. Турки и ногайцы не спешили их выдворять. Турки называли гайдамаков арпатами и реджиперами и считали разбойниками. Гайдамаки, обосновавшись на Громыклее, поддерживали активные связи с запорожцами Бугогардовской паланки. К гайдамакам тяготела антироссийская оппозиция Новой Сечи, а отряды из Гетьманщины конфликтовали с гайдамаками на границах.

Нельзя сказать, что Крымское ханство было вовсе пассивным по отношению к событиям в регионе. В 1754 г. ханская администрация заявила, что создала едисанские караулы для того, чтобы мешать гайдамакам проникать на территорию ханства. В 1761 г. в районе Южного Буга был в 1761 г. крымский караул, который занимался поимкой гайдамаков. Заняться антигайдамацкой деятельностью крымцев вынудили кражи лошадей и набеги гайдамаков [Яковенко 2009: 480-489; Мильчев 2005; Дорошенко 1992].

Марцин Броневский называл среди населения Крыма поселения греков-христиан, которых были многочислены в Крыму. Польский дипломат и географ называл греками все православное население полуострова. Нужно отметить, что, кроме казаков, на службе в Крыму находились отряды разных христиан. Посол священной Римской Империи и Австрии Бусбек сообщал о восьми сотнях готов-пехотинцев. В правление Мехмед-Гирея IV по сведениям Эвлия Челеби в составе гарнизона Ор-Капы находилось несколько сот греков. По сведениям Хачатура из Каффы указано, что казаки напали на сады татов. В 1629 г. они напали на владения татов, в том числе на Судак. В 1649 г. на татский берег напали донские казаки. Во время нападения запорожцев в 1657 г. крымский хан мобилизовал отряды из армян и караимов. В 1735 г. также было собрано ополчение из христиан. Необходимо отметить и присутствие в Крыму украинцев. Запорожцы хотели вывести украинцев-потурнаков из Крыма, однако те просили И. Сирко оставить их в Крыму, поскольку они привыкли жить на полуострове. По сведениям казачьих украинских летописей, кошевой атаман приказал их перебить. Украинский историк Я. Дашкевич усматривал в этом большую трагедию, поскольку украинская диаспора, по его мнению, могла бы существенно влиять на события в Крыму. Однако не стоит переоценивать действенность этого фактора.

Крымские татары обозначали украинцев, готовых принять ислам, тумами. Необходимо отметить, что положение христиан в Крымском ханстве было лучше чем в османской части Крыма, где они были райя. Екатерине II пришлось даже принудительно выселять из Крыма армян и греков в район теперешних Донецкой и Запорожской областей Украины. Христиане и евреи платили хану харадж. Церковные иерархи платили подать за постой татар у себя.

Митрополиты назначались в Готию из Константинополя, что ускорило эллинизацию и тюркизацию готов. Некоторые перенимали греческую речь

и назывались румеями, иные принимали татарскую речь и назывались урумами, а третьи меняли и язык, и веру, став этнографической группой татар – татами. Кстати, из татов крымские татары набирали мушкетеров – тюфекчи. Церковные действия в Крыму совершались с согласия на это мусульманского кади. Мухаммед-Гирей IV упоминал о Тат-элиском кади. Тат-эли в данном случае – это земля татов. Эвлия Челеби упоминал о греках и лазах в крымских горах. По его сведениям в этой земле были города в Крымских горах. Иоанн Шильтбергер упоминал о стране Суди (Сути), которую татары называли Кутией (Готией). Возглавлял татов тат-агасы (глава татов). Они платили налоги с дров [Сейит-Яхья 2010: 74-83; Челеби 1996; Челеби 1999; Челеби 2008; Дашкевич 2011: 451, 468-469, 483-484, 489; Ефимов 2013: 134-143; Бубенок 2013: 5-15].

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Донские казаки были склонны более сотрудничать с крымцами, чем запорожцы. В отличие от запорожцев, некрасовцы до последнего служили Гиреям, а потом Османам. Массовые переселения казаков на Кубань были вызвано подавлением восстания К. Булавина и гонениями на старообрядцев.

Отношения запорожцев и казаков с Гетьманщины с Крымским ханством отличались от этого. Причиной же бегства запорожцев был разгром сторонников И. Мазепы и опустошение Запорожской Сечи русскими. Запорожцы были настроены сразу перейти под татарский протекторат. Беженцы из Гетьманщины же сначала выступали за шведский протекторат, и лишь под влиянием обстоятельств приняли власть Гиреев. Крымский хан контактировал с ними и напрямую, и через подчиненных. Сближение запорожцев с крымцами и Османами объяснялось попытками Москвы централизовать управление землями, не обращая внимания на их специфику. В то же время, предоставление украинцам некоторой автономии делало их более лояльными по отношению к русским.

Со временем в 20-30-х гг. XVIII в. обострение в отношениях запорожцев с крымцами привело к переходу запорожцев в русское подданство. Запорожцы принимали участие в войнах Гиреев против ногайцев, черкесов и кабардинцев. Новая Запорожская Сечь была склонна к политическому и экономическому сотрудничеству с Крымским ханством, однако бунты, поднятые сторонниками протатарской ориентации, подавлялись. Ногайцы поддерживали гайдамаков Правобережной Украины. Донцы, некрасовцы и запорожцы воспринимались как вассалы Крымского ханства, и могли претендовать на автономию. У крымских греков, армян и готов не было автономии, и они однозначно воспринимались как подданные Гиреев. Они не были самостоятельны даже во внутренних делах, и их положение можно сравнить с положением христиан в Османской Империи.

БИБЛІОГРАФІЯ

Андреева С., 2010. Кримський вектор зовнішньої політики коша Нової Запорізької Січі в період між російсько-турецькими війнами 1734-1739 рр. та 1768-1774 рр. Журнал «Український Історичний збірник». № 13

Броневский М., 1867. – Описание Крыма (Descriptio Tatariae) М. Броневского. Журнал «Записки Одесского Общества Истории и древностей», № 6. 10. 03. 2016. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/rametext.htm>

Бубенок О.Б., 2013. Ранние известия о татах в Крыму. Журнал «Східний Світ», № 4

Галенко О., 2010. Східна Європа 1704-1709 у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида. Журнал «Україна в Центрально-Східній Європі», № 9-10.

Дашкевич Я.Р., 2011. Майстерня історика: Джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни. Львів

де Тотт, 1883. Записки барона де Тотта о татарском набеге на Новосербию. Журнал «Киевская старина», № 9-10. 10.03.2016. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Baron_Tott/text2.phtml?id=8089; http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1760-1780/Baron_Tott/text3.phtml?id=8090

Дорошенко Д., 1992. Нарис історії України. Т. 2. К.: Глобус. 10. 03. 2016. <http://varnak.psend.com/narys/ch12.html>

Ефимов Е.В. Христианское население Крыма в 1630-е по османским источникам. Журнал «Вестник РГГУ», № 9.

Крим, 2014 – Крим: шлях крізь віки. К.: Інститут історії України НАН України. Кульчинський О. Таємниці османських назв запорізького козацтва. 10. 03. 2016. http://umma.ua/uk/history/Tayni_osmanskih_nazvaniy_Zaporozhskogo_kazachestva/241

Кульчинський О. Вірні кошові козаків жовтої тростини. Як описані українці у досі не перекладених літописах Османської імперії. 10. 03. 2016. http://texty.org.ua/pg/article/editorial/read/35962/Virni_koshovi_kozakiv_zhovtoji_troystyny_Jak_opysujutsa

Кульчинський О., 2013. Українські козаки в османській хроніці Історія Наїми як стилістичний код. Журнал «Мандрівець», № 3.

Мільчев В., 2005. Гайдамацтво на Нижньому Побужжі у 1750-х – на початку 1760-х років. Журнал «Запорізька старовина», № 3.

Мільчев В.Ф., 2009. Запорозьке козацтво у підданстві Гіреїв (1709/1711-1734). Журнал «Наукові праці історичного факультету Запорізького університету», № XXVI.

Мільчев В.Ф. Специфіка управління запорозьким (задунайським) козацтвом з боку владних структур Кримського ханства та Османської Імперії у XVIII ст. Журнал «Наукові праці історичного факультету Запорізького університету», № XXXI.

Негри А., 1844. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. Журнал «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», № 1. 10. 03. 2016. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Turruk_obsch/text.phtml?id=5430

Сейит-Яхья, 2010. Нариман Сейит-Яхья. Военные действия в Крыму в 1735-1736 годах. Журнал «Qasevet», № 37.

Сень Д.В. Отношения донского казачества с Крымским ханством в начале XVIII в. 10. 03. 2016. https://www.academia.edu/4608490/%D0%9E%D1%82%D0%BD%D0%BE%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D1%81_%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%BC_%D1%85%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%D0%BC_%D0%B2_%D0%B-D%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%B5_XVIII_%D0%B2

Сень Д.В. Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII – XVIII вв. 10. 03. 2016. <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Sen.pdf>

Сень Д.В., 1999. Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков, 1708-конец 1920-х гг. // Дисс. ... канд. истор. наук. 07. 00.02. Краснодар: Кубанский государственный университет.

Сень Д.В., 2006. Казаки Крымского ханства: от первых ватаг к казачьему войску (некоторые дискуссионные аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества). Сборник «Казачество России: прошлое и настоящее». Ростов-на-Дону.

Сень Д.В., 2008. Начальный этап адаптации донских казаков на территории Крымского ханства (1708-1712). Журнал «Известия вузов. Северокавказский регион. Серия Общественные науки», № 4.

Сень Д.В. Переселение кубанских казаков-некрасовцев в Османскую Империю в XVIII в.: дискуссия, новые источники, перспективы изучения. Журнал «Липоване: история и культура русских-старообрядцев», № 5.

Сень Д.В., 2009а. Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII – XVIII в. Журнал «Российская история», № 6.

Сень Д.В., 2009б. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. – начало XVIII в.). Журнал «Липоване: история и культура русских-старообрядцев», № 6.

Сень Д.В., 2010. Религиозная жизнь казаков Крымского ханства и положение Кубани в системе старообрядческих центров. Журнал «Липоване: история и культура русских-старообрядцев», № 7.

Сень Д.В., 2011а. Из вольных казаков в подданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. Журнал «Восток», № 5.

Сень Д.В., 2011б. Русско-турецкая война 1708-1711 гг. и начальный период жизни казаков-некрасовцев на Кубани. Журнал «Січеславський альманах. Збірник наукових праць з історії українського козацтва», № 6.

Сень Д.В., 2011 в Кубанское казачество: условия формирования и пополнения: (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих обществ Сборник «Социальная организация и обычное право». Краснодар: Изд-во ИЮМ.

Сень Д.В., 2013а. Казаки Крымского ханства в конце XVII – начале XVIII в.: численность, расселение, занятия. Сборник «Слава престолу, честь для себя // Ка-

зачество в политической жизни России: история, формы самоуправления, культура». Ставрополь: Ставропольский институт экономики и управления, 2013.

Сень Д.В., 2013б. Дипломатические отношения Крымского ханства и войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т. Разиным. Журнал «Средневековые тюрко-татарские государства», № 5: вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств.

Середа А.А., 2008. Перебування козацького війська у гирлі Дніпра (за османсько-турецьким документом 1711 року). Журнал «Україна в Централь-но-Східній Європі», № 8.

Скальковский А., 1882. К истории Запорожья. Журнал «Киевская старина», № 7. 10. 03. 2016. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVIII/1720-1740/Kaplan_Girej_I/jarlyk_zaporozcam_1730.phtml?id=6990

Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Пер. А. Ильми. Симферополь: ДОЛЯ, 2004. 288 с. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/9.phtml?id=12929

Челеби Э., 1996 Книга путешествия. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641-1667). Симферополь: Таврия

Челеби Э., 1999. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667). Симферополь: Дар

Челеби Э., 2008. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Симферополь, ДОЛЯ.

Чухліб Т., 2008. Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепи. К., Наш час

Чухліб Т., 2011. Передісторія Олешківської Січі: політичні причини переходу запорожців під зверхність Кримського ханства (1709-1711). Журнал «Краєзнавство, № 2.

Яковенко Н., 2009. Нариси середньовічної та ранньої модерної історії України. К.: Критика

**КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО КАК ЦЕЛЬНАЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ
НАХОЖДЕНИЯ УДМУРТОВ В СОСТАВЕ ТАТАРСКОГО
ГОСУДАРСТВА)**

Хамидуллин Булат Лиронович*

ABSTRACT:

The article discusses the history of the Arsk land and the southern Udmurts in the Kazan khanate. Arsk land was one of the densely populated districts of the state, played a key role in the political and socio-economic life of the khanate of Kazan, which is confirmed by the events of the summer of 1496 (action Arsk princes and the exile of Khan Mamuk), July 1530 (escape Safa Giray of Kazan in Arsk), September, 1552 (fighting on the territory of Arsk daruga) and the First Cheremis war 1552–1557. Southern Udmurts played a serious role in ethnic and social history of the state, and their presence in the composition of the khanate left traces in many aspects of their lives. It's noted that in the Kazan khanate was observed to create a single ethno-political community, including the ethnic groups of the Kazan Tatars, Mari, Chuvash, part of the Bashkirs, Mordovians, and Udmurts. But as a result of the events 1552–1557, the middle Volga region was the first major multinational region included Rus', now and forever turned to Russia with its unique multiethnic and multicultural character.

KEYWORDS:

the Kazan khanate, the peoples of the Middle Volga region, Arsk land, «Armu», the Udmurts, the Tatars, the Besermyans, the emergence of multinational Russia.

Казанское ханство (1438/1445–1552/1557) имело богатую историю [Ахмеров 1909; Худяков 2004; Хамидуллин 2005; Исхаков 2005; Измайлов 2006: 147–149; Хамидуллин 2008: 402–405]. Являясь крупным и экономически развитым государством [Мухамедьяров 1950], оно играло серьезную роль в политической жизни Восточной Европы и Западной Сибири [Атласи 1914; Исхаков 2004; Бахтин, Хамидуллин 2014: 289–358; Аксанов 2016; Khamidullin 2016: 5–17], существенную – в этносоциальной и культурно-экономической истории Волго-Уральского региона [Хамидуллин 2002; Петрова 2004].

Территория Казанского ханства («Булгарского вилайета» [Хамидуллин 1999: 18–19], «Казанского царства») включала земли «Камскою и Сыплинскою и Костятцскою и Беловолжскою и Вотяцкою и Башкырскою» [Хамидуллин 1999: 70] площадью ок. 250 тыс. кв. км. На севере его границы проходили около реки Чепцы, на востоке – около рек Сылвы и Ирени, включая

* Руководитель Центра изучения татарской диаспоры Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (г. Казань), кандидат исторических наук. E-mail: bulat.antat@mail.ru

низовье реки Белой, на юге – по Самарской Луке и реке Самаре, вдоль Волги почти до современного Саратова, на западе – по рекам Суре, Ветлуге и Мокше. Ханство условно делилось на 4 «стороны» (Арскую, Горную, Луговую и Побережную), а административно-политически – на ханский домен («Булгарский вилайет» / «Болгарской царев юрт») и на 4–5 вилайетов/даруг/княжеств (Алатскую, Арскую, Галицкую, Зюрейскую и, позднее, Ногайскую), которые включали улусы/области/уделы, или/эли/сотни и более мелкие административные единицы. В государстве было большое количество (более 700) крепостей, поселений и городов, возникших еще в X–XIV вв. Города Казан (Казань), Алабуга (Елабуга), Арча (Арск), Болгар, Жори (Зюри), Иске Казан (Старая Казань), Кашан, Тятеш (Тетюши), Чаллы представляли собой крупные военно-политические и культурно-экономические центры страны.

Население Казанского ханства, кроме государствообразующего этноса казанских татар, составляли добровольно подчинившиеся власти Чингизидов и просившие их быть «заступниками» «от насилия и воевания русскаго» и «царству строителями» [Казанская история... 1985: 326] марийцы и чувашы, а также часть башкир, мордвы и удмуртов общей численностью около 400 тыс. человек. Примерно половину населения представляли мусульмане, вторую половину – язычники. Важно отметить, что в Казанском ханстве, при главенстве ислама суннитского ханафитского мазхаба, существовала полная веротерпимость, что было связано с традициями Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Монгольской империи и Золотой Орды.

Своеобразные этнополитический генезис и географическое расположение Казанского ханства, а также относительная малочисленность государствообразующего населения (ок. 150–200 тыс. человек) приводят к оригинальному этносоциальному развитию местных народов. В этот период отмечается увеличение интенсивности межэтнических взаимодействий, рост удельного веса татарского этнического компонента, широкое этнополитическое, социально-экономическое и ненавязчивое конфессиональное влияние государствообразующего татарского населения на периферийное население ханства, тюркское этнокультурное влияние на финно-угорское население страны (нередко приводящее к формированию специфических этнографических групп – каратаев, бесермян и т.д. – в среде периферийного населения государства) и финно-угорское этнокультурное влияние на тюркское население государства (что наиболее ярко было выражено в этногенезе чувашей) [Хамидуллин 2004: 26].

Особо важно отметить, что в Казанском ханстве наблюдается создание новой этнополитической общности, включающей этносы казанских татар, марийцев и чувашей, части башкир, мордвы и удмуртов, о чем свидетельствует наличие в стране устойчивого этнического равновесия, социально-экономической, культурной и языковой интеграции, осознание всем населе-

нием государства своей принадлежность к единому политическому целому и признание им этого целого своей Родиной [Хамидуллин 2004: 26], о чем, в частности, четко свидетельствуют события в регионе в 1552–1557 гг. И, кстати, именно это дало в свое время (1950 г.) возможность московскому историку Ш.Ф.Мухамедьярову назвать Казанское ханство не только «национальным государством казанских татар» [Мухамедьяров 1950: 144], но и одновременно «государственным образованием народов Среднего Поволжья» [Мухамедьяров 1950: 5], а ижевскому ученому Г.К.Шкляеву в 2003 г. отметить, что сопротивление южных удмуртов «пришельцам» «сразу после присоединения Казанского ханства к России» [Шкляев 2003: 107] свидетельствует о том, что «удмурты и мари защищали свою государственность» [Шкляев 2003: 108] ...

* * *

В середине XV в. южная группа удмуртов – окончательно сформированного уже к рубежу X–XI вв. этноса [Голдина 1999; Чураков 2001; Голдина 2004; Чураков 2007: 80,

86–87; Владыкин, Христолюбова 2008] (самоназвание *удмурт, удморт, уртмурт, укморт, мн. удмуртъес* [Пименов 1977; Белых, Напольских 1994: 278–288] экзоэтнонимы: мар. «одо», «одо-марий», рус. «воть», «вотяки», «арские люди», «арины/аряне», тат. «чирмеш/чирмешлэр», «ар/арлар», чув. «ар/арсем» и т.д.) – оказалась в составе Казанского государства [Трефилов 1951: 78–101; Чураков 2001: 3; Батыршин 2014: 10], в ее Арской [Зайцев 2015: 188–206]* и отчасти Зюрейской даругах. Первый казанский хан Махмуд (сын основателя династии казанских ханов Улуг-Мухаммада) [Хамидуллин 2008: 403; Фэхретдин 1995: 38–55] нашел в регионе поддержку среди местной родовой верхушки, видевшей в его приходе возможность усиления центральной власти, ослабления междоусобиц [Очерки 1958: 33], активного противодействия экспансии на свою территорию новгородских и вятских ушкуйников, галичских, московских и иных русских князей [О фактах... 1998: 37–39]. Как правильно писал в 1998 г. йошкар-олинский ученый А.Г.Бахтин, «в условиях, когда Среднее Поволжье периодически подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как болгарское население, так и марийцы, удмурты и чувашаи» [Бахтин 1998: 40].

Арская даруга (Арская земля, Арская сторона, Арская четверть) была одним из густонаселенных административно-политических уделов государства

* Удм. «Арима», тат. «Арча ягы», рус. «Арская сторона», «Арская земля». О тождестве Арской земли и «Ардабаева юрта», отмеченного в переписке Ивана IV и ногайского мурзы Уруса. Это совр. Заказанье – 12 районов Республики Татарстан, а также часть Мари-Турекского, Моркинского и Параньгинского районов Марий Эл, Вятскополянского и Малмыжского районов Кировской области.

со смешанным этническим составом [Генинг 1967: 271–278; Чернышев 1971: 272–291; Чураков 2001: 76; Руденко 2002–2003: 100–136]. Удмуртские поселения, входившие в состав Казанского ханства, обычно располагались по берегам рек, озер и вблизи родников. В настоящее время много сторонников имеет концепция удмуртского происхождения города Арска, якобы основанного в XI в. (упоминаемая арабами «Арса»/«Арта», главный город «Арсани-и»/«Артании») [Шутова 1987: 121; Чураков 2001: 78–79]*, якобы существовавшего в качестве центра самостоятельного южно-удмуртского княжества в XII–XV вв. [Сысоева 1967: 297–302] и удельного удмуртского княжества в составе Казанского ханства в XV–XVI вв. [Худяков 1920: 346–347], и в действительности многократно упоминаемого во многих русских летописях в связи с политическими событиями на территории Казанского ханства [Ситдииков, Хузин, Шакиров 2010: 5–15]. Серьезной основой этому мнению служит удмуртский фольклор [Атаманов 1997: 80–81, 84; Атаманов 2003–2004: 59–60], в частности – информация, что «в Арске восседал удмуртский царь (эксэй)» [Атаманов 2003–2004: 60–61, 65], и наличие в написании названия города компонента «ар», однозначно трактуемого некоторыми исследователями как указание на удмуртов [Белых 1996: 85–92; Чураков 1999: 5–14; Чураков 2001: 89–104]. Однако, эта концепция не раз ставилась под сомнение [Смирнов, Вотяки 1890: 53] и уже не единожды серьезно критиковалась, и в первую очередь ижевскими исследователями [Белых 2005: 10–16]. Имеется также обширная историческая литература, рассматривающая возникновение города Арска в XII в. как результат болгаро-чувацкого заселения бассейна рек Казанки, Вятки и Чепцы. В этой концепции Арск считается изначально чувашским городом, население которого позднее было ассимилировано татарами. В концепциях же, обосновывающих болгаро-татарское происхождение Арска, возникновение города видится как результат процесса политико-экономического закрепления территории будущей Арской земли в рамках Волжской Булгарии в XI – первой половине XIII в. [Бурханов 2001: 78–79] либо как результат стремления золотоордынских татар «удержать за собой эту страну» [Второв 1840: 214–215], а последующее развитие города неразрывно связывается с этногенезом татар Волго-Вятского региона. Как правильно писали в 2010 г. казанские археологи Ф.Ш.Хузин, А.Г.Ситдииков и З.Г.Шакиров, «решение актуальных проблем ранней истории Арска возможно только при комплексном рассмотрении всех имеющихся источников и анализа результатов научных исследований» [Ситдииков, Хузин, Шакиров 2010: 3]. Также они грамотно подчеркивали, что «историко-культурное наследие Арска и его округа – это наследие всех проживающих здесь народов, созданное усилиями многих поколений их предков и требующее кропотливого изучения и бережного сохранения» [Ситдииков, Хузин, Шакиров 2010: 5–15].

* С предложенной Н.И. Шутовой датой начала функционирования Арска (конец I тыс. н.э.) согласны многие ижевские археологи, поддержал это мнение и В.С. Чураков.

Количество удмуртского населения, входившего в Казанское государство (так называемые южные и/или арские удмурты; в русских письменных источниках – «черемиса, зовемая отяки» [Казанская 1985: 316] ибо «две бо черемисы в Казанской области, а языка их три» [Казанская 1985: 388]; «казанские люди вотяки», «казанских мест вотяки», «вотяки из казанских мест» [Исхаков 2010: 145–146]), было невелико – на мой взгляд, не более 50 тыс. человек. Видимо, в ханстве проживали представители следующих удмуртских родов (удм. выжы): Зумья/Юмья (члены этого большого рода часто занимали главенствующее положение среди удмуртов Арской земли), Дурга, Затча, Кибья, Кӧпка, Куарса, Лӧзя, Можга, Нӧрья, Омга, Пельга, Поколь, Пышъя, Салья, Турья, Уля, Уча, Чабья, Чипья, Чола, Шудья, Ырга и др. [Атаманов 2003-2004: 58–67; Чураков 2001: 203–204; Чураков 2005: 43–57]. Пребывание удмуртов камского правобережья в составе Казанского ханства оставило следы на многих сторонах их жизни. Исследователи отмечают сильное татарско-ногайское и марийское влияние на этнокультурный облик южных удмуртов; определенное этнокультурное воздействие на них оказали также башкиры и коми [Владыкин 1969; Чураков 2001: 296]. Многие наименования предметов и понятия, в частности – социальные термины, привнесены в среду удмуртов именно в период Казанского ханства местными тюрками [Очерки... 1958: 36; Кельмаков 1993: 239-255].

Очень непродолжительное время, около 10 лет, примерно с 1468 г. по 1477 г., когда в городе Хлынове – центре Вятской земли правил наместник хана Ибрагима, в состав Казанского ханства входили также северные удмурты и часть коми. Столь кратковременное пребывание северных удмуртов в вассальной зависимости от казанского хана, естественно, не отразилось на их этносоциальной истории. Очень правильно по этому поводу писал в 2001 г. ижевский ученый В.С. Чураков: «...были случаи, когда обе группы удмуртов оказывались в составе одного государства, как это, к примеру, происходило в годы правления казанского хана Ибрагима, которому в 1468 и 1478 гг. удавалось распространить свою власть на Вятскую землю. Однако подобные объединения носили временный характер и не приводили к существенным изменениям в социально-политической истории северных и южных удмуртов, ориентированных на разные политико-культурные центры. Первые, соответственно, испытывали сильное влияние русских христианских княжеств и земель, а вторые тяготели к тюркскому, преимущественно мусульманскому миру. Причем в отличие от северных, южные удмурты прошли через длительный синтез культур и социально-политических институтов земледельцев и кочевников. Лишь после включения территории Казанского ханства в состав Русского царства обе локальные группы оказались в составе одного социального организма, более чем четырехсотлетнее пребывание в котором тем не менее не смогло до конца

сгладить унаследованные от предыдущих эпох особенности материальной и духовной культуры южных и северных удмуртов» [Чураков 2001: 3].

В условиях лесного Прикамья древнейшими хозяйственными занятиями удмуртов была охота, рыболовство, бортничество и собирательство. По мере развития производительных сил удмурты постепенно переходят к производящим формам хозяйства – животноводству и земледелию [Шкляев 2003: 98–99]*. Однако в XV–XVI вв. эти виды хозяйства удмуртов оставались еще малопродуктивными. Присваивающие типы хозяйства (охота, рыболовство, собирательство, бортничество) были более органично и непосредственно связаны с природно-географической средой обитания удмуртов и фактически полностью определялись ею.

Из ремесел наибольшее развитие у южных удмуртов периода Казанского ханства получили кожевенное, косторезное, деревообделочное и ткацкое, имевшие вид кустарного производства, появляется также кузнечное дело. Продукция ремесла в основном шла на удовлетворение спроса местного населения, торговля имела обменный местный характер. Предметами же вывоза из Арской земли являлись пушнина, мед и олово [Хамидуллин 2002: 218].

В этот период в культуре южных удмуртов прослеживается активное смешение традиций местных финно-угорских и тюркских народов. Исследователи отмечают близость культуры удмуртов к культуре коми и луговых марийцев, а также сильное тюркское влияние на материальную и духовную культуру удмуртов [Владыкин 1969: 214–220]. Именно сильным этнокультурным влиянием тюрков Казанского ханства на южных удмуртов известный историк-этнограф В.Е.Владыкин объясняет появление в Прикамье этнографической группы бесермян, которых он считает частью южно-удмуртского населения, испытавшую значительную тюркизацию и исламизацию [Владыкин 1969: 214–220; Владыкин 1991: 24, 28].

Этноним бесермян распознается относительно легко – это искаженное от тюрк. *busurman*, восходящее к перс. *mosalman*, произошедшего от араб. *moslem(un)* [Напольских 1997: 52–53; *Белых* 2005: 132]. В русских письменных источниках XIII–XVI вв. термином «бесермены» именуется мусульмане, какая-то часть волжско-камских булгар, а также татары [Напольских 1997: 50–54; Рудаков 2013: 19–24]. Не забудем также и сообщение Сигизмунда Герберштейна первой трети XVI в. о том, что «название же “бесермены” их [татар] радует» [Из глубины ... 2000: 238], что косвенно свидетельствует о достаточно широком распространении этого термина в Поволжье. На сегодняшний день практически все исследователи единодушны с географическими (Арская земля) и хронологическими (период Казанского ханства) рамками этногенеза бесермян. Однако с этническими компонентами и элементами их этногенеза, а также с пропорциями этих компонентов и

* Кстати, есть достаточные основания полагать, что сельское хозяйство велось в основном трудом удмуртских женщин, а также подростков.

элементов до сих пор не все ясно [Корепанов 1931: 99–106; Трефилов 1967: 310–318; Тепляшина 1968: 177–187; Тепляшина 1970: 5–22; Владыкин 1971: 56–57; Исхаков 1980: 19–37; Гришкина, Владыкин 1982: 25–27; Каховский 1982: 90–94; Кельмаков 1987: 113–115; Напольских 1997: 50–54; Напольских 1997: 52–53; *Белых* 2005: 130–135; Исхаков 2010: 60–75], т.к. в русских письменных источниках XVI–XVII вв. они именуется «чувашиами/чювашиами/чавашами» либо «чавашами арьскими» [Луппов 1997: 22–23; *Белых* 2005: 130–135], в документах XVII в. – и «чувашиами», и «бесермянами» [Луппов 1997: 23; Тепляшина 1968: 177–187] (лишь с конца XVII в. они начинают именоваться только лишь «бесермянами», аналогично тому как «ясачные чуваши» Казанского уезда – представители крестьянского сословия, платившего ясак – начинают именоваться «ясачными татарами» [Чернышев 1963: 176; Ермолаев 1982: 67; *Исхаков*: 140–146; Исхаков 1998: 80–102; Материалы Круглого стола... 2014: 207–242; Димитриев 1978: 84, 94; Каховский 1982: 90–94]), но при этом сами про себя говорили и говорят: «мы прежде были татарами» [Сорокин 1896: 90], «мы из татар, а сейчас удмурты» [Владыкин 1970: 43], т.е. очень конкретно подчеркивают свое татарское происхождение и отмечают ассимилированность в угро-финноязычной среде [Напольских 1997: 52–53]*. Отсутствие у бесермян воршудов (у удмуртов – духов-покровителей того или иного выжы – рода [Чураков 2001: 125–126; Чураков 2003: 4; Чураков 2004: 55–60; *Чураков* 2005: 43–57; Бушмакин 1970: 168–176; *Зеленин* 1980: 118–132; Атаманов 2001: 215]), так же, по мнению известного этнографа К.И.Козловой, ставит под сомнение гипотезу о южно-удмуртском происхождении бесермян [Козлова 1994: 168–170].

Основная часть южных удмуртов (как и северных) исповедовала так называемую «языческую» религию. Система язычества удмуртов, имевшая много общего с верованиями других финно-угорских народов региона, характеризовалась значительной сложностью. Об этом свидетельствуют многочисленный пантеон божеств, авторитет служителей культа, наличие особых мест молений, святилища, детально разработанные ритуалы с обрядами жертвоприношений и т.д. – все это было призвано идеологически обеспечить функционирование схемы «человек-общество-природа» [Владыкин 1991: 34; Владыкин, Христоробова 2008: 248].

Издавна включенные в тесные межэтнические политические, экономические и культурные связи в составе Волжской Булгарии и Золотой Орды южные удмурты Казанского ханства достигли более высокого уровня развития производительных сил, и социальная дифференциация у них была выражена ярче, чем в тот же период истории у северных удмуртов [425 лет... 1983: 19].

* Однако известный ижевский финно-угровед В.В. Напольских в 1997 г. отмечал, что современные бесермяне «очень четко отделяют себя (точнее – в известной степени дистанцируются) от окружающих народов – удмуртов и татар».

Главой соседской общины на собрании членов общины кенеше (тюрк. «совет») избирался тюрю (тюрк. «руководитель») и его помощники, которые при посредничестве эльйыров/калыкыров (сотных князей; от тюрк. «страна», «народ») регулировали взаимоотношения удмуртского податного населения с арскими князьями. Постепенно, при поддержке татарских мирз, которые нередко были кровно связаны с удмуртской знатью [Трефилов 1951: 97; Исаков 2010: 127], установилась несменяемость тюрю (байев/узыров = богачей), и они стали сосредоточивать в своих руках значительную власть и обогащаться за счет простых общинников (калык, кара-калык, начар-калык, куанер – черные люди, бедняки). Со временем они становятся мелкими землевладельцами. Укрепление власти тюрю было выгодно казанским феодалам, т.к. это обеспечивало бесперебойность поступления ясака в правительственную казну, в то же время значительно снижая возможность возникновения этносоциального напряжения в регионе.

В социальной структуре южно-удмуртского общества периода Казанского ханства заметное место занимали и служители языческого культа. Должность жреца среди удмуртов не наследовалась персонально, а закреплялась за определенной родственной (семейной) группой – «родом жреца». Жреческая группа не была единой, а строилась по иерархическому принципу: низшим божествам служили низшие жрецы, верховным – главные жрецы [Хамидуллин 2002: 220–221].

Южные удмурты подчинялись татарским феодалам, называемым в русских летописях «Арьскими князьями» [Казанская... 1954: 132; Галлям 2010: 141–143], чьи дворцы, по мнению русского полководца А.М.Курбского, были «зело прекрасны и воистину удивления достойны» [Курбский 1902: 21]. Арские князья (по мнению многих казанских и ижевских историков – потомки кыпчаков султана Бачмана, татарские князья из клана Кыпчак [Исаков 1995: 95–98; Исаков 1995: 95–107; Исаков 1998: 31–42; Чураков 2001: 233, 243; Владыкин 2003: 270; Белых 2005: 10–16; Исаков 2007: 61; Исаков 2009: 233–238; Исаков 2010]), по мнению некоторых ижевских исследователей – представители отатаренной южноудмуртской племенной знати [Гришкина 2004: 25, 34]) имели свои резиденции в городе Арске (центре Арской даруги) и в крупном населенном пункте Нукрате (ныне – село Карино Слободского района Кировской области; по-удм. Карагурт), расположенном на реке Чепце [Исаков 2010: 224]. Как единодушно отмечают многие исследователи, арские князья играли выдающуюся роль в политической и социально-экономической жизни Казанского ханства, что, например, подтверждают события лета 1496 г. (мятеж арских князей и изгнание хана Мамука) [Патриаршая ... Т. XII: 343; Патриаршая ... Т. XIII: 166, 467], июля 1530 г. (бегство Сафа-Гирея из Казани в Арск) [Вологодско-Пермская... : 314], сентября 1552 г. (бой на территории Арской даруги) [Разрядная... : 415–420], а также Первой че-

ремисской войны, то бишь восстания 1552–1557 гг. [Алишев 1995: 143–156].
ВВВ

Летом 1489 г. город Хлынов и Вятская земля были завоеваны войсками московского великого князя Ивана III [Софийские... 1853: 239; Устюжские...1982: 97]. Признанный специалист по истории Поволжья и Приуралья М.В.Гришкина, оценивая данное событие, в 2004 г. отмечала: «...в 1489 г. вместе с русским населением Вятской земли к Московскому государству были присоединены северные удмурты. Великокняжеская власть не нуждалась в выражении волеизъявления какой-либо группы населения, тем более удмуртов. Военная сила была решающим аргументом при присоединении той или иной территории к Московскому великому княжеству в процессе его разрастания и превращения в Российское государство» [Гришкина 2004: 31]. Окончательное же присоединение Вятской земли к Москве, по всей видимости, произошло лишь во второй половине 1540-х гг. [Чураков 2007: 79], о чем свидетельствует информация письма казанского хана Сафа-Гирея польскому королю Сигизмунду I [Мустафина 1997: 32].

16 июня 1552 г. 150-тысячная [Алишев 1995: 127] русская рать, в составе которой были касимовские татары с ханом Шах-Али и городецкие служилые татары под руководством Ак-сеита Черевсева, темниковская мордва во главе с князем Еникеем, а также чуваш и горные марийцы [Патриаршая 1965: 199–200, 210], под единым командованием царя Ивана IV выступила в поход «к Казани». 4 августа она достигла границы – реки Суры, а 23 августа стала лагерем на Царском лугу под Казанью. Обороняющееся казанское войско было разделено на 3 основных подразделения. Самое внушительное из них защищало столицу ханства и, по свидетельству князя А.М.Курбского, насчитывало 30 тыс. «избранных» воинов [Сказания... 1833: 24]. Вторая группировка, численностью 15–30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по царским войскам со стороны Арского поля. Кроме татар, удмуртов и марийцев, в его составе находилось 2700 ногайцев [Казанская...1954: 131–133]. Многочисленное же марийское ополчение действовало самостоятельно на территории Галицкой даруги. Взаимодействуя друг с другом, все 3 подразделения казанского войска с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон войскам Ивана IV.

Однако вскоре царские войска достигли серьезного успеха, разгромив арскую группировку ханских войск. Во время удачного наступления они заняли Арск «и повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали» [Патриаршая... 1965: 211]. «Война их была на полтораста верст поперег, а в долину и по Каму, села повыжгли и скот их побили» [Патриаршая... 1965: 211]. Анонимный летописец так описывал

победоносный шествие русских войск по Казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы; и покрывшася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми» [Казанская 1954: 127].

После разгрома Арской земли Казань оказалась в плотном окружении русской армии. В конце сентября Иван IV приступил к методичному штурму города, и 2 октября 1552 г. столица ханства пала, а хан Едигер сдался на милость царю.

В первые же дни после взятия Казани, возможно уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружили принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А.М. Курбского, «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки» [Сказания

1833: 47]. Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск из завоеванного ханства и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением. Умеренный подход ориентировал правительство на сочетание мирных и карательных мер с целью интеграции завоеванных народов в систему Русского государства. Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения, т.к. более-менее мирное подчинение края избавляло его от дорогостоящей и кровопролитной войны, а также отвечало фискальным интересам государства.

По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловальные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует» [Патриаршая 1965: 221]. «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына боярского, хто бы им сказал цареву жаловальное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежались, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю» [Патриаршая 1965: 221]. Вскоре «с Луговой стороны такоже черемиса прие-

хала ко государю бити челом, и государь их пожаловал» [Патриаршая 1965: 221]. По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и служилый татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали» [Патриаршая 1965: 221]. Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всю землю государю бьют челом и ясаки дают» [Патриаршая 1965: 221].

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа различных поволжских народов, так и прибывшие на переговоры представители татар, луговых марийцев и удмуртов. После пира царь приказал «дать им семена земныя, и коня, и вола на орание, инем же и одеяние дать и сребрениц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажут воем своим не обидети их ничим же» [Казанская 1954: 161].

Таким образом, 10 октября 1552 г. весь край юридически покорился русскому царю. Необходимо отметить, что за несколько дней в Казань не могли, из-за опасения и удаленности, приехать многие представители отдельных родов. Следует учесть и то, что население пошло на признание подданства в обстановке реальной угрозы возможного наступления высвободившихся после взятия Казани войск. Поэтому челобитье 10 октября не во всем адекватно отражало настроения местного населения. Да и царские подарки вряд ли произвели сильное впечатление на удмуртов, татар и марийцев, ведь они всего лишь получили назад часть разграбленного у них же имущества. Однако царь, уверенный в успехе своей политики, уже поторопился объявить, что «из всех Казанских предел, вси земскийи люди, арския и луговья, нам добили челом и обещалися нам до века дань давати» [Московский 1949: 113].

Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского ханства. Одним из его центров стала Арская земля, где отряды повстанцев состояли в основном из татар, удмуртов и марийцев [Гришкина 2004: 46–49]. Вот, к примеру, границы карательной экспедиции русских войск в 1554 г.: «А война их была от Казани и по Каму, а от Волги за Ошит и за Оржум и на Илит и под Вятские волости, и от Казани вверх по Каме пол-300 верст, а от Волги к Вятке поперег 200 верст» [Патриаршая 1965: 239].

Только подавление восстания 1552–1557 гг. приводит к тому, что вся основная территория проживания удмуртов (и северных, и южных [Напольских 1997: 54]) полностью и окончательно входит в состав Московского государства. Как результат, Среднее Поволжье явилось первым крупным многонациональным регионом, включенным в состав Руси–России, превратившейся в государство с уникальным полиэтничным и поликультурным об-

ликом [400 лет...1958; Алишев 1990; Котляров 1999: 4, 235–295; Мухамедьяров 2003: 263–290; Котляров 2005].

Литература

Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. – Казань: ИИ АН РТ, 2016. – 288 с.

Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. – М.: Наука, 1990. – 269 с.

Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. – Казань, 1995.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск: «Удмуртия», 1997.

Атаманов М. Г. Из истории формирования этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа // *Finno-Ugrica*. – Казань, 2003–2004. – № 1.

Атаманов М.Г. По следам удмуртских воршудов. – Ижевск: «Удмуртия», 2001. – 215 с.

Атласи Х. Казанское ханство. – Казань: Умид, 1914. – Ч. 1. – 344 с. (на тат. яз.).

Ахмеров Г. История Казани. – Казань: Баян-ал-хак, 1909. – 116 с. (на тат. яз.).

Батыршин Р.Р. Удмурты // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: ИТЭ АН РТ, 2014. – Т. 6.

Бахтин А.Г., Хамидуллин Б.Л. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен: В 7 т. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII веков. – Казань: ИИ АН РТ, 2014.

Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-издат. комбинат, 1998.

Белых С.К. К вопросу о происхождении самоназвания бесермян // VIII Петряевские чтения. Материалы научной конференции. – Киров, 2005.

Белых С.К. История «древнеудмуртской государственности» как продукт мифотворчества // *Современные социально-политические технологии: проблемы теории и общественной практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – Ижевск, 2005.

Белых С.К. Еще раз об этнониме ар // *Финно-угроведение*. – Йошкар-Ола, 1996. – № 3.

Белых С.К., Напольских В.В. Этноним удмурт: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. – Tallinn, 1994. – Т. XXX (4).

Бурханов А.А. Средневековое городище Арск–Арча (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Интеграция археологических и

этнографических исследований. – Нальчик–Омск: ОмГПУ, 2001.

Бушмакин С.К. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. – М.: Наука, 1970.

Владыкин В.Е. Очерки этнической и социально-экономической истории удмуртов (до начала XX в.) / Диссертация ... кин. – М., 1969. – 386 с.;

Владыкин В.Е. Удмурты // Вопросы истории. – М., 1969. – № 11

Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов: Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества / АДД. – М., 1991.

Владыкин В.Е. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. – М., 1970. – № 3.

Владыкин В.Е. Происхождение бесермян // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований: Тез. докл. – Тбилиси, 1971.

Владыкин В.Е., Христорождина Л.С. Удмурты: Историко-этнографический очерк. – Ижевск: «Удмуртия», 2008. – 248 с.

Владыкин В.Е. Удмуртский этнос на перекрестке цивилизаций // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.

Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959.

Второв Н.И. Памятники древности в Казанской губернии // Журнал МВД. – СПб., 1840. – Вып. XXXVII. – № 8.

Галлям Р.Г. Летописные «Арсские князья» XIV–XVII вв.: политический, этимологический и этнический аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань: ИИ АН РТ, 2010. – Вып. 2.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып. 4.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 1999. – 464 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2004. – 420 с.

Гришкина М.В. Удмуртия в конце XV – первой половине XIX века // История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004.

Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX–XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1982.

Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Труды ЧНИИ. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1978. – Вып. 86.

Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв.:

управление Казанским краем. – Казань: Изд-во КГУ, 1982.

Зайцев И.В. Княжеские «юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. – Казань, 2015. – № 4.

Зеленин Д.К. Что такое воршуд? // Микроэтнонимы удмуртов и их отражение в топонимике. – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980.

Из глубины столетий / Сост. Б.Л.Хамидуллин. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.

Измайлов И.Л. Казанское ханство // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: ИТЭ АН РТ, 2006. – Т. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Введение в историю Казанского ханства: Очерки. – Казань: ИИ АН РТ, 2005. – 116 с.

Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. – Казань: ИИ АН РТ, 2004. – 132 с.;

Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань: «Фэн», 2010.

Исхаков Д.М. Татаро-бесермянские этнические связи как модель взаимодействия болгарского и золотоордынско-тюркского этносов // Изучение преемственности этно-культурных явлений. – М.: ИЭ АН СССР, 1980.

Исхаков Д.М. Об этнической ситуации в Среднем Поволжье в XVI–XVII вв. (критический обзор гипотез о «ясачных чувашах» Казанского края) // Советская этнография. – М., 1988. – № 5.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: «Мастер Лайн», 1998. Материалы Круглого стола «Понятия “чюваш” и “ясачная чуваша” в письменных источниках XVI–XVIII вв. как этническая и социальная страты» (г. Казань, 6 декабря 2013 г.) в сборнике: Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. – Казань: ИИ АН РТ – изд-во «Яз», 2014. – Вып. 4.

Исхаков Д.М. К вопросу об этносоциальной структуре татарских ханств (на примере Казанского и Касимовского ханств XV – середины XVI вв.) // Панорама-Форум. – Казань, 1995. – № 3.

Исхаков Д.М. Методологические аспекты изучения этногенеза и этнической истории тюркских народов Волго-Камья // Региональные энциклопедии: Проблемы общего и особенного в истории и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья. – Казань: ИТЭ АН РТ, 2007.

Исхаков Д.М. К вопросу о средневековой истории татар Вятского края // Национальная история татар: Теоретико-методологическое введение. – Казань: «Фолиант», 2009

Исхаков Д.М. О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической структуре Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Материалы конференции 1995 г. – Казань: Заман, 1995.

Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. – Казань: «Фэн», 2010.

Khamidullin B.L. Chanat Kazanski i zamieszkujace go narody na kartach zachodnioeuropejskich pisanych zrodel historycznych od XV do XVII wieku // *Życie Tatarskie*. – Grabowka, 2016. – № 43 (120).

Казанская история / Подг. текста и перевод Т.Ф.Волковой; комм. Т.Ф.Волковой и И.А.Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985.

Казанская история / Подг. текста и перевод Т.Ф.Волковой; комм. Т.Ф.Волковой и И.А.Евсеевой // Памятники литературы Древней Руси: В 12 т. Т. 7. Середина XVI века. – М.: Художественная литература, 1985.

Каховский В.Ф. Этноним «чуваши» в письменных источниках // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1982.

Кельмаков В.К. Язык бесермян в системе удмуртских диалектов // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. – Устинов, 1987. – Т. 1.

Кельмаков В.Е. Удмуртский язык // Языки мира: уральские языки. – М.: Наука, 1993.

Корепанов Д.И. Бесермяне // На удмуртские темы / Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. – М., 1931. – Вып. 2.

Козлова К.И. Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993 [рецензия на книгу] // Этнографическое обозрение. – М., 1994. – № 3.

Казанская история / Подг. текста, вступ. статья и прим. Г.Н.Моисеевой. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1954.

Курбский А. Избранные сочинения. – СПб.: Тип. Глазунова, 1902.

Котляров Д.А. Московское государство и народы Поволжья в XV–XVI вв. / Дисс. ... к.и.н. – СПб., 1999.

Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: у истоков национальной политики России. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2005. – 314 с.

Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах: Сб. статей. / Под ред. Г.К.Шкляева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. XXV.

Мустафина Д.А. Послание царя казанского // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1997. – № 1/2.

Мухамедьяров Ш.Ф., Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство в панораме веков // Татарский народ после 1552 года: потери и приобретения. – Казань: ИИ АН РТ, 2003.

Мухамедьяров Ш.Ф. Материалы по истории Татарии, вып. I [рецензия на книгу] // Вопросы истории. – М., 1950. – № 4.

Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.) / Диссертация ...

кин. – М., 1950. – 381 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Напольских В.В. «Бисермины» // О бесермянах: Сб. статей. / Под ред. Г.К.Шкляева. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Никоновская летопись // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т. XIII.

Очерки истории Удмуртской АССР. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – Т.1.

О фактах этой экспансии см.: Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский полиграф.-издат. комбинат, 1998.

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т. XII.

Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. – М.: Наука, 1965. – Т. XIII.

Петрова О.Н. Средневожские народы в политических и социально-экономических условиях Казанского ханства / Диссертация ... кин. – Чебоксары, 2004. – 341 с.

Пименов В.В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. – Л.: Наука, 1977. – 262 с.;

Разрядная книга 1475–1605 гг. – М.: Наука, 1978. – Т. 1. – Ч. 3.

Руденко К.А. Материалы к археологической карте Казанского ханства (по итогам работ в Западном Предкамье в 1995–1997 гг.) // Татарская археология. – Казань, 2002–2003. – № ½.

Рудаков В.Н. О значении термина «бесермене» в русских источниках второй половины XIII – XVI вв. // Вестник славянских культур. – М., 2013. – № 3.

Ситдинов А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. К ранней истории Арска // Арск и Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. – Казань: ИИ АН РТ, 2010.

Сказания князя Курбского. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1833. – Ч. 1.

Смирнов И.Н. Вотяки. Историко-этнографический очерк. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1890.

Сорокин П.М. Татары Глазовского уезда // Календарь и памятная книга Вятской губернии на 1897 год. – Вятка: Губернская тип., 1896.

Софийские летописи // ПСРЛ. – СПб., 1853. – Т. VI.

Трефилов А.Ф. Удмурты в период образования Русского централизованного государства в XV–XVI веках // Ученые записки НИИ истории, языка, литературы и филологии при СМ УАССР. – Ижевск, 1951. – Вып. 15.

Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваши» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки НИИ при СМ Чувашской АССР. – Чебоксары, 1968. – Вып. 40.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. – М.: Наука, 1970.

Трефилов Г.Н. Бесермяне по письменным источникам // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. IV.

Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. – Л.: Наука, 1982.

Фэхретдин Р. Казанские ханы [статьи из журнала «Шура» 1908–1909 гг. издания]. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1995 (на тат. яз.).

Хамидуллин Б.Л. Основание Казани и история Казанского ханства. – Казань: Изд-во КГУ – Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – 184 с. (на тат. яз.).

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство // Большая Российская энциклопедия. – М.: Изд-во БРЭ, 2008. – Т. 12.

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 335 с.

Хамидуллин Б.Л. Казанское ханство – Болгар вилаяте // Этническая и государственная история болгарского народа: Тезисы научно-практической конференции, посвященной 70-летию А.Х.Халикова. – Казань, 1999.

Худяков М.Г. Вотские родовые деления // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. – Казань, 1920. – Т. XXX. – Вып. 3.

Хамидуллин Б.Л. Отражение истории Казанского ханства в Никоновской (Патриаршей) летописи // Гасырлар авазы = Эхо веков. – Казань, 1999. – № 1/2.

Хамидуллин Б.Л. Этносоциальная история Казанского ханства / АКД. – Казань, 2004.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства / Подг. к печати, предисловие Б.Л.Хамидуллина. – Казань: Магариф, 2004. – 304 с.

Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. – Ижевск, 2007. – № 2.

Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971.

Чернышев Е.И. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1963

Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) / Дисс. ... кин. – Ижевск, 2001.

Чураков В.С. К критике воршудной теории // Финно-угроведение. –

Йошкар-Ола, 2003. – № 2.

Чураков В.С. Об удмуртском роде «выжы» и его сакральном покровителе «воршуде» // *Вордскем кыл.* – Ижевск, 2004. – № 2.

Чураков В.С. Происхождение названий удмуртских родов // *Linguistica Uralica.* – Tallinn, 2005. – Т. XLI (1).

Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) / Диссертация... кин. – Ижевск, 2001.

Чураков В.С. Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. – Ижевск, 2007. – № 2.

Чураков В.С. О значении этнонима ар // *Финно-угроведение.* – Йошкар-Ола, 1999. – № 4. –

Чураков В.С. Южные удмурты в X – середине XVI века: (проблемы социально-политической истории) / Диссертация... кин. – Ижевск, 2001. – 296 с.

Шкляев Г.К. Очерки этнической психологии удмуртов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003.

Шутова Н.И. К вопросу о расселении аров в конце I – первой половине II тысячелетия н.э. // *Проблемы изучения древней истории Удмуртии.* – Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1987. Сысоева М.В. Первые письменные сведения об удмуртах // *Вопросы финно-угорского языкознания.* – Ижевск, 1967. – Вып. IV

425 лет добровольного присоединения Удмуртии к России (1558–1983). – Ижевск: «Удмуртия», 1983.

400 лет вместе с русским народом. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – 103 с.

К ВОПРОСУ О РОМБОВИДНОЙ ТАМГЕ НА МОНЕТАХ ЗАПАДНО-ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

Бабаяров Гайбулла Баллыевич[□]
Кубатин Андрей Викторович^{□**}

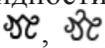
ABSTRACT:

In this article author examines the genesis of the tamgas of the Western-Turkic Qaghanate on the base of numismatic material from oases of the Central Asia, from Tashkent (Chach) oasis in particular, as well as scenes tamgas (symbolic signs) on the rock drawing from Central Asia. As it was noted by our researches, the presence of rhombus shaped tamgas and its different versions on coins show that they were minted by sovereign rulers of the Western-Turkic Qaghanate from the family of Ashina, as evidenced by such sovereign title as *Qaghan*, which have found its reflection in their coins' legend. Given tamga, with its reflection on coins and rock inscriptions of Central Asia existed its evolution; as a result it was proved of its strong stylization and gained the more round forms.

KEY WORDS:

Tamga, symbol, rhombus, coins, Western Turkic Qaghanate.

Новый нумизматический материал эпохи раннего средневековья, найденный в последние годы на территории Ташкентского оазиса (Чач), позволил нам по-другому взглянуть на вопрос о монетном чекане древних тюрок. Так, на основании иконографии и тамговых знаков, присущих данным монетам, а также титулатуры, нашедшей свое отражение в их легендах, нами было выявлено 24 основных типа монет с десятками их вариантов, чекан которых был непосредственно связан с Западно-Тюркским каганатом. Обращает на себя внимание такой факт, что в легендах монет нашли отражение такие титулы его верховных правителей как *джабгу*, *джабгу-каган* и *каган*.

На монетах Западно-Тюркского каганата заняли место четыре вида тамг: лирообразная и ее разновидности, в виде двух скрещенных мечей, якоробразная и ромбовидная – (см. Рис. 1), из которых основной являлась лирообразная тамга, генезис которой очень хорошо прослеживается на монетах [Бабаяров, Кубатин 2011: 295–303]. Изменение форм тамг, занявших место на монетах Западно-Тюркского каганата, было также непосредственно связано с изменением титула верховного правителя каганата, нашедшего свое отражение в монетной легенде. Так, формы тамг на монетах с титулом «джабгу», анэпиграфных

и др. (𐰽) [см. Рис. I. 1-12], титулом «...джабгу-каган» (𐰽) [см. Рис. I. 13-16] и титулом «...каган» (𐰽) [см. Рис. I. 17-19] позволяют сказать, что первая тамга является прототипом, а последующие тамги являются ее видоизмененными формами. Как видно, на монетах с титулом «джабгу-каган» в верхней части добавлен крючкообразный элемент, а на монетах с титулом «каган» - элемент в виде полумесяца, при этом основа тамги немного видоизменена. Надо отметить, что между монетами с титулами «...джабгу-каган» и «каган», имеются монеты с титулом «...джабгу-каган» и тамгой в форме 𐰽. Исходя из близости формы этой тамги с формами тамг на вышеупомянутых монетах (𐰽 – 𐰽), можно предположить, что она является промежуточной между ними. Значит, на монетах Западно-Тюркского каганата можно проследить следующий процесс эволюции этой тамги на примере нумизматического материала из Чачского оазиса: 𐰽 – 𐰽 – 𐰽. Мы считаем, что вышеупомянутые тамги, нашедшие отражение на монетах, связанных с Западно-Тюркским каганатом, являются стилизованными вариантами тамги правящего рода Ашина, из которого происходили каганы обоих каганатов. Данная тамга, нашедшая свое отражение на монетах и наскальных надписях Средней Азии, проделала свой эволюционный путь, в результате которой подверглась сильной стилизации и приобрела более округлые формы. Так, ее эволюционный путь мы представляем в следующем виде: 𐰽 > 𐰽/𐰽 – 𐰽/𐰽 – 𐰽/𐰽 (в Чаче); 𐰽/𐰽 – 𐰽/𐰽 – 𐰽 𐰽 (в Фергане); 𐰽/𐰽 – 𐰽/𐰽 (в Тохаристане); 𐰽/𐰽 – 𐰽 (в Панче) на монетах и 𐰽 – 𐰽 – 𐰽; 𐰽/𐰽, 𐰽/𐰽 (в Жетысу) на скалах и разных предметах. Это указывает на то, что генезис тамги, нашедшей отражение на монетах Западно-Тюркского каганата восходит к стилизованному изображению горного козла [см. Бабаяров 2007: 34-35; Табалдиев, Алимов 2004: 292, табл. 2, рис. 2, 3; Рогожинский 2010: 342, Рис. 4; Самашев, Базылхан, Самашев 2010: 88, 101-101, 164].

Как известно, тамги издавна служили в качестве знаков собственности определенного клана на отдельные ценные вещи, скот и уголья, причастности человека или группы родственников к определенной акции: в процессе проведения обрядов при заключении разного рода договоров, связанных с произнесением клятв, религиозных церемониях и др. [Яценко 2001: 22-23]. Вместе с тем, тамги, нашедшие отражение на монетах, являлись символами правящих династий, а также основанных ими государств, и были связаны как с территорией, на которой они правили, так и с их происхождением (этническая принадлежность). Учитывая это, а также тот факт, что основной тамгой Западно-Тюркского каганата являлась лирообразная, то особый интерес в этом отношении, представляют тамги, которые имеют форму, отличную от лирообразной. К таковым относится ромбовидная тамга, на которой мы остановимся ниже.

Среди монет Западно-Тюркского каганата, имеющих отличную тамгу, особое внимание заслуживают монеты с изображением двугорбого верблюда на аверсе и тамгой в виде ромба (◊) на реверсе (см. Рис. I. 24 – Рис. II). Интересен такой факт, что ромбовидная тамга (◊) встречается вместе с руническими надписями на территории Монголии, а также входит в качестве составной части в тамги Уйгурского каганата (744–840) [Зуев 2002: 246; Sertkaya 2001: 327].

Не менее интересна интерпретация данного знака. Так, Ю.А. Зуев, ссылаясь на Е.В. Антонову, пишет, что ромб острым концом вниз это вселенский половой символ женщины-роженицы, встречающийся повсеместно [Зуев 2002: 242]. В свою очередь, А.К. Амброз отмечает, что изображение ромба получило широко распространение как в Старом, так и в Новом свете в качестве одного сакральных символов, нашедших отражение в материальной культуре. Он пишет, что простой ромб имел значение символа женского начала в природе. В таком значении он выступал от палеолита до наших дней. Анализируя изображение ромба с крючками, исследователь отмечает, что данный символ связан с магией плодородия [Амброз 1965: 14–18]. Наряду с этим, очень интересна интерпретация ромба с крючками у кыргызских вышивальщиц, которые иногда называют этот знак изображением четырех голов горных козлов – трофея удачной охоты [Амброз 1965: 15–16].

Обращает на себя внимание и тот факт, что на стеле Капаган кагана каганский символ – тамга в форме горного козла, - выбита с ромбовидной головой. В данном случае ромб, по мнению С. Каржаубая, выступает как символ женского начала и катунской фракции – Ашидэ, при этом соединение двух тамг символизирует союз Ашина и Ашидэ, из которого происходил Капаган каган [Каржаубай 2002: 65]. Наличие тамги в форме ромбовидных подвесок на скалах около святилища Жайсан эпохи Западно-Тюркского каганата отмечено также А. Досымбаевой, которая пишет, что аналогичные подвески в качестве амулетов изображены на изваяниях святилища, и известны в литературе по тюркским статуям [Досымбаева 2007: 54].

Вместе с тем, схожая тамга (◊) имеется и на монетах с изображениям парного портрета, чекан которых связывается с тюркской династией Чаганиана (VII–VIII вв.), а также на монетах-подражаниях монетам Хосрова I Ануширвана (531-579) из Северного Тохаристана [Ртвеладзе 2002: 206-207]. Данная тамга отличается от вышеупомянутой тамги своей продолговатой формой и небольшими дополнительными элементами с двух углов (ср. ◊ – ◊). Но схожие элементы имеются на некоторых разновидностях и вариантах монет Чача с изображением двугорбого верблюда с ромбовидной тамгой, которые, в отличие от других монет данного типа, имеют, подобно монетам Чаганиана, дополнительные крючкообразные элементы (◊). Этот факт

позволяет предполагать наличие между ними генетических связей [см. Рис. II. 2, 8, 15]. При этом следует отметить также тот факт, что еще три вида тамг – лирообразная с ее разновидностями, в виде двух скрещенных мечей и якоробразная, - которые, подобно ромбовидной тамге, заняли место на собственных монетах Западно-Тюркского каганата из Чача, имеют свои аналоги на монетах Северного Тохаристана, связанных с каганатом: ср. , , , (Тохаристан) = , , / (Чач) (см. Рис. IV). Появление упомянутых выше тамг на территории Чача и Тохаристана в эпоху раннего средневековья, по нашему мнению, было непосредственно связано с политической деятельностью Западно-Тюркского каганата и связанными с ним этно-культурными процессами, происходившими на территории Центральной Азии [см. Гзбаяров, Кубатин 2010: 4].

Ромбовидная тамга () , схожая тамгами, занявшими место на монетах Чача и Тохаристана, была отмечена среди тамг, изображенных на камнях в Зеленчуке (Кавказ) [см. Рис. V. 3; Doğan 200: 156, res. 243–245], а также среди наскальных рунических памятников Монголии () и на некоторых памятниках Горного Алтая () (см. Рис. V. 5, 9). Кроме того, тамги, представляющие собой ромб с дополнительными элементами, были зафиксированы среди тамг, занявших место на связанных с древними тюрками наскальных изображениях из Чу-Илийского междуречья [см. Рогожинский 2010: 329-344; Рис. V. 6–8], появление которых связано с древними тюрками. Ряд исследователей связывают ромбовидную тамгу с родом Ашидэ, также имевшим наряду с ней тамгу в виде дракона. Обе эти тамги являлись символом нижнего мира, и соответственно, женского начала [Каржаубай 2002: 101, 166]. Кроме того, ромбовидная тамга с дугообразной верхней частью () заняла место на монетах тюргешей (см. Рис. V. 4).

Следует отметить, что некоторые исследователи связывают вышеупомянутую тамгу, занявшую место на монетах Чаганиана, с местной династией, происходившей из ираноязычной среды. По их мнению, в период Тюркского каганата эта тамга была воспринята местной тюркской династией, так как она имеется среди надчеканов на Сасанидских монетах из Чаганиана [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 132-133]. Но упомянутые выше факты, а также наличие вместе с надчеканом тамгой, также надчеканов согдийским письмом, которое, как известно, получило распространение в Тохаристане именно в эпоху Тюркского каганата, требуют пересмотра исследователями вышеупомянутого мнения и рассмотрения заново генезиса тамг.

Здесь возникает логичный вопрос, почему тамга на этих монетах заметно отличается от тамг, занявших место на основной массе монет Западно-Тюркского каганата? Интересен тот факт, что подобное положение характерно и для монет кушанов, на которых заняли место тамги,

различающиеся нижней частью. Так, нижняя часть тамги на кушанских монетах имеет круглую (𑖀), лирообразную (𑖁, 𑖂) и ромбовидную (𑖃) форму, при этом лирообразная и ромбовидная формы тамги имеют сходство с тамгами (𑖄, 𑖅, 𑖆), занявшими место на монетах Западно-Тюркского каганата. При сравнении нижней части тамг на кушанских монетах с тамгами на монетах Западно-Тюркского каганата, выявляется тот факт, что ромбовидная тамга в обоих государствах не присуща монетам их первых правителей. При этом следует отметить, что монеты Западно-Тюркского каганата с ромбовидной тамгой также относятся к его последнему этапу денежного обращения, когда стали входить в обращение монеты по китайскому образцу, после того как Западный каганат попал в 657 году под влияние Танского Китая.

Вместе с тем, здесь логичен вопрос о том, почему между монетами Кушанского государства и Западно-Тюркского каганата имеется сходство, хотя их разделяет временной промежуток более 200 лет, на протяжении которого на данной территории правили хиониты, кидариты и эфталиты. При этом необходимо отметить, что вышеупомянутые династии имели своей монетный чекан, традиции которого сильно отличались от традиций Западно-Тюркского каганата. Дать объяснение такому сходству между тамгами на собственных монетах Каганата и на кушанских монетах очень сложно. Однако, оставляя этот вопрос открытым, мы ограничимся лишь некоторыми предварительными выводами:

1) Так как искусство кушанов было широко распространенным и более развитым, их традиции монетного чекана стали своего рода эталоном для монет Западно-Тюркского каганата. При этом надо отметить, что тюрки, возможно, восприняли кушанские традиции чекана не от самих монет кушанов, а от их подражаний, которые чеканились в течение нескольких столетий после падения Кушанского государства;

2) Причиной того, что Тюркский каганат не воспринял в качестве эталона для своих собственных монет монеты эфталитов, на наш взгляд, является то, что эфталиты были главными соперниками каганата в Центральной Азии;

3) Возможно, такое сходство объясняется традициями государственности, характерными для империй того времени и отражающими символы власти (восседающий на зооморфном троне правитель, тамга, титулатура и др.). Вместе с тем, не надо забывать и об этногенетических связях кушанов и тюрков – в частности, по мнению некоторых исследователей, катунская (царицынская) фракция Ашидэ, активно участвовавшая в управлении Каганатом, происходила из юэчжи [Зуев 2002: 86]. Вопрос о том, с чем связано это сходство, требуют своего окончательного решения. К тому же, говоря о Центральной Азии, надо

учитывать, что роль кушанов здесь была велика, и поэтому в ряде регионов правители, в качестве доказательства легитимности своей власти, возводили свою родословную к Кушанам [см. Бабаяров, Кубатин 2011: 492–499].

Таким образом, здесь уместен вопрос: каково же происхождение ромбовидной тамги с изображением двугорбого верблюда, занявшей на монетах Западно-Тюркского каганата? По этому поводу, исходя из приведенного выше материала, представляется возможным выдвинуть лишь следующие предположительные выводы:

1) Мы не исключаем возможности, что данная тамга имеет общий генезис с лирообразной тамгой (𐰽) и ее вариантами (𐰽, 𐰽), занявшими место на основной массе монет Западно-Тюркского каганата, являясь ее сильно деформированной формой. Изменение данной тамги от лирообразной формы до ромбовидной можно наглядно проследить на монетах Панча (Пенджикента), которые, как известно, имели тюркские корни. Генезис данной тамги О.И. Смирнова представляла следующим образом: 𐰽 ← 𐰽 ← 𐰽 → 𐰽 → 𐰽 [Смирнова 1963: 15, 35]. Однако это кажется маловероятным. Очень трудно считать, что ромбовидная тамга (◊/◊), занявшая место на монетах Западно-Тюркского каганата, связана с основной тамгой Каганата (𐰽/𐰽/𐰽), связанной по происхождению с тамгой в виде горного козла, так как сходство между ними очень условное. Учитывая, что тамги на кушанских монетах состоят из двух компонентов – верхнего и нижнего (𐰽, 𐰽, 𐰽, 𐰽), а также то, что некоторая часть их нижнего компонента напоминает горного козла (𐰽/𐰽), а другая ромб (◊, ◊), причем подобное характерно также для тамг на монетах Западно-Тюркского каганата, на основной части которых изображены тамги в виде стилизованного горного козла – 𐰽/𐰽, и только на малой части (в основном, на одном типе монет последнего этапа денежного обращения Каганата) – ромбовидная, требует рассмотрения ромбовидной тамги не в качестве видоизмененного варианта лирообразной тамги, а в качестве независимого и древнего символа. Т.е. данные тамги (или символы) независимы друг от друга, но в то же время взаимосвязаны. Наличие обеих тамг на монетах Кушанского государства и Западно-Тюркского каганата, которые хотя и разделены между собой значительным временным промежутком, но все же близки друг другу в историческом и этнокультурном аспектах (возможно, также в генеалогическом), не является простой случайностью.

2) Не исключено, что ромб как один из сакральных символов, имевший значение символа женского начала в природе и связанный с магией плодородия, был сознательно проставлен западно-тюркскими каганами в качестве тамги на своих монетах, так же как и представителями тюркской династии Тохаристана на своих монетах с изображением парного потрета царствующей четы. Т.е., скорее всего, эта тамга являлась не символом

определенного государства или династии, а символом, приносящим счастье и благополучие, и в качестве такового заняла место на упомянутых выше монетах.

Литература

Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. – №3.

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.). – Ташкент, 2007.

Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология. – Туркестан (Казахстан), 2005. - № 6.

Бабаяров Г., Кубатин А. Тамги как источник по истории взаимоотношений Чача и Тохаристана в раннем средневековье (на основе нумизматического материала) // O'zbekiston tarixi, 2010. – №1.

Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алматы, 2011. – Т. 2.

Бабаяров Г., Кубатин А. К вопросу взаимосвязей между кушанами и древнимитюрками(наосновенумизматического материала)//Традиционный IV Международный тюркологический конгресс Посвященный 20-летию Независимости Республики Казахстан. – Туркистан: А. Ясауи атындығы ХҚТУ, 2011.

Досымбаева А. Батыс Түрік қағанаты қазақ даласының мәдени мұрасы. – Алматы, 2007.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы, 2002.

Каржаубай С. Объединенный каганат тюрков в 745–760 годах. – Астана, 2002.

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. мат-лов Межд. науч. конф. –Алматы, 2010.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. – Том 1. – Ташкент, 2002.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия – Тохаристан. Очерки истории и культуры древность и средневековье. – Ташкент, 1990.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. – Алматы, 2010.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент (Материалы 1949–1956 гг.). – Москва, 1963.

Табалдиев К., Алимов Р. Байыркы түрктөрдүн Талас жергесинде табылган жаңы эстеликтери // Турк цивилизациясы жана мамлекеттик салты. – Бишкек, 2004. – С . 277-294.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. – Москва, 2001.

Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Kataloğu - The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. – Ankara, 2007.

Doğan İ. Kafkasya'daki Göktürk (Runik) İşaretli Yazıtlar. – Ankara, 2000.

Sertkaya O., Battulga Ts. Hoyto-Tamir (Moğolistan)'dan yeni yazıtlar // Türk dili araştırmaları Yıllığı-Belleten 2000. – Ankara, 2001.

Рис. 1. Собственные монеты Западного-Тюркского каганата
(Чач / Ташкент).

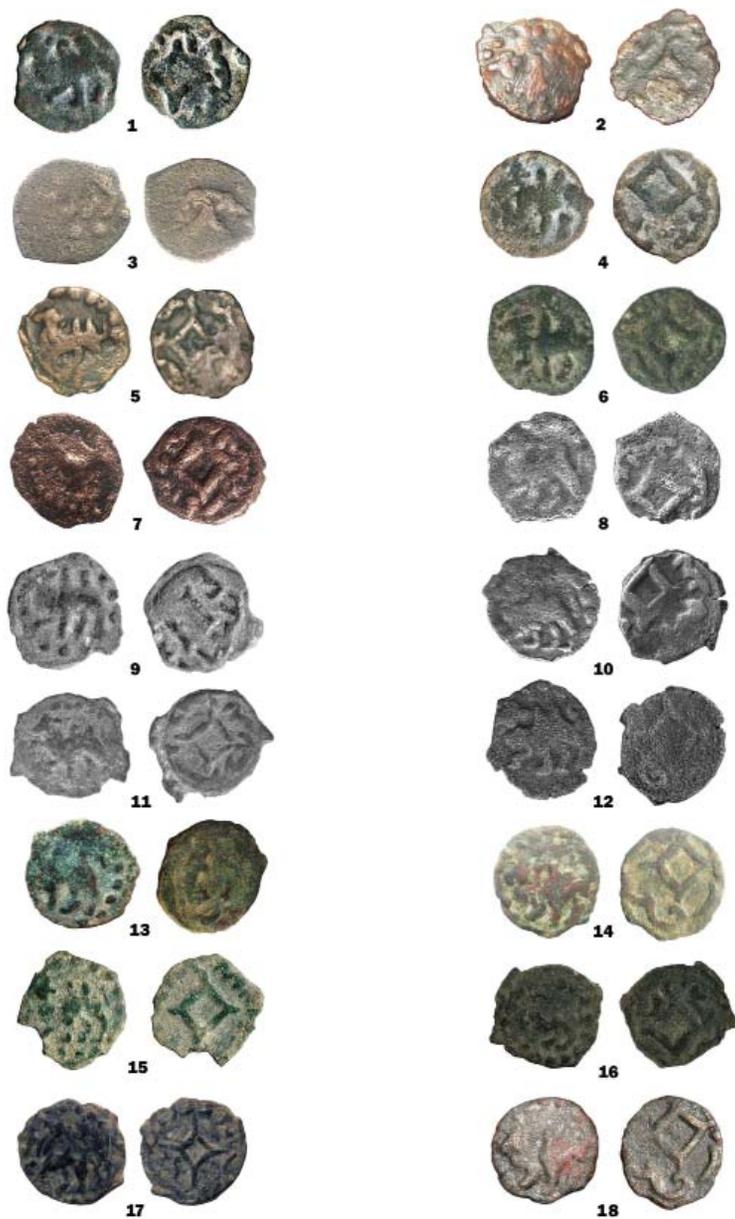

Рис. II. Монеты Западно-Тюркского каганата с ромбовидной тамгой (Чач/Ташкент)

Рис. III. Древнетюркские монеты Тохаристана с ромбовидной тамгой (VII-VIII вв.)

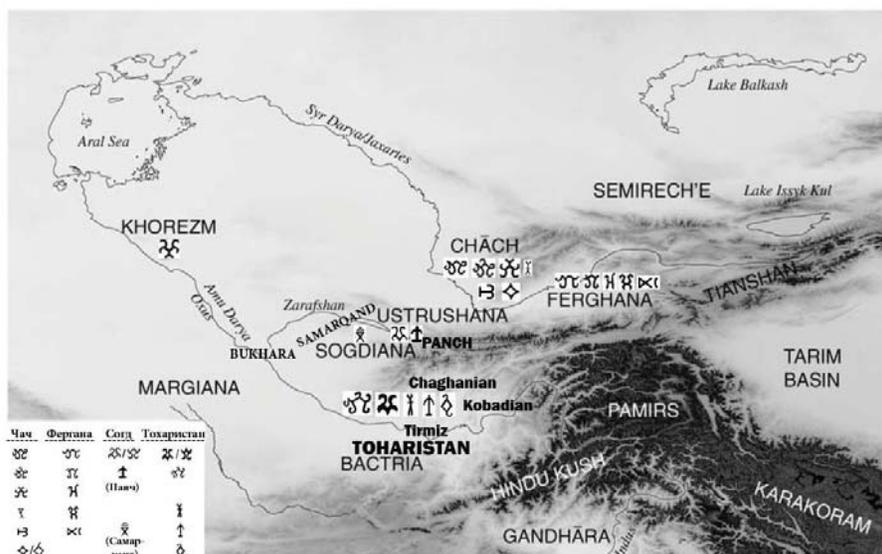

Рис. IV. Тамги встречающиеся на собственных монетах Западного-Тюркского каганата (Чач) и на древнетюркских монетах Ферганы, Согда и Тохаристана

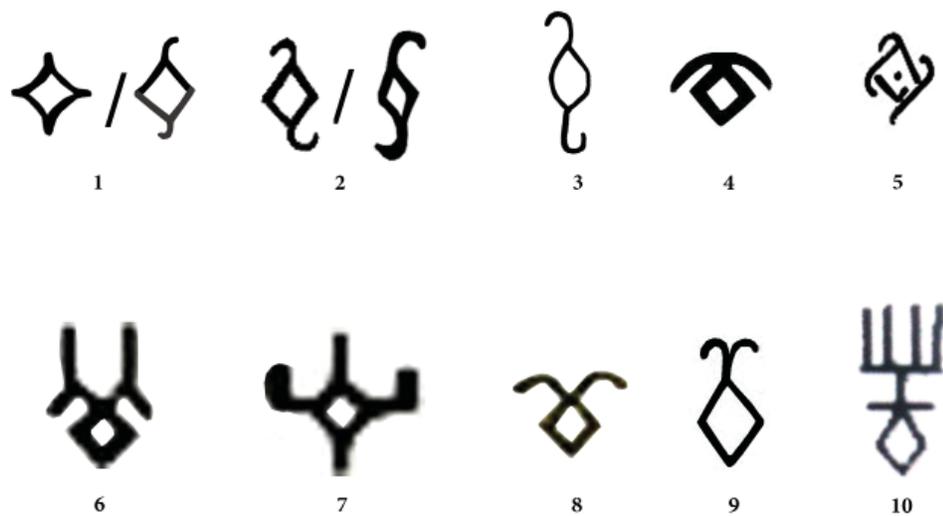

Рис. V. Ромбовидные тамги Центральной Азии, встречающиеся на различных предметах

**ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК
ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ)**

Садриев Наиль Равилевич*

ABSTRACT:

The article describes the basic types of residential buildings of the Kazan Khanate. Analysis and systematization of archaeological materials, residential and business building and monumental stone buildings occupy an important place in the study planigraficheskikh features of urban planning culture, a description of structures, building materials and the preserved architectural details. Among the most well-studied archaeological monuments of this era include Kazan. Until today in Kazan did not survive a single architectural object XV - the first half of the XVI century. Use in the construction of mainly wood, subjecting with time in the cultural layer of considerable destruction, it complicates the analysis of objects and their reconstruction. Systematics collected over many years of archaeological material in Kazan and other monuments makes it possible to reconstruct some elements of living and economic development of cities of Kazan Khanate.

KEY WORDS:

Kazan Khanate, housing, city, construction, archaeology, Tatars, Kazan, settlement, excavations, urban planning.

Введение

Период Казанского ханства, в истории Восточной Европы, остается слабо изученным. Объясняется это тем, что аутентичных письменных источников по хозяйственному укладу, относящихся к периоду существования ханства, практически не сохранилось.

Тема исследования жилых и хозяйственных построек занимает важное место в археологическом изучении любого города, позволяющее не только реконструировать планировку и топографию города, но и проследить динамику его развития, воссоздать архитектурный облик изучаемого периода, а также воссоздать своеобразие хозяйственной и ремесленной деятельности. Комплексное изучение жилых и хозяйственных построек Казани периода ханства является одним из важных составляющих в изучении прошлого этого государства. К сожалению, до наших дней, в Казани, не сохранилось ни одной постройки этого периода. Выявленные на сегодня объекты ханского времени найдены в ходе археологических исследований.

Археологическое изучение жилых построек Казанского ханства

* Научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Татарстан, Российская Федерация). E-mail: nail.sad@mail.ru

Внимание исследователей XVIII- конца XIX вв., в большей мере было обращено на существующие объекты, в Казанском кремле. Время появления некоторых из них они увязывали с периодом существования Казанского ханства. Работы в основном строились на анализе русских летописей, татарских легенд, обобщению и критике достижений предшественников [Рычков, 1767; Лаптев, 1861; Заринский, 1877, 1884; Шпилевский, 1877]. Отдельные публикации, посвященные описанию случайных наблюдений на местах проведения строительных работ, были опубликованы на страницах изданий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете во второй половине XIX – начала XX в. [Савельев, 1856; Савельев, 1865; Соловьев, 1874; Высоцкий, 1889; Высоцкий, 1900; Хомяков, 1910 и др.]. В 1881 г., Н.П. Загоскин, совместно с П.А. Понамаревым проводит археологические исследования во дворе Юнкерского училища, на территории Казанского кремля. По итогам работ были обнаружены следы основания обгоревшей дубовой крепостной стены, построенной, по их мнению, в ханское время [Загоскин, 1895].

К изучению облика города, до русского времени, в работах историков начала XX в. активно привлекались иконографический и литографический иллюстративный материалы [Худяков, 1990, 1930, с. 45–60, Калинин, 1927].

В первой половине XX в. выходят в свет работы, которые включают в себя, помимо письменных памятников, комплексное привлечение археологических материалов, при исследовании построек Казанского ханства [Калинин, 1927а; Калинин, 1927б; Калинин, 1941, Бороздин, 1929]. Они дали первые стратифицированные археологические данные на обширном полевом материале. Получены первые достоверные свидетельства по материальной культуре Казанского ханства, в том числе жилые и хозяйственные постройки периода Казанского ханства. В целом с 1923 по 1954 г. было исследовано более 5 тыс. кв.м было выявлено не менее 5 сооружений, связанных с периодом существования Казанского ханства [Ситдииков, 2006].

Археологические исследования 1960–1980-х годов дали новые материалы для изучения построек Казанского ханства. Наиболее плодотворными были раскопки 1971–1978 гг. В это время, под руководством А.Х. Халикова проводятся широкомасштабные исследования в Казанском кремле [Халиков, 1983]. Всего было заложено 20 раскопов и 36 шурфов общей площадью около 1600 кв. м [Ситдииков, 2006]. В данных раскопах было локализовано около 22 объектов, связанных с периодом существования Казанского ханства. В 1988 г. в связи с работами по строительству Казанского метро в районе пересечения ул. Баумана и Кремлевская было заложено три раскопа общей площадью 172 кв. м. [Халиков, 1989].

Исключительно важное место при анализе и систематизации фактического материала по постройкам периода Казанского ханства

занимают данные полученные в ходе археологических исследований Казанского Кремля в 1990-2000 гг. С 1994 по 2012 г. на территории кремля было заложено около 70 раскопов общей площадью более 30 000 кв.м и проведены десятки наблюдений за земляными работами, в результате которых были получены важные материалы по изучению древней Казани [Ситдииков, 1999; Ситдииков, 2006; Хузин, 2011]. Итогом исследований можно назвать монографию А.Г. Ситдиикова, посвященную историко-археологическому изучению Казанского Кремля [Ситдииков, 2006]. Автор, опираясь на большой археологический материал, прослеживает динамику развития города, реконструирует историческую топографию, локализует архитектурные сооружения, упоминаемые в письменных источниках.

Сооружения периода Казанского ханства были найдены и изучены также и в ходе археологических работ на территории республики Татарстан. Это, например, наблюдения на улицах г Казани, Камаевское и Арское городище. [Бурханов, 2001; Ситдииков 2004, 2010а, 2010б, 2011в].

К началу 2000-ых годов только на территории Казани было заложено более 100 раскопов, общая площадь которых составляет более 30 тысяч кв.м. С III слоем, слоем, сформировавшимся в период Казанского ханства, связано строительство и функционирование около 650 объектов, из которых около 90 жилищ и не менее 250 хозяйственных сооружений.

Большая часть сооружений была зафиксирована в Казанском Кремле. Среди них встречаются наземные сооружения, подпольные конструкции, максимальные размеры которых составляют 4 x 4 м. Плотность застройки была неравномерной с особой концентрацией объектов у ханского двора.

Основные типы жилой постройки

Наземную часть жилых построек, их внутренние конструктивные элементы очень сложно реконструировать, в виду плохой сохранности сооружений. Многие объекты сохранились лишь фрагментарно, в основном в виде древесного тлена или обугленных деревянных деталей. На это влияли различные факторы, в первую очередь особенности региона, в более позднее время, которая оставила большое количество перекопов. Тем не менее, на основании проведенных работ можно выделить основные типы жилища периода Казанского ханства.

Обычно жилища классифицируют по уровню пола по отношению к поверхности земли. Отсюда следует проблема, очень часто невозможно установить высоту надземной части жилищ и понять, какая именно часть дома помещалась под землей, а какая над ней. Точно так же не установлено цифровое различие между полуземлянками и жилищами, немного углубленными в землю, или подпольий. В отчетах встречается лишь небольшое количество жилищ, отнесенных к полуземлянкам.

Большая часть, среди обнаруженных жилищ Казанского ханства, представляли подполья наземных сооружений. По имеющимся данным, чаще всего это были однокамерные срубы, подпрямоугольной формы. Площадь колеблется, в основном от 9 до 15 кв.м. Материалом обычно служили сосновые или дубовые горбыли шириной около 20-25 см. Пространство между срубом и земляными стенками котлована было утрамбовано стерильной материковой глиной. Эта забутовка выполняла роль гидроизоляции деревянной конструкции. На дне некоторых сооружений были выявлены обугленные или же в виде тлена остатки, пола, чаще всего представлявшим из себя деревянный настил. Иногда пол был выложен корой. Встречаются и полностью земляные полы.

Изучение содержания подполий, дают некоторые сведения о наземной части, поскольку сюда попадали остатки разрушенного или сгоревшего дома. Так, на дне некоторых сооружений часто встречаются обугленные остатки дерева, что можно определить, как остатки кровли. На дне одного из сооружений было дранка из липовой коры, упавшей, может быть, с крыши. Очень редко встречались остатки печи в сооружениях. Остатки печей чаще всего представляют из себя обломки кирпичей и куски глиняной обмазки в виде «плиток». Вход был обнаружен в трех сооружениях. Еще в двух были выявлены остатки мебели и лестницы. 7 объектов были определены как погреба. Двухкамерных жилищ было выявлено всего три.

Полуземляночные постройки представлены комплексом сооружений под номерами №25а из раскопа II 1997 г. Они представляют собой, постройки со стенками, обшитыми тесом или горбылями. Следы деревянной обшивки четко фиксируются в срезе стенок раскопа на высоту около 180 см. Ровное дно с незначительным уклоном в восточную сторону, выявилось на глубине -500 - -520 см от 0. Под северо-западной стенкой раскопа на уровне дна сооружения расчищены остатки печи в виде пятна прокала, насыщенного обломками глиняных плиток толщиной около 2 см и древесным углем. Печь устроена в неглубокой выемке насыщенной углем и золой, после выборки которых удалось зафиксировать площадку, вымощенную сырцовыми кирпичами, причем встречены и целые формы, и куски. Размеры целых: 21х23 и 20х23 см. Пол печи покоился на прослойке глины и песка мощностью не более 7 см.

Среди наземных сооружений интерес представляет Сооружение №6. Оно представляло собой остатки нижней части наземного сооружения, имевшего подпрямоугольную форму размерами 420х500? см. Каркас сооружения представлял собою сосновый сруб, сложенный из бревен диаметром около 18-22 см. В некоторых участках сохранились следы досок от пола, положенных по линии север-юг.

Наземные срубные дома в большинстве случаев с подпольем были ос-

новным типом жилищ. Аналоги встречаются на болгарских поселениях как домонгольского, так и золотоордынского времени. Наземные срубные жилища имеют сходство с древнерусскими домами, в частности Северо-Восточной Руси. В Суздале, Старой Рязани, Рюриково городище. Сходство полуземлянок и наземных деревянных домов Волжской Болгарии и Руси может объясняться географической близостью и подобием климатических условий.

Количество сооружений периода Казанского ханства*

Номер раскопа	Исследователи	Район изучения	Количество сооружений
Раскоп I 1994-1995 гг.	Халиков А.Х. Хузин Ф.Ш. Ситдииков А.Г.	Пушечный двор	22
Раскоп II 1994-1998 гг.	Хузин Ф.Ш. Шарифуллин Р.Ф.	Сквер с южной стороны Благовещенского собора	26
Раскоп III 1995 г.	Хузин Ф.Ш. Набиуллин Н.Г.	Сквер с южной стороны Благовещенского собора	10
Раскоп IV 1995-1996 гг.	Хузин Ф.Ш. Якимов И.В.	С южной стороны Воскресенской башни	11
Раскоп V 1995 г.	Мухамадиев А.Г.	Сквер с восточной стороны Благовещенского собора	Отсутствуют.
Раскоп VI 1996 г.	Ситдииков А.Г.	На месте строительства мечети Кул-Шариф	19 (18)
Раскоп VII 1996 г.	Ситдииков А.Г.	На месте строительства мечети Кул-Шариф	31 (12)
Раскоп VIII 1996 г.	Алферова Ж.Р.	Рага Преображенского монастыря, 8 погребений	Отсутствуют.
Раскоп IX 1997 г.	Ситдииков А.Г.	С восточной стороны Благовещенского собора	24

*На основе материалов археологических исследований на территории Казанского кремля. Использовались материалы научного фонда Музея археологии Республики Татарстан. Фонд 2, опись 1, дела №№ 12-214.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА ...

Раскоп X 1997-1998 гг.	Ситдиков А.Г.	С восточной стороны Благовещенского собора	6
Раскоп XI 1997 г.	Ситдиков А.Г.	У апсид Благовещенского собора	8
Раскоп XII 1997 г.	Шарифуллин Р.Ф.	Южнее Тайницкой башни	4
Раскоп XIII 1997-1999 гг.	Хузин Ф.Ш. Набиуллин Н.Г. Шарифуллин Р.Ф.	Южнее Воскресенских ворот	48
Раскоп XIV 1997, 1999 гг.	Мухамадиев А.Г.	Внутри корпуса II Пушечного двора	5
Раскоп XV 1997-1998 гг.	Мухамадиев А.Г.	С восточной сторо- ны Благовещенского собора	Отсутствуют.
Раскоп XVI 1998 г.	Ситдиков А.Г.	Пушечный двор	3
Раскоп XVII 1998 г.	Ситдиков А.Г.	На месте строительства южного павильона мечети Кул-Шариф	24
Раскоп XVIIIА 1998 г.	Ситдиков А.Г.	На месте строительства южного павильона мечети Кул-Шариф	2
Раскоп XVIIIВ 1998-1999 гг.	Хузин Ф.Ш.	С восточной стороны Президентского дворца	2
Раскоп XIX 1998-1999 гг.	Шарифуллин Р.Ф.	С восточной стороны Президентского дворца	17
Раскоп XX 1998-1999 гг.	Ситдиков А.Г.	С южной стороны Благовещенского собора	7
Раскоп XXI 1998 г.	Валиуллина С.И. Беговатов Е.А.	С западной стороны Безымянной (Западной) башни	Отсутствуют.
Раскоп XXII 1998 г.	Старостин П.Н.	С южной стороны Президентского дворца	25 (?)
Раскоп XXXII 1999 г.	Шарифуллин Р.Ф.	У южной ограды Президентского дворца	4

Раскоп XXX 1999 г.	Мухамадиев А.Г.	У юго-восточного края Архиерейского дома	Отсутствуют.
Раскоп XXIV 1999 г.	Губайдуллин А.М.	Севернее Северо- Западной круглой башни	3
Раскоп XXXIII 2000 г.	Ситдииков А.Г.	По восточному склону холма	Отсутствуют.
Раскоп XXXIV 2000 г.	Ситдииков А.Г.	У южной ограды Президентского дворца	30
Раскоп XXXV 2000,2000 гг.	Губайдуллин А.М. Ситдииков А.Г. Хузин Ф.Ш.	Северная стена, Северная башня	Отсутствуют.
Раскоп XXXVI 2000-2001 гг.	Старостин П.Н.	Северо-Западная башня	4
Раскоп XL 2001 г.	Ситдииков А.Г.	Подвал Благовещенского собора	6
Раскоп XLI 2001 г.	Шарифуллин Р.Ф.	Между Введенской церковью и башней Сююмбике	10
Раскоп XLII 2001 г.	Ситдииков А.Г.	Вдоль здания Архиерейского дворца	8
Раскоп XLIII 2001 г.	Губайдуллин А.М.	С южной стороны Северной башни	1
Раскоп XLIIIА-В 2001 г.	Ситдииков А.Г.	С южной стороны северной стены Кремля	60
Раскоп XLV 2001 г.	Хузин Ф.Ш. Печенкин А.А.	Внутри Введенской церкви	Отсутствуют.
Раскоп XLVI 2001 г.	Набиуллин Н.Г.	С восточной стороны Тайницкой башни	Отсутствуют.
Раскоп XLVII 2001 г.	Набиуллин Н.Г.	Пятигранная башня	2
Раскоп XLVIII 2001 г.	Набиуллин Н.Г.	С южной стороны Президентского дворца	16
Раскоп XLIX 2001 г.	Ситдииков А.Г.	С западной стороны раскопа XLVIII	21
Раскоп L 2001 г.	Ситдииков А.Г. Старков А.С.	С северной стороны Преображенской башни	4

Раскоп LI 2001 г.	Старков А.С.	Между мечетью Кул-Шариф и северным павильоном	14
Раскоп LIA 2002 г.	Старков А.С.	Между мечетью Кул-Шариф и северным павильоном	1
Раскоп LII 2002-2003 гг.	Старков А.С.	Между Преображенским собором и церковью Николы Ратного	Отсутствуют.
Раскоп LIII 2003 г.	Ситдииков А.Г. Старков А.С.	С западной стороны Юнкерского училища	36
Раскоп LIV 2003 г.	Ситдииков А.Г. Старков А.С.	С северной стороны Благовещенского собора	6
Раскоп LV 2003 г.	Хузин Ф.Ш.	Спасо-Преображенский собор	Отсутствуют.
Раскоп LX 2003-2004 гг.	Ситдииков А.Г.	Спасо-Преображенский собор	2
Раскоп LXII 2003 г.	Ситдииков А.Г.	Восточная часть Казанского кремля	5
Раскоп LXIII (А-Е)	Ситдииков А.Г.	Место прокладки коммуникаций (Проходной канал)	34
Раскоп LXVa 2005 г.	Ситдииков А.Г.	Запад башни «Сююмбике» юго-запад от Дворцовой церкви	1
Проезд Шейкмана 2005 г.	Ситдииков А.Г.	Проезжая часть улицы Шейкмана	26
Прокладка коммуникаций 2004-2005 гг.	Ситдииков А.Г.	Наблюдения при прокладке коммуникаций от Манежа до Братского корпуса	1

Литература

Материалы археологических исследований на территории Казанского кремля. Использовались материалы научного фонда Музея археологии Республики Татарстан. Фонд 2, опись 1, дела №№ 12-214.

Бороздин И.Н. 1929. Археологические разведки в Кремле. I. Разведка близ Киприановой церкви // МОРП. Т. III.

Бурханов А.А. 2001. Некоторые итоги изучения памятников охранной зоны Иске-Казанского историко-культурного и природного комплекса в Заказанском регионе // Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып. 2. Казань: Изд-во ТГГИ.

Высоцкий Н.Ф. 1900. Следы древнейшего армянского кладбища в Казани // ИОАИЭ. Т. VI. Вып. 1.

Загоскин Н.П. 1895. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книга города. Казань.

Заринский П. Е. 1877. Очерки древней Казани, преимущественно XVI века. Казань.

Заринский П.Е. 1884. Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками. // Труды IV Археологического съезда. Т. I. Казань.

Калинин Н.Ф. 1927а. Археологические наблюдения на улицах Казани. (Материалы к «биографии» г. Казани) // ИОАИЭ. Т. XXXIII. Вып. 4.

Калинин Н.Ф. 1927. Где был дворец казанских ханов? // ВНОТ. № 6.

Калинин Н.Ф. 1941. Город Казань // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Лаптев М. 1861. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Казанская губерния. СПб.

Рычков П.Н. 1767. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.

Савельев В.К. 1865. Описание нескольких древнерусских монет // Известия Русского Археологического Общества. Т. V. СПб.

Савельев В.К. 1856. Русские монеты, найденные в 1854 г. близ Казани // Записки Русского Археологического общества. Т. IX. – Вып. 1. СПб.

Ситдииков А.Г. 2004. Археологические источники по истории г. Казани // Проблемы истории Казани: современный взгляд: Сб. статей. Казань. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Ситдииков А.Г. 2006. Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. Казань.

Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. 2010а. К ранней истории города Арска // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань.

Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. 2010 б. Ранняя история Арска // Достояние поколений. № 2. М.

Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Хузин Ф.Ш. 2010в. Некоторые итоги археологических исследований на территории Арского городища в 2006–2008

гг. // Арская земля: актуальные проблемы изучения историко-культурного наследия. Казань.

Соловьев Е. 1874. О раскопках в Казани // Известия Императорского Русского географического общества. Т. X. – Вып. 8. СПб.

Халиков А.Х. 1989. Археологические наблюдения на предбулачной части посада Казани XV-XVI веков // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Халиков А.Х. 1983. История археологического изучения г. Казани // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань.

Хомяков М.М. 1910. К вопросу о подземных ходах в Казани // ИОАИЭ. Т. XXVI. Отд. оттиск.

Худяков М.Г. 1930. Татарская Казань в рисунках XVI столетия // Вестник научного общества татароведения. № 9/10.

Худяков М.Г. 1990. Очерки по истории Казанского ханства. Казань.

Хузин Ф.Ш., Ситдииков А.Г. 2011а. Итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань.

Шпилевский С.М. 1877. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань.

Сокращения

ВНОТ – Вестник Научного общества татароведения

ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории, этнографии

МОРП – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР

Address:

010000, Republic of Kazakhstan,
Astana, Tawelsizdik ave., 57
International Turkic Academy (TWESCO),
Tel.: 8 (7172) 77-46-63; 8 701 746 57 21 (*Timur Kozyrev*)
Fax: 8 (7172) 74-47-80
E-mail: kozyrevt@ngs.ru, Zh.Badeluly@gmail.com

Size 70x100 1/16.
Offset paper. Printer's sheet 41
Number of copies 500